

001 (с182)
У-917.

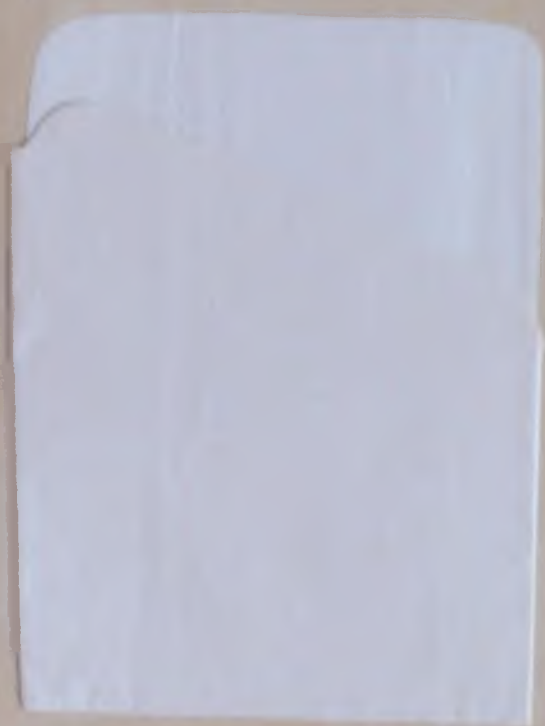
ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ДЕСЯТЫЙ

ГОРНО-АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1971

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ДЕСЯТЫЙ

184874
47881
20

Горно-Алтайская
областная
Библиотека

Горно-Алтайское отделение
Алтайского книжного издательства
Горно-Алтайск. 1971

Редакционная коллегия

Г. А. КОРДОНСКИЙ, Е. Г. МУЛТУЕВА (главный редактор), С. Я. ПАХАЕВ,
С. С. СУРАЗАКОВ, П. Е. ТАДЫЕВ, В. Н. ТАДЫКИН

В. Р. АНДРОНКИНА

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ПО РУКОВОДСТВУ
КЛУБНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ОБЛАСТИ
(1946—1965 гг.)**

В многогранной деятельности Коммунистической партии и ее местных организаций вопросы культурно-просветительной работы занимают большое место. Они постоянно привлекают внимание общественности и исследователей. Некоторые вопросы данной проблемы затрагиваются в ряде работ, выполненных на материалах Горно-Алтайской автономной области. Они частично охватывают годы исследуемого периода, но в них культурно-просветительная деятельность клубных учреждений рассматривается лишь в связи с другими проблемами. Целью предлагаемой статьи является анализ руководства партийной организации Горного Алтая учреждениями клубного типа по совершенствованию форм работы, укреплению материальной базы и поднятию их роли в коммунистическом воспитании трудящихся области в 1946—1965 годах.

В. И. Ленин указывал, что клубы, библиотеки, музеи, парки, избы-читальни призваны содействовать воспитанию у трудящихся коммунистической сознательности, поднятию их до уровня творцов нового общества. Он писал: «...государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»¹.

Поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли огромное внимание работе культпросветучреждений на всех этапах социалистического и коммунистического строительства.

Известно, что до 1945 года деятельностью клубов, библиотек, домов культуры на местах руководили отделы народного образования. Учитывая большое значение культпросветучреждений в подъеме культуры и сознательности трудящихся масс, Совет Народных Комиссаров СССР 6 февраля 1945 года принял постановление о создании самостоятельных органов по руководству учреждениями культуры в центре и на местах². В соответствии с этим постановлением в Горном Алтае в 1945—1946 годах при областном Совете депутатов трудящихся было создано Горно-Алтайское областное управление культуры, при районных советах — районные отделы культуры. Их деятельность постоянно направлялась партийными органами. В налаживании культурно-просветительной работы партийные организации и отделы культуры встретились с большими трудностями, связанными с последствиями военного времени. Одной из них являлась слабость материальной базы культпросветучреж-

дений. За годы войны в Горном Алтае помещения многих изб-читален, клубов оказались негодными для нормальной работы. Некоторые из них были превращены в складские помещения. Даже к 1949 году из 139 учреждений клубно-библиотечного типа 47, или 34%, не имели своих помещений. В их числе были: 31 изба-читальня и 4 сельских клуба⁸. Ряд клубов и изб-читален не имели своего оборудования и самых простейших музыкальных инструментов. Трудности выражались также в недостатке кадров. Заведующими избами-читальнями, клубами многие лица работали временно, 2—3 месяца, редко—год. Происходила частая их сменяемость. Перед партийными организациями Горного Алтая стояла задача наладить работу только что возникших отделов культуры, укрепить материально-техническую базу культпросветучреждений, подобрать для работы в учреждениях культуры грамотных работников.

В феврале 1949 года на совместном заседании бюро Горно-Алтайского обкома партии и облисполкома был утвержден план культурного строительства в селах области. В нем предусматривалось строительство 22 колхозных клубов, 4 изб-читален⁹. К выполнению плана были привлечены коммунисты, комсомольцы, члены профсоюзов. В результате за один 1949 год было построено 16 новых клубов⁹. Многие учреждения культуры были капитально отремонтированы. По решению бюро обкома ВЛКСМ летом 1949 года был проведен комсомольский месячник помощи культпросветучреждениям. В период месячника комсомольцы обеспечили топливом большинство сельских учреждений культуры. К примеру, в Усть-Канском аймаке члены ВЛКСМ и несоюзная молодежь изготовили необходимую мебель для Каракольской, Черно-Ануйской и Яконурской изб-читален. Были капитально отремонтированы и оборудованы сельский клуб в селе Зыряновка, избы-читальни в селах Козуль, Белый Ануй и других⁷. Однако, в течение года нельзя было решить такую трудную, требующую больших затрат проблему, как укрепление материальной базы учреждений культуры.

Разработанная программа по всем видам культурно-просветительной деятельности была разработана на пленуме Горно-Алтайского обкома партии 17—18 апреля 1953 года, принявшем решение «О состоянии и мерах улучшения культурно-просветительной работы в области». В нем важнейшее место отводилось необходимости укрепления материальной базы культпросветучреждений и обеспечения их кадрами. На это же обратил внимание 12-й пленум Алтайского крайкома партии, состоявшийся в августе 1954 года⁸. Он потребовал от Горно-Алтайского обкома КПСС принять действенные меры по укреплению материальной базы учреждений культуры.

Руководствуясь принятым решением и опираясь на рост доходов народного хозяйства, партийные и советские органы добиваются увеличения ассигнований на социально-культурные мероприятия. В 1947 году на эти цели из областного бюджета отпущено 4556,4 тысячи, в 1953 году 6205,7 тысячи, а через 12 лет, в 1965 году — 12609,4 тысячи рублей (в масштабе цен 1961 г.)⁹. Развернулось строительство учреждений культуры. С 1946 по 1965 год в области было введено в эксплуатацию 9540 мест во вновь построенных сельских клубах, т. е. в три раза больше, чем в 1918—1945 гг.¹⁰. Активное участие в культурном строительстве стали принимать колхозы и совхозы. На их долю падало 46,8% введенных мест в клубных учреждениях. Только в 1957—1965 годах выстроено за счет колхозов и совхозов свыше 60 помещений для сельских культпросветучреждений¹¹. По мере расширения строительства происходил активный процесс преобразования изб-читален в сельские клубы. К 1959 году все избы-читальни были реорганизованы в сельские клубы. К концу исследуемого периода действовало 109 сельских клу-

бов, т. е. в 9 раз больше, чем в 1946 году¹¹. Дома культуры и сельские клубы размещались в собственных помещениях со зрительным залом на 50—300 мест. Возросла их оснащенность оборудованием, культурным инвентарем.

Однако укрепление материальной базы, рост количества культпросветучреждений еще не решали успеха дела. Необходимо было иметь кадры. Областные партийные и советские органы усилили работу по подготовке и переподготовке работников учреждений культуры. Большое значение в решении данной проблемы имело постановление бюро Горно-Алтайского обкома партии «О работе с кадрами в облукультпросветотделе», принятое 29 марта 1951 года¹².

Бюро потребовало от районных комитетов партии в кратчайший срок укомплектовать все культпросветпередвижки, дома алтайки хорошо подготовленными национальными кадрами, обладающими необходимыми знаниями и опытом. Был намечен ряд мер по повышению уровня знаний работников учреждений культуры.

В учебе работников учреждений культуры клубного типа немаловажное значение имели семинары, организуемые районными комитетами партии и отделами культуры. Они проводились ежемесячно, иногда раз в два или полтора месяца. Так, за год (с июня 1952 года по июнь 1953 год) в районах области было проведено 83 двухдневных семинара с работниками сельских культпросветучреждений, в среднем по 8 семинаров в каждом районе¹³. Только Усть-Коксинский районный комитет партии в 1952 году совместно с отделом культуры провел 8 семинаров и 5 совещаний, на которых участники обменивались опытом, учились новым формам работы. Вот некоторые вопросы, обсуждавшиеся на этих семинарах: 1. XIX съезд партии и задачи культпросветучреждений; 2. Об участии культпросветучреждений в проведении зимовки скота; 3. О подготовке и проведении районного смотра художественной самодеятельности; 4. О состоянии лекционной пропаганды; 5. О работе кружков художественной самодеятельности; 6. Об участии культпросветучреждений в проведении уборки и хлебосдачи. Наряду с этим участники семинара прослушали лекции: «О международном положении СССР», «В. И. Ленин о мастерстве пропагандиста и агитатора»¹⁴. В последующие годы семинары с культпросветработниками стали носить систематический характер. С ними разучивали танцы, песни, составляли планы работы, организовывали устные журналы, показывали, как практически вводить в быт новые советские праздники и обряды. Вместе с тем специальная подготовка работников культуры продолжала оставаться низкой. Так, в 1965 году из 242 клубных работников высшее образование имели 2 %, среднее — 26,8 % и 71,2 % имели в основном неполное среднее образование. Из всех работников клубных учреждений только 6 % окончили специальные культурно-просветительные учебные заведения.

В 1946—1950 годах партийные организации области работу культпросветучреждений направляли на разъяснение задач четвертого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Работники культуры организовывали в клубах, избах-читальнях, полеводческих, животноводческих, тракторных бригадах, стоянках лекции, доклады, беседы на темы: «Основные задачи пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР», «План развития сельского хозяйства СССР в 1946—1950 годах», «Повышение материального и культурного уровня жизни народа — важнейшая задача пятилетнего плана 1946—1950 гг.», «Основная экономическая задача СССР», «Задачи тружеников Ойротской¹⁵ области в 4-й пятилетке», «Пути завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму в СССР», «Международное положение СССР»,

«Текущий момент и наши задачи». В 1946 году с помощью культпросветучреждений партийные организации Горного Алтая на эти темы провели 220 лекций, 163 доклада и 11312 бесед, охватив ими 152526 слушателей¹⁷.

Культпросветработники оказывали помощь агитколлективам колхозов и совхозов в оформлении наглядной агитации и выпуске стенных газет, боевых листков. Только в 1946 году с их помощью в колхозах и совхозах, промышленных предприятиях выдано 5630 стенных газет и боевых листков¹⁸, в которых освещался ход социалистического соревнования за досрочное выполнение задач пятилетки.

Большую роль культпросветучреждения играли в организации культурного досуга трудящихся, организуя концерты, спектакли самодеятельных артистов, различные занимательные и тематические вечера, игры и танцы для тружеников колхозов, совхозов, промышленных предприятий.

Однако, несмотря на некоторое оживление культурно-просветительной работы в Горном Алтае, многие культпросветучреждения в те годы не стали настоящими центрами культуры на селе. В резолюции 16-й Горно-Алтайской областной партийной конференции (март 1950 год) отмечалось, что многие культпросветучреждения области «неудовлетворительно ведут массово-политическую работу среди алтайцев и казахов»¹⁹. Этот же недостаток 27 октября 1950 года указал в постановлении бюро Алтайского крайкома партии «О недостатках в работе и мерах помощи Горно-Алтайскому обкому ВКП(б)». В нем говорилось, что Горно-Алтайский областной и районные комитеты партии, первичные партийные организации Горного Алтая в проведении культурно-массовой работы недостаточно учитывают национальные особенности, слабо используют... для работы среди коренного населения клубы, изб-читальни, юрты-передвижки, дома алтайки, выступая с лекциями и докладами на алтайском языке.

Горно-Алтайский областной комитет партии для устранения этих недостатков принимает ряд мер, способствующих улучшению содержания работы учреждений клубного типа, повышению их роли в мобилизации трудящихся на успешное выполнение хозяйственно-политических задач. Эти меры разработаны в трех постановлениях обкома партии, принятых в 1951 году. Первое постановление «Об улучшении работы сельских и колхозных клубов» было принято 15 июня 1951 года²⁰. Оно вменило в обязанность первичных территориальных, колхозных и совхозных партийных организаций ежемесячно рассматривать и утверждать на собраниях коммунистов, бюро первичных партийных организаций планы работы домов культуры, клубов, изб-читален, заслушивать отчеты, информации культпросветработников, совершенствовать формы работы учреждений культуры среди коренного населения и работников отгонного животноводства. Работа сельских учреждений культуры была поставлена под контроль партийных организаций.

Второе постановление касалось работы юрт-передвижек. Юрты-передвижки (позднее их стали называть культпросветпередвижками) были присущи Горному Алтаю и не характерны для других районов Алтайского края. Дело в том, что во многих колхозах и совхозах области, основной отраслью хозяйства которой является животноводство, скот находится круглый год на отгонных пастбищах. Работники отгонного животноводства по 6—8, а порой и 12 месяцев не бывают на центральных усадьбах хозяйств. Между тем они являются решающей силой в борьбе за дальнейшее развитие общественного хозяйства и занимают значительный удельный вес среди работников животноводства. В 1951 году только в колхозах пастухи и чабаны составляли 37% всех колхозных животноводов²¹. Живут они на отдаленных друг от друга животноводческих стоянках. Многие колхозы имеют по 40—50 и более стоянок.

Так, в зимний период 1951 года в колхозе «Мухор-Тархата» Кош-Агачского района насчитывалось 50 стоянок²², расположенных в 40—100 км от центральной усадьбы. Работники отгонного животноводства не имели возможности слушать лекции, доклады, концерты художественной самодеятельности, смотреть кинофильмы, читать свежие газеты и журналы. Обычными методами вести среди них культурно-просветительную работу было невозможно. Нужны были специфические учреждения культуры, формы и методы их работы с учетом хозяйственной разбросанности и национальных особенностей населения. Такими учреждениями и являлись юрты-передвижки, широко применявшиеся еще в довоенные годы. Культурное обслуживание животноводов, организация их досуга являлись одной из важнейших сторон их деятельности. Всю работу юрты-передвижки (культпросветпередвижки) вели на родном для населения языке. Штат передвижных культпросветительных учреждений состоял из заведующего, массовика, медицинского фельдшера и киномеханика, которые наряду с организацией массово-политической работы демонстрировали кино, оказывали животноводам медицинскую помощь.

В постановлении бюро Горно-Алтайского обкома партии от 26 июня 1951 года «О работе юрт-передвижек»²³ подчеркивалось, что главной задачей передвижных культурно-просветительных учреждений является пропаганда среди колхозников передового опыта социалистического ведения животноводства, борьба за дальнейший подъем хозяйства и культуры алтайского народа, работа по воспитанию трудящихся в духе советского патриотизма, дружбы народов СССР. Обком партии потребовал от районных партийных и советских органов улучшить материальную базу юрт-передвижек, полностью укомплектовать их квалифицированными кадрами. Было запрещено партийным организациям использовать юрты-передвижки и находящуюся в их распоряжении киноаппаратуру, культинвентарь для обслуживания близлежащих сел, центральных усадеб колхозов, совхозов. Они предназначались только для обслуживания работников отгонного животноводства. Бюро предложило районным комитетам партии, отделам культуры составлять ежемесячные маршруты обслуживания животноводов передвижными культпросветучреждениями, установить строгий контроль за их работой и оказывать работникам передвижек необходимую повседневную помощь.

Третье постановление было принято 14 ноября 1951 года²⁴. Оно рекомендовало партийным организациям, домам культуры, клубам, культпросветпередвижкам Кош-Агачского, Улаганского, Онгудайского, Шебалинского, Усть-Канского, Усть-Коксинского районов проводить «День пастуха» (позднее он стал называться «Днем животновода»). В постановлении «О дне пастуха» разъяснялось, что такой день, с одной стороны, праздник для работников отгонного животноводства, с другой — форма культурно-просветительной работы. Бюро обкома партии рекомендовало первичным партийным организациям сельхозартелей проводить колхозные и межколхозные «Дни пастуха» продолжительностью 2—3 дня на центральных усадьбах колхозов, совхозов, районным комитетам партии — районные «Дни пастуха» 1—2 раза в год в районных центрах. На праздник приглашать работников отгонного животноводства поочередно с таким расчетом, чтобы в течение 2-х месяцев каждый чабан, табунщик побывал на нем.

В планах проведения праздника животноводов постановление рекомендовало предусматривать подведение итогов, выполнения социалистических обязательств колхозами, районами и отдельными работниками, обмен опытом работы, награждение передовиков почетными грамотами, ценными подарками, проведение докладов. Рекомендовались также чтение лекций, демонстрация 2—3 кинофильмов, показ художест-

венной самодеятельности, организация спортивных соревнований, национальных игр, танцев и других разумных развлечений. Предусматривалось оказание медицинской помощи, организация широкой торговли продовольственными и промышленными товарами и товарами культурно-бытового назначения.

Проведение в жизнь этих постановлений способствовало оживлению культурно-просветительской работы среди коренного населения и работников отгонного животноводства. Особенно активизировалась деятельность культпросветпередвижек. Выросла их сеть. Если в 1946—1948 годах в области работало 2, в 1949—1950 годах — 9, то с 1951 по 1953 год — 11, в 1954—1955 годах — 13 культпросветпередвижек²⁵. Партийные районные комитеты и райисполкомы в зависимости от количества передвижек территорию района разбивали на 2—3 куста. За каждым из них закрепляли передвижку, составляли и утверждали твердый график культурного обслуживания животноводов на стойках. В 1946—1950 годах местом базирования культпросветпередвижек был районный центр, в последующие же годы они стали располагаться в сельсоветах, поближе к месту обслуживания трудящихся. Так, в 1955 году культпросветпередвижка № 2 Кош-Агачского района располагалась в Джазаторском сельсовете, а культпросветпередвижка № 1 Улаганского района — в Челушманском сельсовете, первая — в 120, вторая — в 30 километрах от районных центров²⁶. Одна из культпросветпередвижек Онгудайского района находилась в Яломанском сельсовете, почти в 50 км от районного центра²⁷.

Культпросветпередвижки в годы четвертой и пятой пятилеток провели значительную работу по разъяснению решений XIX съезда КПСС, сентябрьского (1953 г.), февральско-мартовского (1954 г.) Пленумов ЦК. Им в 1954 году они посвятили 1422 беседы, доклада, информации²⁸.

На стойках работники передвижек подводили итоги социалистического соревнования, рассказывали об опыте передовиков животноводства, достижениях сельскохозяйственной науки. Кропотливо велась работа по борьбе с пережитками шаманизма, религиозными предрассудками, по подъему культуры домашнего быта животноводов. Они не только пропагандировали, но и на практике показывали, как осуществлять личную гигиену, ухаживать за ребенком, готовить разнообразную пищу, шить одежду, содержать в чистоте жилье помещение, беречь домашнее хозяйство от пожара. Проводилась санитарно-профилактическая работа, оказывалась медицинская помощь.

Культпросветпередвижки принимали участие в организации и проведении праздника животноводов — «Дня пастуха». Первые 42 межколхозные «Дня пастуха» районные комитеты партии, партийные организации колхозов, культпросветучреждения области провели с 1 января по 10 февраля 1952 года²⁹. Они имели большой успех. На праздниках побывало 54% работников отгонного животноводства. В местечке Уландрык Кош-Агачского района (место зимовки скота 6-ти колхозов) приехало 87 животноводов³⁰. Они обсудили доклады об итогах выполнения 3-летнего плана развития общественного животноводства, обменялись опытом работы, приняли социалистические обязательства в соревновании на 1952 год, прослушали лекции: «О международном положении», «Великие стройки коммунизма», просмотрели две кинокартины, концерт художественной самодеятельности Кош-Агачского районного Дома культуры. Передовиков наградили почетными грамотами, ценными подарками. На празднике чабаны приобрели различные промышленные и культурно-бытовые товары, в их числе радиоприемники, швейные машины, патефоны, книги. Всего в 1952 году в области было проведено 139 «Дней пастуха»³¹. Животноводы проявили большой интерес к спортивным и стрелковым соревнованиям, массовым играм: игре в городки, перетяги-

ванию каната, бегу в мешках, лазанию по канату, конным бегам.

«День пастуха» занял прочное место в культурно-просветительной работе партийных организаций и учреждений культуры, стал новым традиционным праздником животноводов Горного Алтая. Проведение новых праздников оказывало благотворное влияние на улучшение работы животноводов. Появились новые отряды передовиков производства. К примеру, в Улаганском районе в 1952 году насчитывалось 38 передовиков отгонного животноводства и 30 человек колхозников, не выработавших минимума трудодней. В 1953 году количество маяков производства увеличилось до 92, т. е. более чем в два раза, а количество колхозников, не выработавших минимума трудодней, уменьшилось до 10 человек, или в три раза.³¹ В последующие годы практика внесла некоторые изменения в сроки проведения колхозных и межколхозных «Дней пастуха». Они стали проводиться реже — один раз в квартал, районные — один раз в год.

Кроме «Дней пастуха», при повседневной помощи партийных организаций Дома культуры, клубы, избы-читальни, культпросветпередвижки находили много других действенных форм работы: тематические вечера, вечера вопросов и ответов, вечера чествования передовиков производства, Книжки и Доски почета, экскурсии в передовые хозяйства, встречи с героями труда, производственно-экономические конференции, различного рода технические и сельскохозяйственные кружки. Одно перечисление этих форм говорит о многообразии их деятельности. Возьмем хотя бы такую форму, как вечера передовиков производства. На них обычно происходил обмен опытом работы, проводилось обсуждение важнейших задач по повышению уровня производства, поощрение лучших из лучших, организовывались книжная торговля и показ художественной самодеятельности. Обычно к такому вечеру культпросветучреждения тщательно готовились. Так, в июне 1954 года работники Шебалинского Дома культуры и Шебалинских культпросветпередвижек, готовясь к такому вечеру, оформили стенды, диаграммы, посвященные работе отдельных колхозов, организовали сельскохозяйственную выставку «Что можно возделывать в нашем районе». На ней демонстрировали экспонаты сельскохозяйственных культур, выращенных в колхозах и на опытном участке Шебалинской средней школы. Районная библиотека оформила стенд «Книгу — в каждый дом». В программе было обсуждение доклада «Об итогах сельскохозяйственной деятельности колхозов Шебалинского района в свете решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.)», награждение передовиков сельскохозяйственного производства почетными грамотами и ценными подарками. В конце официальной части участники приняли обращение ко всем колхозникам района с призывом успешно претворить в жизнь решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.). Затем специально подготовленные консультанты сделали обзор стендов, выставок. После чего состоялся большой концерт художественной самодеятельности. На вечере присутствовало более 200 колхозников.³²

Формированию всесторонне развитого человека, организации разумного и культурного отдыха людей были подчинены лекции, доклады, вечера, устные журналы, теоретические конференции, диспуты, встречи молодежи с ветеранами революции, героями труда, участниками Великой Отечественной войны, все средства наглядной агитации. Воспитывали культурно-эстетические вкусы сельские праздники, песни, Проводы зимы, Встреча весны, Праздники урожая, Дни совершенного летия, проводы в Советскую Армию и другие. Значительное место в своей работе культпросветработники отводили борьбе против тех, кто своим поведением мешал труду и отдыху людей, вел аморальный образ жизни. выпускались сатирические стенные и световые газеты, фотовитрины.

Важным средством повышения культуры и сознательности масс, а также связи культпросветучреждений с сельскохозяйственным и промышленным производством являлись агитхудожественные бригады. В послевоенный период в Горном Алтае действовали агитбригады 3-х звеньев; районных домов культуры, сельских клубов и изб-читален. В их состав входили лектор-докладчик, художник, киномеханик, часто врач или фельдшер, парикмахер, концертная группа. Агитбригады проводили работу по мобилизации трудящихся на самоотверженный труд и организовывали их культурный отдых. В Горно-Алтайской автономной области в 1946 году работало 106, а в 1947—132, в 1955 — около 160 агитбригад.³¹ Приезжая на полевой стан или животноводческую ферму, они проверяли качество работ, организовывали обмен опытом, используя при этом газеты, брошюры, сельскохозяйственные фильмы, позднее — магнитофонные записи и световые газеты, рассказывали о ходе соревнования между колхозами, фермами, оформляли наглядную агитацию, выпускали стенные газеты, боевые листки, «Окна сатиры». Только за период весеннего сева 1947 года агитхудожественные бригады организовали 276 лекций и докладов, выпустили 513 стенных газет.³² Большое внимание уделялось культурному обслуживанию трудящихся. Им выдавались книги из передвижной библиотеки, проводилось коллективное слушание радио, чтение журналов, газет. Вызывали интерес настольные игры. Особое место занимали концерты художественной самодеятельности. В 1946—1955 годах агитбригады районных домов культуры давали по 20—28 концертов ежегодно, многих сельских клубов — 8—12 концертов, некоторых изб-читален — 8—10 концертов. Большой популярностью у труженников села пользовались концерты агитбригад Турчакского, Огудайского, Шибалинского, Эликманарского, Горно-Алтайского домов культуры, Бешпельтирского, Кыраыкского сельских клубов, Казахской изб-читальни.

Кроме пропаганды советского музыкально-песенного и танцевального искусства, эстетического воспитания трудящихся, члены агитбригад нередко на местном материале создавали песни, частушки, интермедии, в которых прославляли передовиков производства, подвергали критике лодырей и разгильдяев, т. е. создавали «живые газеты», обладающие большой силой общественного воздействия.

В деятельности партийных организаций Горного Алтая большое место занимала работа среди женщин. Она проводилась через женсоветы, действовавшие в городе и большинство сел области. Непосредственное руководство их работой осуществляли первичные партийные организации и созданный в 1948 году при Горно-Алтайском обкоме партии отдел по работе среди женщин. В каждом районном комитете партии Горно-Алтайской автономной области была введена штатная единица инструктора по работе среди женщин. В своем решении «О работе среди женщин области» бюро Горно-Алтайского обкома партии 24 мая 1948 года отмечало, что главными задачами женотдела обкома партии является поднятие культурно-бытового уровня женщины коренной национальности.³⁶ Обком партии предлагал первичным партийным организациям проводить массовое обучение женщины-алтаек личной гигиене, культурному ведению домашнего хозяйства, хлебопечению, приготовлению пищи, кройке и шитью одежды, уходу за детьми и их воспитанию, повышать их грамотность, а также вовлекать женщины-алтаек в общественную и производственную работу.

Велась решительная борьба с феодально-байскими пережитками и предрассудками в отношении к женщине. По этому вопросу ряд ценных рекомендаций давало постановление бюро Горно-Алтайского обкома партии от 20 июля 1948 года «О состоянии культурно-просветительной работы среди женщин в Кош-Агачском аймаке».³⁷ В постановлении

вскрывались недостатки в постановке культурно-просветительной работы среди коренного населения вообще и женщин в частности, что привело к оживлению феодально-байских пережитков. В Кош-Агаче появились факты возрождения старых обычаев: похищение невест, женитьба на несовершеннолетних, многоженство.

Бюро потребовало от Кош-Агачского райкома партии улучшить просветительную работу среди населения и женщин. Данное постановление обсуждалось во всех районных комитетах партии и в ряде первичных организаций, что способствовало активизации работы женских советов, возникновению новых советов. К 1953 году в области работало 234 женсовета. Они распространяли свое влияние на 33057 женщин.³⁸ С помощью партийных организаций женсоветы при сельских клубах создавали кружки кройки и шитья, рукоделия, домоводства, устраивали лекции, доклады, концерты, атеистические вечера, вечера производственной славы, чествовали женщин, добившихся высоких показателей в труде. Женсоветы уделяли значительное внимание воспитанию детей в семье, семейным отношениям, вовлечению женщин в общественную работу. Большие надежды партийные организации возлагали на дома алтайки — стационарные культурно-просветительные учреждения для работы среди алтайских и казахских женщин. Главной их задачей являлось повышение политического, общеобразовательного и культурного уровня женщины коренной национальности. Обучение в них происходило с отрывом от производства, сроком два месяца. Дома алтайки хорошо зарекомендовали себя в довоенные годы. В период Великой Отечественной войны эти учреждения культуры прекратили свою деятельность. Но по ходатайству Горно-Алтайского обкома КПСС и облисполкома распоряжением Совета Министров СССР от 30 июля 1949 года в районах Горного Алтая было разрешено открыть 6 домов алтаек.³⁹ С ноября 1949 года стали действовать дома алтайки в Улагане и Кош-Агаче, а с января 1950 года — в Онгудае, Эликманаре, Усть-Кане, Шебалине. Слушательницы домов алтаек в течение 2-х месяцев изучали дисциплины: государственное и общественное устройство СССР, решения Коммунистической партии и Советского правительства, животноводство, полеводство, санитарную и гигиену, кройку и шитье, домоводство. В конце обучения устраивались выставки по рукоделию. Во внеучебное время работали кружки художественной самодеятельности. В 1951 году шесть домов алтаек выпустили 209 человек вместо 600 по плану.⁴⁰ Из 209 человек слушательницы 60% составляли доярки, чабаны, пастухи, полеводы, заведующие животноводческими фермами, птичницы, 18% члены КПСС и члены ВЛКСМ.⁴¹ В последующие годы в дома алтайки стали отказываться ехать передовики производства, коммунисты, комсомолы, потому что содержание обучения не отвечало возросшему культурному уровню населения. Программа обучения в домах алтаек копировала все, что включалось в нее в 20-е и 30-е годы. Практика показывала, что дома алтайки, сыгравшие положительную роль на первом этапе культурной революции, в период победы социализма изжили себя. По решению обкома партии и облисполкома в 1955 году дома алтайки были упразднены. Несколько позднее перестал функционировать отдел по работе среди женщин в областном комитете партии. Сокращена была штатная единица по этому профилю работы в районных комитетах партии. Женсоветы же продолжали действовать до конца исследуемого периода.

Ликвидация домов алтаек объяснялась рядом причин. Дело в том, что победа социализма в СССР, переход алтайцев на оседлость привели к изменениям жилищных и бытовых условий, к подлинной революции в быту. То, чему учили женщины в домах алтаек, не являлось уже для них проблемой. За годы советской власти они получили равные права с

мужчинами, ликвидировали свою неграмотность, приобрели известные навыки в осуществлении личной гигиены, в наведении порядка и чистоты в помещении, уходе за детьми, умели шить одежду, готовить пищу, занимались рукоделом. В этом отношении им дома алтаек ничего нового дать не могли.

Советская власть открыла женщине-алтайке путь к творческой и радостной жизни. Женщины стали активными строителями коммунизма, передовиками промышленного и сельскохозяйственного производства, специалистами всех отраслей народного хозяйства, деятелями науки, литературы, искусства, партийными и советскими работниками. Они составляют более половины работающего населения Горного Алтая. Наибольших успехов в работе добились Герои Социалистического Труда, знатные животноводы Горного Алтая Тана Марчина, Байчил Кестелова, Мария Толтокова. В рассматриваемый период 62—67% специалистов народного хозяйства и культуры Горного Алтая составляли женщины. Женщины-алтайки активне участвовали и участвуют в политической жизни страны. В послевоенные годы в составе депутатов местных Советов депутатов трудящихся Горно-Алтайской автономной области женщины насчитывалось 28—48%, делегатами на областные партийные конференции избиралось от 19 до 30% женщин. Ряд женщин-алтаек был удостоен высокой чести: народ их посылал депутатами в Верховный Совет СССР и РСФСР. Депутатами высшего органа власти были Е. Унаева, председатель колхоза «Дзаны Дьол» Онгудайского аймака, учительница Е. С. Трехтенева, С. Н. Шабуракова, Е. Н. Укеегешева, заведующая обкомом Т. Д. Кайгородова, секретари обкома партии М. Ф. Саруева и О. Н. Тартыкова.

Значительная часть женщин-алтаек состояла членами и кандидатами партии. Многие из них являлись ответственными работниками партийных и советских аппаратов. Можно назвать из секретарей городского комитета партии Е. Г. Мултуеву, Усть-Кавжого райкома партии П. Ф. Салбашеву, инструктора Горно-Алтайского обкома партии Ю. А. Гончарову, заведующую методическим кабинетом областного управления культуры Е. П. Алтайчинову, заслуженного работника культуры РСФСР, научного сотрудника Горно-Алтайского областного краеведческого музея Л. А. Давыдову, кандидатов наук Т. М. Тошаконуву, Е. М. Тошаконуву, Н. А. Кучигашеву, З. С. Казагачеву, Н. Н. Сурадакову и многих других.

Ныне алтайская женщина стала активным и сознательным строителем коммунизма, что является показателем громадного роста культуры трудящихся Горно-Алтайской автономной области. Жизнь подтвердила слова В. И. Ленина, сказанные в первые годы советской власти. Он писал: «Говорит уровень культуры всего более характеризуется положением женщины. В этом изречении есть зерно глубокой истины. И с этой точки зрения только диктатура пролетариата, только социалистическое государство осуществило высший культурный уровень».⁴²

На улучшение содержания культурно-просветительной работы среди населения Горного Алтая большое влияние оказали решения XX и XXII съездов КПСС. XX съезд КПСС обязал партийные организации «улучшить работу массовых библиотек и клубных учреждений».⁴³ В Программе КПСС была выдвинута задача «равномерно размещать культурные учреждения по территории страны с тем, чтобы постепенно поднять уровень культуры деревни до уровня города».⁴⁴

Руководствуясь решениями съездов, партийные организации Горного Алтая продолжали дальнейшее совершенствование форм культурного обслуживания животноводов. После XX съезда партии в Горном Алтае появился новый тип культпросветучреждений — дома животноводов. Они наряду с культпросветпередвижками были предназначены

для обслуживания работников отгонного животноводства. Необходимость их появления объяснялась тем, что маршрутные объезды животноводческих стоянок культпросветпередвижками, «Дни пастуха», агитбригады еще не могли создать постоянной и стройной системы культурного обслуживания животноводов. При самой напряженной работе культпросветпередвижки и агитбригады на каждой животноводческой стоянке могли побывать один раз в 2—3 месяца. Возникла необходимость создать своеобразные животноводческие центры в местах наибольшего скопления стоянок, которые бы являлись постоянными очагами культуры. Первыми в этом отношении проявили инициативу коммунисты Кош-Агачского района. Собранные на пленум районного комитета партии 25 июня 1954 года, они в своем решении записали: «Для организации полноценной политмассовой работы среди животноводов на отгонных пастбищах создать в местах наибольшего скопления скота в урочищах Укок, Чимбажи, Уландрык, Чаган-Бургузы животноводческие центры»⁴⁵. На средства колхозов «Путь к коммунизму», имени Чапиева, «Кызыл Мааны» первым в области был выстроен, оборудован и в 1956 году открыт дом животноводов в урочище Чаган-Бургузы. В его зону вошло более 50 стоянок. В жизни чабанов появилось много нового, интересного. При доме имелся кинозал, библиотека, комната для приезжающих, медпункт, баня, магазин. В установленные дни (обычно один раз в десять дней) сюда съезжались животноводы. С ними проводились занятия по основам зоотехнии, семинары по обмену опытом, политические занятия. Чабанам, пастухам, их детям оказывалась постоянная медицинская помощь не только при самом доме, но и непосредственно на стоянках. Так, в 1958 году медфельдшер с. Чаган-Бургузы Чевалкова 71 раз выезжала на стоянки, сделала 255 предупредительных прививок, провела медосмотр на трахому 150 человек.⁴⁶ Куда бы ни приехал медицинский работник, всюду проводилась беседа о гигиене жилища, личной гигиене. И это давало свои результаты. В домах животноводов стало чище, появилась эмалированная, фарфоровая посуда, ванны, стиральные доски и другие предметы домашнего обихода.

При доме животноводов чабаны могли посмотреть кинокартину, послушать лекцию, почитать книгу, журналы, газеты. Только в 1957 году для животноводов было прочитано 20 лекций на различные темы, продемонстрировано 19 художественных и сельскохозяйственных фильмов, организовано четыре встречи с передовиками производства.⁴⁷ А в Новый год для детей животноводов была проведена прекрасная, зарядная елка.

Опыт работы Чаган-Бургузинского дома животноводов показал, что найдена наиболее удачная, лучшая форма культурно-бытового обслуживания людей, занятых в отгонном животноводстве. В 1964 году в области работало 7 домов животноводов, из них 5 в Кош-Агачском районе.⁴⁸ Однако подобные центры не были созданы в Усть-Канском, Онгудайском, Шебалинском районах.

Организация культурно-просветительной работы среди работников отгонного животноводства — дело трудное и сложное. Однако партийные организации Горного Алтая сумели найти наиболее приемлемые формы и методы, которые оправдали себя в практической деятельности, снискали одобрение и признание трудящихся.

Решения XX и XXII съездов способствовали перестройке стиля и методов руководства партийных организаций Горного Алтая деятельностью культпросветучреждений. Стали созываться областные съезды работников культуры. Первый съезд состоялся в 1956 году. С тех пор они вошли в традицию. Регулярно проводились отраслевые совещания. Введена была практика отчетов домов культуры, клубов, культпросвет-

передвижек, библиотек перед населением. В соответствии с распоряжением Министерства культуры и на основании решения бюро Горно-Алтайского обкома КПСС еще до XX съезда КПСС, в мае 1955 года, состоялся I-й, а в июне 1957 — II-й областные фестивали молодежи. Им предшествовали сельские и районные фестивали. Например, в порядке подготовки ко II областному фестивалю состоялось 112 районных и сельских фестивалей. В них участвовало свыше 12000 человек.³⁰ На праздники в областной центр приезжало до 4000 человек. Фестивали способствовали привлечению сельской молодежи к участию в работе Домов культуры, клубов, библиотек.

Важное значение в оживлении культурно-просветительной работы в деревне имело Всероссийское совещание по культурно-просветительной работе в деревне в апреле 1957 года. Его участники призвали всех работников культуры и ознаменованье 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции провести широкий общественный смотр культурно-просветительных учреждений. В Горном Алтае этот смотр был проведен с ноября 1957 по июль 1958 год.³¹ Он способствовал общему подъему культурно-массовой работы на селе. В начале смотра культпросветработники Майминского района выступили с обращением ко всем работникам культуры области. 14 февраля 1958 года бюро Горно-Алтайского обкома партии одобрило это обращение и предложило обсудить его среди всех работников учреждений культуры.³² Развернулось соревнование за образцовое проведение смотра. Смотр завершился творческими отчетами перед населением. В соответствии с решением бюро Горно-Алтайского обкома партии и обласполкома они были проведены в июне 1958 года. В селах, районных и областных центрах творческие отчеты превратились в народные праздники песни и пляски, показа искусства демонстрации кино, торговли книгами, совершенствования форм культурного обслуживания работников отгонного животноводства. Коллективы, отчитывающиеся перед населением, выставляли диаграммы, стенды с данными о развитии экономики и культуры районов, колхозов, совхозов. Только в областной центр с отчетами приезжало 822 человека активистов культпросветработы. Они представляли людей различных профессий и социальных слоев. В числе участников творческих отчетов было 83 колхозника, 224 рабочих и 391 представитель сельской интеллигенции.³³ В областном центре и по пути следования они поставили около 60 концертов художественной самодеятельности. За время смотра были выстроены помещения для 24 сельских клубов и 2-х красных уголков. Дополнительно привлечено в кружки художественной самодеятельности 800 человек.³⁴

Подводя итоги творческих отчетов, бюро Алтайского крайкома КПСС 14 ноября 1958 года подчеркивало, что они способствовали оживлению работы культурно-просветительных учреждений, повышению уровня художественной самодеятельности и сценического искусства.³⁵

Общественные смотры вошли в практику деятельности партийных организаций и отделов культуры по руководству культурно-просветительной работой. Райкомы партии и верхичные партийные организации стали глубже вникать в деятельность клубов, оказывать им всестороннюю помощь. В этом направлении была перестроена работа советов комсомола, интеллигенции. В 1957 и 1958 годах вопросы о состоянии культурно-просветительной работы были рассмотрены на сессиях районных Советов депутатов трудящихся и разработаны конкретные практические мероприятия по улучшению деятельности клубов применительно к условиям отдельных районов. 19-я Горно-Алтайская областная конференция ВЛКСМ в январе 1958 года объявила двухлетку культуры.³⁶ Первичные комсомольские организации привлекали молодежь к активному участию в работе клубов, комсомольцы и молодежь

обеспечивали учреждения культуры топливом, участвовали в строительстве и ремонте помещений для культурно-просветительских учреждений. За два года (1958—1959 гг.) силами комсомольцев и молодежи было отремонтировано и оборудовано 45 сельских клубов.

Благотворное влияние на развитие культуры имело создание при областном комитете партии, райкомах и горкоме КПСС инструкторских групп, а при исполкомах местных Советов — нештатных отделов культуры, культурно-просветительских комиссий, женсоветов. Появление таких отделов, советов, комиссий позволило партийным организациям перейти к систематическому и организованному привлечению широкого актива к работе учреждений культуры.

Признание населения завоевали общественные советы клубов. В первые послевоенные годы они действовали только при районных домах культуры, а после XX и XXII съездов КПСС они стали создаваться в каждом сельском клубе. Общественные советы клубов, домов культуры работали под руководством партийных первичных организаций. В их круг деятельности входили разработка и утверждение планов работы, тематики лекций, бесед, программ вечеров и концертов. На каждого из членов совета возлагались обязанности по руководству отдельными разделами клубной работы, а также проведению массовых мероприятий. Члены советов привлекали любителей-специалистов для руководства кружками художественной самодеятельности, а нередко являлись ими и сами. В 1965 году в учреждениях клубного типа в Горном Алтае действовало 109 правлений и советов клубов и домов культуры.

В период развертывания строительства коммунизма происходили качественные изменения в работе советов клубов. Они из органов содействия работе учреждений культуры нередко превращались в органы их руководства. Особенно это наблюдалось в учреждениях культуры, не имеющих штатных работников. В 1963 году без штатных культурно-просветителей под руководством партийных и комсомольских организаций в области действовало 20 сельских клубов. Из них 7 клубов работали в Онгудайском районе, в селах Мыюта, Шишикман, Купчегень, Теньга, Каракол, Малый Яломан, Ело.⁶ Члены советов общественных и профсоюзных клубов составляли планы работы и полностью отвечали за осуществление намеченных мероприятий. Например, в плане работы Каракольского сельского клуба, руководила которым в порядке общественного поручения Е. А. Нясова, на первый квартал 1963 года были включены следующие интересные мероприятия: в январе — устный журнал «Пути строителей коммунизма», в феврале — вечер молодежи с обменом опытом работы, разными играми, беседой о воспитании молодежи, в марте — вечер женщины, на который приглашались передовики сельского хозяйства, вечер книги, устный журнал на тему «Моральный облик советского молодого человека». В подготовке вечера участвовала комиссия во главе с членами совета клуба. Это далеко не полный перечень клубных мероприятий. Каждый из этих вечеров сопровождался концертами или спектаклем художественной самодеятельности. Энтузиастами клубной работы являлись молодые учительницы В. Д. Новикова и Т. Н. Науменко, комсомолец Борис Шаратов, секретарь комсомольской организации Валентина Кочеева.

Действенной формой повышения культурного уровня трудящихся являются народные университеты. Они призваны содействовать повышению коммунистической сознательности широких народных масс, их идейно-эстетическому воспитанию, пропаганде новейших достижений науки, техники и передового опыта. В Горном Алтае в 1964 году работало 3, а в 1965 году — 5 университетов культуры. К чтению лекций в них были привлечены кандидаты наук, партийные работники, учителя, новаторы производства.

Широкое привлечение общественности к работе учреждений культуры явилось решающим условием серьезного улучшения их деятельности. Многие дома культуры, сельские клубы, культпросветпередвижки превратились в надежную опору партийных организаций в проведении воспитательной работы, распространении научных знаний среди населения, организации полноценного отдыха. Возьмем хотя бы Турачакский дом культуры. Ему было присвоено звание «Лучший дом культуры Алтайского края». Здесь ежедневно проводились какие-нибудь мероприятия. Жители села Турачак могли прослушать лекцию, доклад, беседу, принять участие в диспуте на различные темы, в читательской конференции, в вечере вопросов и ответов. В послевоенные годы здесь работало ежегодно 8—10 кружков художественной самодеятельности. В них участвовало не менее 100 человек.¹⁷ Трудящиеся еженедельно бывали на концертах художественной самодеятельности или вечерах. В 1964 году здесь было поставлено 36 концертов и спектаклей, организовано 110 различных вечеров молодежи, отдыха и танцев.¹⁸ В их числе тематические вечера: «Человек и прекрасное», «Химия идет — благо несет», «Чествование передовиков сельского хозяйства», вечер проводов призванников в Советскую Армию, два вечера бракосочетания, диспут «Поговорим о совести», читательская конференция по книге Н. Островского «Как закалялась сталь», вечер Гайдара, литературные и музыкальные викторины, две выставки прикладного и декоративного искусства, 20 лекций и докладов на различные темы. Характерной особенностью в работе Турачакского дома культуры, как и многих других учреждений клубного типа, стало умение дифференцировать массовую работу. Здесь нередко проводятся «Дни колхозника», «Дни учителя», вечера девушек, молодоженов, «ситцевые балы», «Дни школьника», встречи ветеранов революции и труда. В дом культуры шла охотно не только молодежь, но и люди преклонного возраста. В порядке обмена опытом и оказания методической помощи сельским клубам Турачакский дом культуры практиковал выездные концерты, спектакли. Так, в 1964 году он организовал 19 выездов в отдаленные села и районы области.

Содержательно и интересно строили работу многие сельские клубы, такие как Саратанский, Аносский, Курундинский, рудник «Веселый». Большую популярность среди животноводов завоевала Онгудайский культпросветпередвижка № 1 (заведующий Василий Алтарыков). Она регулярно обслуживала животноводов 160 чабанских стоянок и ферм. В 1965 году на каждой стоянке работники передвижки побывали по три раза. Они организовали 240 киносеансов, написали 704 лозунга и плаката, выпустили 67 стенных газет. При каждом выезде животноводам оказывалась медицинская помощь, проводилась профилактическая работа. Приезд на стоянку сопровождался обменом книг, беседами по поводу прочитанных произведений. В распоряжении культпросветпередвижки имелись технические средства: магнитофон, фотоаппарат, киносьемочная аппаратура. В своей деятельности культпросветпередвижки широко применяли световые газеты, магнитофонные записи. «В 1965 году особое место в работе, — говорил В. Алтарыков, — мы отводили передаче опыта ударников коммунистического труда доярки Чумыр Сулачиковой, скотника Т. Тодинова, чабана Сергея Семендеева. Их рассказ записывался на магнитофонную ленту. Производились киносьемки передовиков за работой. Устраивались световые газеты. Выпускались плакаты с подробным описанием их опыта».¹⁹ Работники передвижки проводили беседы по текущим событиям, международному положению СССР. Всего в 1965 году они провели 320 бесед и докладов.

Таким образом, к концу исследуемого периода многие учреждения клубного типа стали содержательно и интересно строить культурно-просветительную работу среди населения.

Наряду с заметным оживлением и улучшением культурно-просветительной работы в клубах остро ощущался недостаток музыкальных работников, квалифицированных художественных руководителей, что отражалось на содержании культурной работы среди населения. Некоторые сельские клубы не имели кружков художественной самодеятельности, не организовывали лекций, докладов, не проводили никаких массовых мероприятий, кроме танцев. Так, в 1963 году 19, а в 1964 году — 7 сельских клубов не имели коллективов художественной самодеятельности, населению не показывали спектаклей и концертов. Работу культурпросветпередвижек тормозили необеспеченность современным транспортом. Передвижение от стоянки к стоянке осуществлялось на лошадах. Все это вместе взятое ограничивало возможности усиления культурно-массовой и воспитательной работы учреждений культуры среди населения.

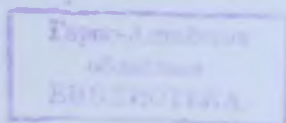
Анализ деятельности Горно-Алтайской областной партийной организации по руководству клубными учреждениями дает основание считать, что партийные организации Горного Алтая в 1946—1965 годах проделали значительную работу по расширению культурно-просветительной работы среди населения. Была укреплена материальная база клубов, домов культуры, культурпросветпередвижек, улучшился состав культурпросветработников. Возникли новые учреждения культуры — дома животноводов. Они, наряду с культурпросветпередвижками, обслуживали работников отгонного животноводства. Партийные организации привлекли внимание общественности к работе учреждений культуры. Их актив пополнился инициативными общественниками. С помощью партийных организаций и под их повседневным руководством культурпросвет учреждения Горного Алтая стали вводить в практику ряд новых форм, которые редко или совсем не применялись в довоенные годы. К ним относятся вечера чествования передовиков сельского хозяйства и промышленности, устные журналы, праздники животноводов — «Дни пастуха», обряд регистрации новорожденных, праздники зимы, весны и другие.

Деятельность учреждений культуры содействовали повышению культурного уровня населения области, воспитанию их в духе коммунистической идеологии.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Д. П. Потапов. Краткий очерк культуры и быта алтайцев Горно-Алтайск, 1948.
- Е. М. Тощакова. Общественное и семейное положение женщины у южных алтайцев. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ленинград, 1955.
- П. Е. Талдыев. Реакционная сущность шаманизма и бурханизма. Горно-Алтайск, 1955.
- Ч. К. Кыдрашев. Культурные преобразования в Горном Алтае. Сб. «Великая дружба», Горно-Алтайск, 1956.
- М. Ф. Саруева. Горный Алтай за годы советской власти. Сб. «40 лет советскому Горному Алтаю», Горно-Алтайск, 1957.
- А. С. Козанин. Основные этапы развития здравоохранения в Горно-Алтайской автономной области. Материалы к первой научной конференции ОННИ об изучении и развитии производительных сил Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1961.
- В. А. Демидов. Краеведческий материал по истории Горно-Алтайской автономной области. Горно-Алтайск, 1962.
- Ф. М. Тимифеева. Из истории социалистической культурной революции в Горном Алтае. Сб. «Культурное строительство в Сибири в 1917—1937 гг.», Выпуск 1. Новосибирск, 1962.
- В. А. Демидов. Боевая молодость. Горно-Алтайск, 1963.
- С. Я. Пахаев. К вопросу о завершении социалистического переустройства быта животноводов Горного Алтая. Записки ГАННИИЯЛ, выпуск 6, Горно-Алтайск, 1964.
- О. И. Гартыкова. Культура возрожденного народа. Сб. «Под знаменем Октября», Горно-Алтайск, 1967.

«Ученые записки»

- Т. Д. Кайгородова. От тьмы к свету, знание. Там же.
- П. М. Сидоров. На страже здоровья трудящихся. Там же.
- В. Р. Андронкина. Великие культурные преобразования в Горном Алтае — результат претворения в жизнь ленинской национальной политики. Горно-Алтайск, 1967 (на алтайском языке).
- ⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 21.
- ⁸ Государственный архив Горно-Алтайской автономной области (ГАГААО), ф. 190, оп. 2, д. 5, л. 68.
- ⁹ Партийный архив Горно-Алтайского обкома КПСС (ПАГАО), ф. 1, оп. 6, д. 286, л. 11, л. 485, лл. 96, 97.
- ¹⁰ Центральный партийный архив института марксизма-ленинизма (ЦПАИМЛ), ф. 17, оп. 49, д. 57, л. 102.
- ¹¹ ПАГАО, ф. 1, оп. 6, д. 321, л. 52.
- ¹² ПАГАО, ф. 4, оп. 1, д. 315, л. 1.
- ¹³ Партийный архив Алтайского края (ПААК), ф. 1, оп. 90, д. 18, л. 67.
- ¹⁴ ЦПАИМЛ, ф. 17, оп. 53, л. 97, л. 264, ГАГААО, ф. 190, оп. 2, д. 115, л. 117.
- ¹⁵ Текущий архив Горно-Алтайского областного финансового отдела. Сведения о бюджетных ассигнованиях на социально-культурные мероприятия.
- ¹⁶ Горно-Алтайское областное статуправление (ГАОСУ). Сведения о вводе в действие объектов просвещения, культуры, здравоохранения в Горном Алтае в 1918—1959 гг. ЦСУ РСФСР. Основные показатели развития народного хозяйства автономных областей РСФСР. Июнь 1965, стр. 77.
- ¹⁷ ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 2850, л. 2, д. 2951, л. 3, текущий архив Горно-Алтайского облисполкома. Протокол 5-й сессии (9 созыва), 23 марта 1965 г., л. 58.
- ¹⁸ Подсчитано автором по материалам ПАГАО, ф. 1, оп. 6, д. 485, л. 3, ГАОСУ. Отчет о наличии клубных учреждений по форме 80-Б-РНК.
- ¹⁹ ЦПАИМЛ, ф. 17, оп. 51, д. 71, л. 206.
- ²⁰ ГАГААО, ф. 190, оп. 2, д. 202, лл. 3—9.
- ²¹ ГАГААО, ф. 190, оп. 2, д. 50, л. 12.
- ²² Так называлась Горно-Алтайская автономная область до 1948 г.
- ²³ ГАГААО, ф. 1, оп. 5, л. 6, л. 29.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ ЦПАИМЛ, ф. 17, оп. 50, д. 55, л. 20.
- ²⁶ Там же, оп. 51, д. 72, лл. 189—190.
- ²⁷ ПАГАО, ф. 1, оп. 6, д. 992, л. 56.
- ²⁸ ПАГАО, ф. 1, оп. 6, д. 972, л. 56.
- ²⁹ ЦПАИМЛ, ф. 17, оп. 51, д. 52, лл. 216—218.
- ³⁰ ЦПАИМЛ, ф. 17, оп. 51, л. 74, лл. 74—88, ГАГААО, ф. 1, оп. 6, д. 972, л. 57.
- ³¹ ГАГААО, ф. 190, оп. 2, д. 12, л. 45, д. 67, л. 18, д. 189, л. 49, д. 98, л. 114, л. 115, л. 76.
- ³² ГАГААО, ф. 190, оп. 2, д. 98, л. 116.
- ³³ Там же.
- ³⁴ ГАГААО, ф. 190, оп. 2, д. 217, л. 19.
- ³⁵ ПАГАО, ф. 1, оп. 6, д. 972, л. 58.
- ³⁶ Там же, л. 59.
- ³⁷ ПААК, ф. 1, оп. 90, д. 18, л. 281.
- ³⁸ ПАГАО, ф. 1, оп. 8, л. 106, л. 1.
- ³⁹ ГАГААО, ф. 190, оп. 2, д. 65, лл. 24—29.
- ⁴⁰ ПАГАО, ф. 1, оп. 3, д. 67, л. 7, ГАГААО, ф. 190, оп. 2, д. 3, л. 1.
- ⁴¹ ГАГААО, ф. 190, оп. 3, л. 2, л. 1.
- ⁴² ЦПАИМЛ, ф. 17, оп. 48, д. 63, лл. 122—123.
- ⁴³ ЦПАИМЛ, ф. 17, оп. 48, д. 63, лл. 163—265.
- ⁴⁴ ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 2151, л. 39.
- ⁴⁵ ГАГААО, ф. 190, оп. 2, д. 136, л. 94.
- ⁴⁶ ГАГААО, ф. 190, оп. 2, д. 139, л. 105.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 192, 193.
- ⁴⁹ КПСС. В резолюциях и решениях... ч. IV, М., 1960, стр. 191.
- ⁵⁰ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. III, М., 1962, стр. 326.
- ⁵¹ ПАГАО, ф. 58, оп. 1, д. 548, л. 19.
- ⁵² Текущий архив Горно-Алтайского областного управления культуры. Отчет о работе культурпросветпередвижек области за 1958 г., л. 14.
- ⁵³ Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. Р—1041, оп. 1, д. 14, л. 48.
- ⁵⁴ Текущий архив Горно-Алтайского облисполкома. Стенограмма сессии за 23 марта 1964 года, л. 38.
- ⁵⁵ ПАГАО, ф. 4, оп. 16, д. 63, лл. 20, 21.
- ⁵⁶ ГАГААО, ф. 190, оп. 4, л. 37, л. 1.
- ⁵⁷ ЦПАИМЛ, ф. 556, оп. 3, д. 36, л. 61.
- ⁵⁸ ГААК, ф. Р—1041, оп. 1, д. 35, л. 176.

- » Текущий архив Горно-Алтайского областного управления культуры. Справка об итогах творческих отчетов в 1958 г., стр. 8.
- » ПААК, ф. 1, оп. 103, д. 24, л. 539.
- » ПАГАО, ф. 4, оп. 16, д. 63, лл. 20—23.
- » Текущий архив Горно-Алтайского облисполкома. Протокол сессии за 23 марта 1964 г., л. 37.
- » Текущий архив Горно-Алтайского управления культуры за 1964 год. Отчет о работе Турочакского Дома культуры.
- » Там же.
- » Там же. Отчет Онгудайской культпросветпередвижки № 1 за 1965 г.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО ПОВЫШЕНИЮ
МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ И КУЛЬТУРНОГО
УРОВНЯ ЖИЗНИ ТРУДЯЩИХСЯ ОБЛАСТИ В ГОДЫ
СЕМИЛЕТКИ (1959—1965 гг.)**

В Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии сказано, что советский народ своим самоотверженным трудом под руководством Коммунистической партии завершил выполнение семилетнего плана. Новые достижения в развитии народного хозяйства, науки, техники и культуры сделали Советский Союз еще более могущественным в экономическом, политическом и военном отношении. Повысилось благосостояние советского народа.

Эта оценка труда советского народа в полной мере относится и к трудящимся Горно-Алтайской автономной области. На примере нашей области можно отчетливо видеть успехи, достигнутые советским народом.

В данной статье автор ставит задачу показать некоторые моменты из опыта партийной организации Горно-Алтайской автономной области по повышению материального благосостояния и культурного уровня жизни трудящихся в годы семилетки (1959—1965 гг.), тем более, что этот период не нашел широкого освещения в исторической литературе и ограничивается рядом статей руководящих партийных и советских работников.¹ Кроме этого, имеется ряд статей, опубликованных в различных сборниках и ученых записках,² из которых особый интерес представляет статья Андронкиной В. Р. «Из опыта областной партийной организации Горного Алтая по развитию народного образования в 1946—1964 годах», где автору, по нашему мнению, удалось правильно осветить деятельность областной партийной организации по развитию народного образования, широко показать работу первичных партийных организаций школ.

Коммунисты областной партийной организации, собравшись на XXI внеочередную партийную конференцию в декабре 1958 года, обсудили и одобрили план развития Горно-Алтайской автономной области, где, наряду с задачами по увеличению производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, большое значение придавалось повышению материального благосостояния и культурного уровня жизни трудящихся. В плане было намечено увеличить число мест только в постоянных детсадах, состоящих на госбюджете, с 980 в 1958 г. до 1435 в 1965 г. С целью улучшения кинообслуживания населения намечалось увеличить за семилетку сеть кинотеатров со 123 до 208, построить в г. Горно-Алтай-

ске кинотеатр на 300 мест. Дома культуры в селах Майма, Кош-Агач, Черга, районные библиотеки в Усть-Коксинском, Усть-Канском, Шебелинском, Эликманарском, Майминском, Онгудайском районах с общим количеством книг в 150000 экземпляров. Намечалось значительно увеличить выпуск книжной продукции областным национальным книжным издательством.⁴

В плане также намечалось увеличить за семилетие товарооборот на 70 процентов, построить в городе и селах 130 магазинов, расширить сеть хлебопекарен, чайных, столовых. Большие капиталовложения планировалось израсходовать на строительство учреждений здравоохранения и социального обеспечения.⁵

Чтобы нагляднее показать значимость задач, стоявших перед областной партийной организацией, приведем некоторые примеры.

За 10 лет — с 1940 по 1950 г. — число киноустановок в области увеличилось с 31 до 49, с 1950 г. по 1959 г. — с 49 до 123. За семилетку намечалось довести число киноустановок до 208 и, надо сразу отметить, что этот план был перевыполнен. В 1965 г. в области действовало 253 киноустановки.⁶

Приведенные данные показывают, что перед коммунистами Горного Алтая стояли большие задачи в деле улучшения материального благосостояния и культурного уровня жизни трудящихся. Решая экономические задачи семилетки, партийная организация области выносила эти вопросы на повестку дня партийных конференций. Например, на XXII областной партийной конференции большое внимание было уделено вопросам повышению качества лечебно-профилактической и медицинской помощи населению. В решениях конференции указывалось на необходимость принятия мер по улучшению организации торговли, повышению уровня работы предприятий общественного питания, улучшению и расширению сети столовых, чайных и так далее. Было обращено внимание на необходимость неослабного контроля за подбором, расстановкой и воспитанием кадров сферы обслуживания.⁷

Кроме партийных конференций, вопросы повышения материального благосостояния и культурного уровня жизни трудящихся неоднократно рассматривались на пленумах обкома партии.⁸

Так, в постановлении пленума Горно-Алтайского обкома КПСС от 2 апреля 1959 года о мерах по улучшению организационно-партийной работы в свете решений XXI съезда КПСС важнейшей задачей коммунистов области на 1959 год выдвигалось досрочное выполнение плана промышленных предприятий и увеличение производства продуктов сельского хозяйства.⁹ Одним из путей выполнения этой задачи пленум определил улучшение работы с кадрами, повышение их общеобразовательного уровня.¹⁰ На пленуме обкома партии 28 июля 1959 года, где речь шла об итогах работы июньского (1959 г.) Пленума ЦК КПСС и задачах областной партийной организации, был широко обсужден вопрос об облегчении труда рабочих на промышленных предприятиях области. И как пример приводился рудник «Веселый», где по инициативе и при поддержке партийной организации была внедрена и с успехом использовалась автоматизация шахтного водоотлива.¹¹

При рассмотрении вопроса о работе Кош-Агачского райкома партии по выполнению социалистических обязательств, принятых трудящимися района на 1960 г., пленум обкома партии, проходивший 12 апреля 1960 года, отметил серьезные недостатки в деятельности райкома по улучшению бытовых условий работников животноводства. Коммунистам Кош-Агачского района предлагалось ускорить строительство жилых домов и бань на стоянках, улучшить культурно-массовую работу среди животноводов, принять меры по улучшению работы имеющихся домов животноводов, построить 4 новых дома животноводов, иметь в 1960 г.

не менее 11 предприятий по бытовому обслуживанию населения, обеспечить регулярную доставку работникам животноводства периодической печати и корреспонденции.¹⁵

18 мая 1965 года пленум обкома партии при рассмотрении вопроса о дальнейшем усилении идеологической работы среди трудящихся области обратил внимание на работу предприятий бытового обслуживания. В решении пленума было отмечено, что многие предприятия этой системы план четырех месяцев 1965 г. по выпуску валовой продукции перевыполнили, тем не менее в вопросе оказания бытовых услуг населению отмечалось много недостатков. Например, в Усть-Канском районе имели место серьезные упущения в работе предприятий торговли и общественного питания, особенно по обслуживанию животноводов на отдаленных фермах и стоянках.¹⁶ Пленум потребовал от райкомов партии, райисполкомов, первичных партийных организаций улучшить руководство работой предприятий бытового обслуживания, повысить роль культурно-просветительных учреждений в воспитании трудящихся, проявлять заботу об удовлетворении культурных и бытовых запросов тружеников села.¹⁴

Вопросы текущей работы по повышению благосостояния и культурного уровня жизни трудящихся решались на бюро обкома партии. Например, 20 января 1959 года бюро обкома КПСС постановило наградить переходящим Красным знаменем областного комитета партии и областного Совета депутатов трудящихся «За лучшую подготовку школ к новому учебному году» Онгудайский район.¹⁷ 6 февраля 1959 года был рассмотрен вопрос об оказании помощи коммунистам в общеобразовательной учебе. Для претворения в жизнь этого постановления бюро рекомендовало создать при общеобразовательных школах и школах рабочей молодежи группы для взрослых, при парторганизациях намечалось организовать общеобразовательные кружки.¹⁸

Кроме этого, в 1959 г. на бюро обкома партии выносились вопросы о проведении творческого отчета области в краевом центре и о создании областного совещания работников культуры, о состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в области и о проведении областного совещания работников торговли и т. д.¹⁷

Вопросы повышения материального благосостояния и культурного уровня жизни трудящихся продолжали оставаться в центре внимания обкома партии и в последующие годы. Так, в 1960 г. таких вопросов было рассмотрено на бюро обкома партии 17,¹⁸ в 1961 г. — 25,¹⁹ и в 1965 г. — 20.²⁰

Районные и городской комитеты партии систематически контролировали деятельность первичных партийных организаций по претворению в жизнь решений вышестоящих партийных организаций, оказывали им практическую помощь. Так, на пленумах Горно-Алтайского городского комитета партии были разработаны конкретные меры по партийному руководству всеобучем в городе и районе, по улучшению бытового обслуживания населения города, по повышению культуры производства и качества выпускаемой продукции.²¹

На пленумах райкомов партии рассматривался вопрос по выполнению постановления обкома партии о партийном руководстве всеобучем.²² 17 ноября 1959 года бюро Турачакского райкома партии рассмотрело вопрос о ходе распространения периодической печати в районе. 29 марта 1960 года проанализировало состояние охраны труда и техники безопасности в Иогаческом леспромхозе.²³ Разбирая вопрос о работе исполкома Кебезенского сельского Совета депутатов трудящихся, бюро 20 сентября 1960 года отметило, что в работе сельского Совета заметно улучшилась постановка организационно-массовой работы, что сельский Совет на сессиях и исполкомах ставил вопросы развития художествен-

ной самодеятельности и культурного строительства на селе. 14 октября 1960 года бюро рассмотрело вопрос о работе Турачакского и Иогачского отделов рабочего снабжения.²⁴

На бюро Кош-Агачского райкома партии в 1959 г. вопросы улучшения материального благосостояния трудящихся масс рассматривались 8 раз. В последующие годы семилетки этим вопросам также уделялось большое внимание. Например, 28 ноября 1962 года бюро обсудило вопрос о повышении роли и улучшении жилищно-бытовых условий специалистов сельского хозяйства района. В решении бюро отмечалась необходимость более правильного использования специалистов, поднятия их роли и авторитета в сельскохозяйственном производстве, упорядочения оплаты труда специалистов, заботливого отношения к их быту.²⁵ В последнем году семилетки на бюро эти вопросы рассматривались свыше 10 раз.²⁶

Из приведенных примеров видно, что обком КПСС, горком и райкомы партии часто рассматривали на своих заседаниях вопросы, связанные с повышением материального благосостояния и культурного уровня жизни трудящихся. Это объяснялось в первую очередь необычайной широтой данной проблемы и ее актуальностью. С другой стороны, климатические и природные условия, специфика ведения хозяйства (отгонное животноводство) вызывали дополнительные трудности в решении вопросов по повышению материального благосостояния и культурного уровня жизни трудящихся, требовали постоянного внимания.

Принятые постановления уже сами по себе имели большое значение. Они нацеливали первичные партийные организации, коммунистов на выполнение поставленных задач, определяли направление в решении того или другого задания. Тем не менее для претворения их в жизнь требовалась постоянная организаторская работа. Областной комитет партии, горком и райкомы КПСС в этом плане проводили конкретные мероприятия. На заседаниях бюро обкома партии заслушивались отчеты райкомов, горкома партии, отдельных партийных организаций по выполнению того или иного постановления. В свою очередь горком и райкомы партии контролировали выполнение своих решений первичными партийными организациями.²⁷

С целью улучшения руководства первичными партийными организациями в горкоме и райкомах КПСС были созданы нештатные отделы,²⁸ использовался институт нештатных инструкторов. При первичных партийных организациях были созданы комиссии по осуществлению контроля за деятельностью администрации.²⁹ Для оказания помощи этим комиссиям горком КПСС провел 28 августа 1959 года семинар секретарей первичных парторганизаций и председателей комиссий, на котором им были даны инструкции по налаживанию и проведению этой работы.³⁰

Горкомом и рядом райкомов партии проводилась большая работа по организации и активизации деятельности женских советов,³¹ которые проводили работу по благоустройству города и сел, организовывали помощь колхозам и совхозам в уборке урожая и заготовке кормов для общественного животноводства.

Районные партийные организации направляли деятельность Советов депутатов трудящихся, заслушивали отчеты о их работе. На заседаниях сессий районных, сельских и поселковых Советов выносились вопросы по улучшению состояния работы клубов, библиотек, школ и т. д. Например, на сессии Кош-Агачского районного Совета депутатов трудящихся 28 апреля 1965 года был рассмотрен вопрос о торговом обслуживании населения района. Заслушав отчет о работе Чибитского сельпо, исполком райсовета по-партийному подошел к оценке его деятельности. Отметив

успешное выполнение плана по товарообороту, обратил внимание на имеющиеся недостатки и на вскрытые их причины. Так, было отмечено, что ряд запросов пастухов и чабанов с отдаленных стоянок не был выполнен по вине руководства райпотребсоюза, работников автолавок.³²

Первичные партийные организации в годы семилетки возглавили движение трудящихся масс за механизацию производства и улучшение производственных условий труда. В 1959 г. партийная организация городской электросети много сделала для облегчения труда рабочих. По ее инициативе была переделана система подачи горючего к двигателям и установлен юный паровой котел для отопления цехов. При непосредственном участии коммунистов были созданы хорошие производственные условия на швейной фабрике № 6, где были установлены агрегаты поперечного расположения, усовершенствована технология производства в швейных цехах.³³ Партийная организация, администрация рудника «Веселый» проделали большую работу по улучшению общего состояния горных выработок, повышению требований к соблюдению рабочими правил техники безопасности, что позволило сократить производственный травматизм.³⁴

Большая работа была проделана партийной организацией Акташского рудника по улучшению условий труда горняков. В штольнях были введены в действие погрузочные машины, скреперные лебедки и другие механизмы, облегчившие труд горняков.³⁵

На Горно-Алтайской ткацкой фабрике за семилетие было установлено нового отечественного оборудования на сумму свыше 650 тыс. рублей, в т. ч. свыше ста автоматических станков, бобинная, тростильная машины и крутильные патера.³⁶

Значительные перемены произошли и в сельском хозяйстве. Труд колхозников и рабочих совхозов стал более механизированным. Так, с 1959 по 1963 г. количество тракторов в области увеличилось почти в два раза,³⁷ а за последние три года семилетки колхозами и совхозами получено 420 тракторов всех марок, 274 автомашины, 165 зерновых и силосных комбайнов, около 100 электростанций.³⁸ Шире стала применяться механизация в животноводстве. Получила дальнейшее распространение электрическая стрижка овец, в производство продолжала внедряться механическая дойка коров, механизировались приготовление и раздача кормов. В колхозе «40 лет Октября» Кош-Агачского района раньше не осуществлялись профилактические зооветеринарные обработки скота. В конце семилетки в местах наибольшего скопления скота, в урочищах Узуи-Баргузы, Тошон и верховьях Баро-Баргузы, были построены удобные цементированные ванны. Улучшились условия труда колхозных механизаторов. В строй действующих был пущен гараж на 15 мест с паровым отоплением.³⁹

Однако партийные организации отдельных колхозов и совхозов не подняли на должную высоту борьбу за механизацию сельскохозяйственных работ и замену ручного труда машинным. В 1959 г. в колхозе им. Кирова Майминского района в период заготовки кормов бездействовали два крановых стогомета.⁴⁰ Подвесная дорога, установленная в коровнике Паспаульской фермы Чойского совхоза Майминского района, не работала потому, что не была достроена до конца, в совхозе имелось в 1960 г. 12 доильных установок, но все они бездействовали, так как не были смонтированы⁴¹ и т. д.

Отдельные недоработки имели место и на некоторых промышленных предприятиях. Например, на ткацкой фабрике допускались нарушения правил техники безопасности при работе с красителями в красильном цехе, не всегда соблюдались правила промышленной гигиены.⁴²

Подобные недостатки в работе находили соответствующую оценку вышестоящих партийных организаций. Городской комитет партии в

решении бюро 15 февраля 1963 года по фактам нарушения правил охраны труда на ткацкой фабрике отмечал, что парторганизация и фабком слабо занимались вопросами улучшения условий труда, не анализировали причин заболеваемости рабочих и тем самым ослабили контроль за деятельностью администрации. Бюро горкома партии потребовало от партийной организации и администрации фабрики устранить отмеченные нарушения и, кроме того, предложило данное постановление обсудить всем парторганизациям промышленных предприятий города.⁴³

Областная партийная организация, опираясь на решения XXI, XXII съездов партии и Пленумов ЦК КПСС, проводила конкретные мероприятия по повышению материального благосостояния трудящихся. В колхозах области вводилась прогрессивная денежная оплата.⁴⁴ Была проведена большая работа по внедрению хозрасчета и укрупнению хозяйств. Так, в 1960 г. в Онгудайском районе произошло объединение пяти экономически слабых, отстающих сельхозартелей в один колхоз, которому было присвоено имя «40 лет Октября». До объединения хозяйств в колхозах велось на низком уровне, в пяти колхозах имелось только три старых трактора. После объединения экономика колхоза стала быстро развиваться, доходы колхозников значительно возросли. В колхозе появились новые коровники, кошары, жилые рубленые дома и бани на стоянках. Люди стали лучше жить. Если до объединения в колхозе им Буденного на трудодень приходилось 19 копеек, то в 1963 г. средний месячный заработок доярки составлял 62 рубля, а заработок чабана 90 рублей⁴⁵ (цены в новом исчислении).

Партийные организации многих колхозов сумели добиться значительного улучшения благосостояния трудящихся. Например, парторганизация и правление колхоза «Кызыл Мааны» Кош-Агачского района сумели сплотить тружеников сельхозартели, вдохновить их на борьбу за выполнение производственных планов. С укреплением экономики хозяйства увеличились доходы колхозников. В 1961 г. только на трудодни колхозникам было распределено 190159 рублей, или на 63896 рублей больше, чем в 1959 г. Стоимость трудодня соответственно увеличилась с 1 руб. 80 коп. до 2 руб. 10 коп.⁴⁷ Аналогичное положение складывалось и в других колхозах. К 1963 г. фонд зарплаты колхозников по сравнению с 1953 г. возрос в 4,2 раза.⁴⁸ За годы семилетки доходы рабочих тоже увеличились. Зарплата рабочих с 1959 г. по 1965 г. возросла на 30,5 процента.⁴⁹

Однако увеличение заработной платы не являлось единственным фактором улучшения благосостояния трудящихся. Как сказано в Программе КПСС, обеспечение высокого жизненного уровня осуществляется не только повышением индивидуальной оплаты по количеству и качеству труда, но также и расширением общественных фондов потребления, предназначенных для удовлетворения потребностей членов общества.⁵⁰ В отдельных колхозах области уже в начале семилетки общественные фонды играли существенную роль в повышении благосостояния трудящихся. Например, колхоз «Кызыл Мааны» Кош-Агачского района начиная с 1 января 1962 года полностью изрешил на обеспечение чабанов-пастухов бесплатным жильем, керосином, известью, дровами и медикаментами.⁵¹

За годы семилетки значительно увеличились расходы на социальное обеспечение. 16950 жителей области, в том числе 3103 колхозника, получали пенсию. За семилетие выплата пенсий рабочим и служащим увеличилась на 1 миллион 415 тысяч рублей. Бюджет области, в котором больше половины средств выделялось на просвещение, здравоохранение и социальное обеспечение, увеличился с 1923 по 1965 г. в 457 раз.⁵²

Повышение материального благосостояния трудящихся убедительно подтверждается ростом вкладов трудящихся в сберегательные кассы. За последние три года семилетки сумма вкладов в сберегательные кассы области увеличилась на 30 процентов. Только за восемь месяцев 1965 года вклады населения увеличились на 800 тыс. рублей. Количество вкладчиков за год увеличилось на две тысячи. А всего на конец семилетки в области насчитывалось 35 тысяч вкладчиков, или вкладчиком являлся каждый четвертый житель области.⁵³

Рост доходов трудящихся поставил новые задачи перед торгующими организациями. Однако в начале семилетки торговля развивалась сравнительно слабыми темпами. Более того, в 1959 г. торговое обслуживание трудящихся ухудшилось, план товарооборота не был выполнен.⁵⁴ Основной причиной такого положения являлось отсутствие постоянного контроля со стороны райкомов партии, первичных партийных организаций за состоянием торговли. В ряде районов продолжала оставаться низкой трудовая дисциплина и культура работы торгующих организаций. Анализ деятельности райкомов партии по улучшению торгового обслуживания населения в 1959 г. показывает, что мероприятия по улучшению торговли во многих районах в основном проводились в конце года, что, конечно, не могло радикально повлиять на выполнение плана товарооборота.⁵⁵

В последующие годы горком и райкомы партии значительно усилили контроль за состоянием торгового обслуживания населения в городе и селах области. Так, выполняя постановление бюро обкома партии от 30 мая 1961 года «О неудовлетворительной организации торговли продовольственными товарами в городе», горком КПСС в первой половине июня 1961 года провел собрание со всеми завмагами и работниками общественного питания, а также с общественными контролерами по вопросу улучшения организации торговли. С такой же повесткой дня были проведены партийные собрания в Горно-Алтайторге, на мясокомбинате и шинаводе.⁵⁶ Постепенно состояние торговли улучшалось. В докладе на XIX Горно-Алтайской городской партийной конференции 26 декабря 1962 года было отмечено, что на 1-е декабря 1962 года план товарооборота за 11 месяцев выполнен на 104,5 процента, в т. ч. по розничному товарообороту на 105 и по общественному питанию на 104,4 процента.⁵⁷

В 1962 г. трудящиеся области было продано больше, чем в 1961 г., мяса и птицы на 363,4 тыс. рублей, молока и масла — на 360 тыс. руб., сахара и кондитерских изделий — на 566,3 тыс. руб. Только за 1962 г. и полгода 1963 г. население области приобрело 1830 телевизоров и радиоприемников, 600 холодильников и стиральных машин.⁵⁸

Интересную форму приобрела торговля в Кош-Агачском районе. Здесь стали применять почтовый метод торговли. Получив от животноводов заявку по почте, работники потребительской организации отправляли им необходимые товары посылкой. Такая посылка содержала продукты питания, одежду, книги, предметы домашнего обихода.⁵⁹

В Чергинском совхозе Шибалинского района применяли для обслуживания животноводов на дальних стоянках другую форму торговли — ларьки без продавцов. Пастухи и чабаны сами получали товар, сами сдавали кассу. Ассортимент товаров в ларьках пополнялся через каждые 10—12 дней.⁶⁰

В 1964 г. для улучшения обслуживания работников отгонного животноводства райпотребсоюзом Кош-Агачского района были разработаны и утверждены мероприятия по расширению сети ларьков без продавцов на стоянках и открытию сундучной торговли, а также был утвержден график движения автозвонков по указанному маршруту. Руководитель райпотребсоюза отчитывался на бюро парткома о состоянии торгового обслуживания работников животноводства.⁶¹

Мероприятия, проведенные обкомом, горкомом и райкомами партии, позволили план товарооборота за 1965 г. по области выполнить на 103 процента, что составило 62,4 млн. рублей, или на 4,9 млн. рублей больше, чем в 1964 г.⁶² За семилетие товарооборот увеличился на 75 процентов по сравнению с 1958 г.⁶³ В области было построено 121 магазин, 10 столовых, 17 хлебопекарен, много торговых складов и овощехранилищ. В целях приближения торговли к населению, особенно проживающему в малонаселенных пунктах и на отдаленных животноводческих стоянках, была организована развозная торговля, в области работали 32 автолавки, было открыто 78 ларьков без продавца и организована торговля по заказам⁶⁴.

В годы семилетки значительно расширилась сеть культурного и бытового обслуживания трудящихся. В районах области было развернуто строительство кинотеатров, клубов, библиотек⁶⁵. С января 1959 года начала действовать межрайонная концертная бригада (ансамбль песни и танца Горного Алтая).⁶⁶ В Домах культуры и клубов создавались воскресные лектории по изучению и пропаганде документов XXI и XXII съездов партии. Лучше стали работать культпередвижки, основная сфера деятельности которых заключалась в обслуживании колхозников и рабочих совхозов, занятых на отгонном животноводстве.

Своеобразным по форме, богатым по содержанию являлось обслуживание животноводов в Кош-Агачском районе. Здесь получили дальнейшее развитие дома животноводов. Впервые возникнув в начале 1955 г., дома животноводов получили широкое распространение в годы семилетки. В 1965 г. в Кош-Агачском районе действовало пять домов животноводов⁶⁷.

Продолжала развиваться в годы семилетки и сеть библиотек. Если в 1958 г. в области насчитывалось 80 библиотек Министерства культуры и 30 ведомственных и профсоюзных библиотек⁶⁸, то в 1965 г. работало уже 85 библиотек Министерства культуры и 72 библиотеки других ведомств⁶⁹. Наряду с ростом числа библиотек росло и количество читателей. Так, в 1965 г. только по библиотекам Министерства культуры насчитывалось 62883 читателя против 56678 в 1960 г.⁷⁰

Обеспечение населения книгами происходило также и за счет книжной торговли. За годы семилетки трудящимся области было приобретено различных печатных изданий на 1202 тыс. руб.⁷¹

Получило дальнейшее развитие в годы семилетки медицинское обслуживание населения области. Увеличилось число мест в больничных учреждениях с 1175 в 1959 до 1620 в 1966 г., возросло число специалистов высшей и средней медицинской квалификации. По количеству больничных коек на тысячу человек населения Горно-Алтайская автономная область стояла на одном уровне с Бурятской и Калмыцкой АССР, а по количеству среднего медицинского персонала на 1000 жителей несколько превосходила Калмыцкую АССР.⁷²

«Переход к коммунизму, — сказано в Программе КПСС, — предполагает сознательных и высокообразованных людей, способных как к физическому, так и умственному труду, к активной деятельности в различных областях общественной и государственной жизни, в области науки и культуры»⁷³. Исходя из этого положения, областная партийная организация уделяла большое внимание вопросам улучшения народного образования в Горном Алтае.

Обком КПСС, горком и райкомы партии организовали широкую пропаганду постановлений партии и правительства по народному образованию среди трудящихся. Мероприятия по приближению школ к жизни и перестройке школьного обучения в области были выработаны на совещании работников народного образования и профсоюзного актива (1959 г.), созванного по решению областного комитета партии. Не было

ни одного принципиального вопроса, связанного с деятельностью школ, которым бы не занимались партийные органы.⁷⁵

В Горном Алтае нашли свое яркое отражение принципы ленинской национальной политики. Это наглядно видно из того, что дети коренной национальности учились в школе на своем родном языке. Для детей пастухов и чабанов, проживающих на отдаленных стоянках, государственно предоставляло интернаты с полным государственным обеспечением.⁷⁶ В годы семилетки продолжала развиваться и другая тенденция. Победа социализма и развернувшаяся всенародная борьба за создание материально-технической базы коммунизма обеспечила благоприятную почву для взаимовлияния и взаимообогащения языков. Русский язык стал вторым родным языком алтайцев. Не случайно во многих национальных школах области обучение по желанию родителей учащихся проводилось на русском языке. Например, в 1963-64 учебном году из 79 алтайских, казахских, смешанных школ обучение на алтайском языке велось в 36 начальных и одной восьмилетней школе, на казахском — в одной начальной школе.⁷⁶

Отмеченный факт, безусловно, имел положительное значение. Это способствовало сближению трех народов, лучшему обмену опытом, общению алтайского народа через русский язык к достижениям других народов СССР, к мировой культуре.

Кроме общеобразовательных школ, в области действовали педагогический институт, педучилище, зооветтехникум, медицинское училище, технологический техникум и другие средние учебные заведения. Всего на конец семилетки в области было охвачено всеми видами обучения около 50 тыс. человек, в т. ч. 39 тыс. человек обучалось в общеобразовательных школах, 1542 человека совмещали работу на производстве с учебой в школах рабочей и сельской молодежи.⁷⁷ Из года в год возрастали расходы на народное образование. Только за последние три года семилетки они возросли на 2,3 млн. рублей и в 1965 г. составили 44,5 процента расходной части бюджета области.⁷⁸

В области с каждым годом росло число специалистов с высшим и средним специальным образованием: если в 1959 г. работало 5024 специалиста, то в 1965 году — 6361 специалист высшей и средней квалификации.⁷⁹ Увеличение числа специалистов происходило повсеместно. Например, в отдаленном и малонаселенном Улаганском районе число специалистов высшей квалификации возросло с 17 до 37 человек, специалистов средней квалификации с 94 до 103 человек.⁸⁰

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что областная партийная организация за годы семилетки проделала большую работу и достигла значительных успехов в повышении материального благосостояния и культурного уровня жизни трудящихся.

За годы семилетки возросли доходы рабочих и крестьян. Тяжелый ручной труд все больше заменялся машинным, у трудящихся появилось больше свободного времени. Вместе с тем развитие радио и телевидения, увеличение сети массовых библиотек, домов культуры, клубов и кинотеатров позволяли более полно удовлетворять духовные запросы труженников города и села.

Расширение сети школ, улучшение медицинского обслуживания, постепенный, но неуклонный рост числа специалистов во всех отраслях народного хозяйства области — свидетельство плодотворной деятельности областной партийной организации. Применение специфических форм культурного и торгового обслуживания труженников высокогорных районов, предоставление для детей работников отгонного животноводства интернатов на государственном обеспечении, обучение в школах с алтайским и казахским составом учащихся на родном языке явились конкретным примером проведения ленинской национальной политики.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Материалы XXIII съезда КПСС, М., 1966, стр. 4.
- ² Дорохов Р. А. В братской семье советских народов. Сб. «В братской семье народов СССР». Горно-Алтайск, 1962.
- ³ Статьи Лазебнико Н. С., Кыдрашева Ч. К., Карамасева М. В., Тартыковой О. П., Кайгородовой Т. Д. Сб. «Под знаменем Октября» (Горный Алтай за 50 лет Советской власти), Горно-Алтайск, 1967.
- ⁴ Лазебник Н. С. Большевик «Ила» Сб. «Учиться искусству партийной работы», Барнаул, 1969.
- ⁵ Каташ С. С. Социалистическая культура. Сб. «Горно-Алтайская автономная область» (краеведческий справочник), Горно-Алтайск, 1963.
- ⁶ Пахасов С. Я. К вопросу о завершении социалистического переустройства быта животноводов Горного Алтая. Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, вып. 6, Горно-Алтайск, 1964.
- ⁷ Андрюшкина В. Р. Из опыта областной партийной организации Горного Алтая по развитию народного образования в 1946—1964 годах. Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, вып. 7, Горно-Алтайск, 1967.
- ⁸ Партийный архив Горно-Алтайского обкома КПСС (ПАГАО), ф. 1, оп. 1, д. 2647, л. 44, 49.
- ⁹ «Звезда Алтая», 4 января 1959 г.
- ¹⁰ Данные взяты из «Отчета Горно-Алтайского областуправления за 1963 г.» и ПАГАО, ф. 1, оп. 12, д. 45, л. 27.
- ¹¹ ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 2866, л. 20.
- ¹² Там же, д. 2760, д. 2868, оп. 6, д. 59, л. 85 и др., оп. 9, д. 23 и др.
- ¹³ ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 2768, л. 7.
- ¹⁴ Там же, д. 2760, л. 36.
- ¹⁵ Там же, л. 152.
- ¹⁶ ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 2867, л. 126.
- ¹⁷ ПАГАО, ф. 1, оп. 12, д. 11, л. 29.
- ¹⁸ ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 2867, л. 66.
- ¹⁹ ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 2763, л. 34.
- ²⁰ Там же, л. 102.
- ²¹ Там же, л. 168, 186, 204, д. 2764, л. 50, 52, 78, д. 2765, л. 196, д. 2769, л. 106, 127 и др.
- ²² ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 2869, д. 2870, д. 2871, д. 2872. При подсчете учитывались вопреки, которые непосредственно затрагивали ту или иную сторону повышения материального благосостояния и культурного уровня жизни трудящихся.
- ²³ ПАГАО, ф. 1, оп. 6, д. 61, л. 2, 37 и др., д. 62, л. 80, 163, 207, 224, д. 63, л. 191, д. 64, л. 6, 84 и др.
- ²⁴ ПАГАО, ф. 1, оп. 12, д. 13, 17, 44, 79, 88, 114, д. 14, л. 28, 48 и др., д. 15, л. 10 и др.
- ²⁵ ПАГАО, ф. 3, оп. 1, д. 167, л. 2; д. 180, л. 1, оп. 5, д. 1, л. 1, оп. 7, д. 1, л. 1.
- ²⁶ ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 2796, л. 62; д. 2902, л. 73, д. 2906, л. 104 и др.
- ²⁷ ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 2842, л. 125.
- ²⁸ Там же, д. 2899, л. 114, д. 2900, л. 113, 157.
- ²⁹ Там же, д. 622, л. 1, 15, 54, 102, 146, 162, д. 633, л. 13, 30, 116, д. 642, л. 217.
- ³⁰ ПАГАО, ф. 58, оп. 3, д. 3, л. 37, 71, 80, 129, 167, д. 4, л. 27, 91, 102, 135 и др.
- ³¹ ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 284, л. 73, ф. 3, оп. 6, д. 6, л. 48, оп. 3, д. 6, л. 114, оп. 5, д. 2, л. 23, ф. 58, оп. 3, д. 4, л. 27 и др.
- ³² «Звезда Алтая», 24 ноября 1962 г. ПАГАО, ф. 3, оп. 3, д. 2, л. 119.
- ³³ ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 2766, л. 155; ф. 3, оп. 1, д. 157, л. 181 и др.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ ПАГАО, ф. 3, оп. 1, д. 171, л. 220, 221.
- ³⁶ ПАГАО, ф. 3, оп. 1, д. 155, л. 110.
- ³⁷ Государственный архив Горно-Алтайской автономной области (ГАГАО), ф. 241, оп. 3, д. 9, л. 152.
- ³⁸ ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 2775, л. 86.
- ³⁹ «Алтайская правда», 2 ноября 1963 г.
- ⁴⁰ «Звезда Алтая», 6 ноября 1965 г.
- ⁴¹ ГАГАО, ф. 61, оп. 5, д. 135, л. 6; д. 139, л. 3.
- ⁴² «Звезда Алтая», 2 июля 1965 г.
- ⁴³ «Звезда Алтая», 2 июля 1965 г.
- ⁴⁴ «Звезда Алтая», 19 июля 1959 г.
- ⁴⁵ «Алтайская правда», 16 марта 1961 г.
- ⁴⁶ ПАГАО, ф. 3, оп. 5, д. 2, л. 48.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Программа КПСС, М., 1964, стр. 90, 91.
- ⁴⁹ ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 2760, л. 58. «Алтайская правда», 14 ноября 1959 г.
- ⁵⁰ ПАГАО, ф. 58, оп. 1, д. 622, л. 13.

- ¹⁶ «Звезда Алтая», 4 января 1961 г., 25 сентября 1963 г.
- ¹⁷ ПАГАО, ф. 58, оп. 1, д. 642, л. 84.
- ¹⁸ ПАГАО, ф. 3, оп. 6, д. 5, л. 15.
- ¹⁹ «Звезда Алтая», 14 января 1966 г.
- ²⁰ Программа КПСС, М., 1964, стр. 91.
- ²¹ ПАГАО, ф. 58, оп. 1, д. 643, л. 26.
- ²² Под знаменем Октября, Горно-Алтайск, 1967, стр. 28.
- ²³ «Звезда Алтая», 14 сентября 1965 г.
- ²⁴ «Звезда Алтая», 20 ноября 1959 г., ПАГАО ф. 1, оп. 2, д. 2766, л. 61.
- ²⁵ ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 2935, л. 11, д. 2766, л. 61; «Звезда Алтая», 3 ноября, 20 ноября 1959 г.
- ²⁶ ПАГАО, ф. 3, оп. 1, д. 131, л. 53.
- ²⁷ ПАГАО, ф. 3, оп. 3, д. 1, л. 17.
- ²⁸ «Звезда Алтая», 9 июля 1963 г.
- ²⁹ «Алтайская правда», 28 мая 1963 г.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ ПАГАО, ф. 1099, оп. 1, д. 15, л. 42.
- ³² «Звезда Алтая», 12 февраля 1965 г.
- ³³ «Звезда Алтая», 14 января 1966 г.
- ³⁴ Под знаменем Октября, Горно-Алтайск, 1967, стр. 53.
- ³⁵ «Звезда Алтая», 18 августа 1959 г.
- ³⁶ ПАГАО, ф. 1, оп. 2, д. 2877, л. 71.
- ³⁷ «Звезда Алтая», 30 ноября 1965 г.
- ³⁸ Годовой отчет Горно-Алтайской областной библиотеки за 1958 г.
- ³⁹ ПАГАО, ф. 1, оп. 12, л. 11, л. 26.
- ⁴⁰ Годовой отчет Горно-Алтайской областной библиотеки за 1960 и 1965 г.
- ⁴¹ Под знаменем Октября, Горно-Алтайск, 1967, стр. 27.
- ⁴² Отчеты Горно-Алтайского областного управления за соответствующие годы Статистический сборник, РСФСР за 50 лет, стр. 189, 201 (Подсчет мой —И. М.).
- ⁴³ Программа КПСС, М., 1964, стр. 122—123.
- ⁴⁴ Андронкина В. Р. Из опыта работы областной партийной организации Горного Алтая по развитию народного образования в 1946—1964 годах. См. Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы Горно-Алтайск, 1967, стр. 77.
- ⁴⁵ «Звезда Алтая», 1 декабря 1961 г., 25 декабря 1963 г.
- ⁴⁶ Андронкина В. Р. Из опыта работы областной партийной организации Горного Алтая по развитию народного образования в 1946—1964 годах. См. Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, Горно-Алтайск, 1967, стр. 89.
- ⁴⁷ «Звезда Алтая», 12 февраля 1966 г.
- ⁴⁸ «Звезда Алтая», 3 июля 1965 г.
- ⁴⁹ ПАГАО, ф. 61, оп. 4, д. 233, л. 11, д. 300, л. 1.
- ⁵⁰ Там же.

ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА У АЛТАЙЦЕВ

Итоги национально-культурного строительства Горно-Алтайской автономной области за период 1924—27 гг. (восстановительный период) были подведены в конце декабря 1927 г. на V областной партийной конференции¹. Известно, что результатом политики царского правительства явилась хозяйственная, политическая и культурная отсталость трудящихся алтайцев, обитавших на землях, считавшихся собственностью царя. Достаточно указать, что грамотность у коченников алтайцев перед революцией составляла 1,3%. За короткий исторический срок, прошедший со времени окончательной победы Советской власти на Алтае, положение трудящихся алтайцев сильно изменилось в экономическом, политическом и культурном отношении. Пятая областная партийная конференция имела возможность констатировать уже определенные успехи не только в подъеме хозяйства, но и в развитии национально-культурного строительства среди трудящихся области.² Одним из ярких показателей этого строительства явился рост общественно-политической активности трудящихся алтайцев. В избирательной кампании по выборам в Советы в 1927 г. например, приняло участие 65% алтайцев. Весьма возросла общественная активность женщины-алтайки. Если среди избирателей в 1927 г. по всей области женщины было 50%, то в отдельных, чисто алтайских по национальному составу аймаках (например, Улаганском) женщины-избиратели составляли 60,3%.³ Женщины-алтайки были избраны депутатками в ряде сельских Советов.

За указанный период выявился определенный интерес трудящихся алтайцев к вопросам переустройства их быта и хозяйства. Это выражалось в их стремлении к переходу на оседлость, к улучшению форм ведения хозяйства.

Отсталое хозяйство алтайцев через различные формы кооперации, через землеустройство постепенно перестраивалось. К октябрю 1927 г. потребительской кооперацией было охвачено 44,5% алтайцев, а вообще по всей области — 60% населения. Доля частного в торговле составляла теперь 7,3%.⁴ В отдельных национальных районах потребительская кооперация охватила свыше 80% алтайцев. Более половины ссуды — фонда кооперирования бедноты в 1926 г. была дана национальным кооперативам. В сельскохозяйственную кооперацию было вовлечено 30,4% алтайских хозяйств, в молочную — 10,7%. Область приступила к объединению алтайских хозяйств в простейшие виды производственной кооперации (животноводческие товарищества и т. п.). Стал ввозиться племенной скот, началось строительство теплых дворов для скота. В Оигудай-

ском аймаке появился агроном. Увеличились заготовки сена. Вырос ч бюджет области. Особенно показателен рост местного бюджета области. В 1925—26 гг. он составлял 735 тыс. рублей, а в 1927—28 гг. — 1,181 тыс. руб. В соответствии с ростом бюджета большие средства отпускаясь на хозяйство области и на культурное строительство, о чем свидетельствует следующая табличка.²

Расходы в тысячах руб.	1923—24 гг.	1925—26 гг.	1927—28 гг.
	сумма (в тыс. р.)	сумма (в тыс. р.)	сумма (в тыс. р.)
хозяйственные	24,9	61,3	254,9
культурно-социальные	135,0	329,9	601,5

К достижениям национального строительства необходимо отнести организацию борьбы за высвобождение алтайской бедноты от байского влияния. Несмотря на ряд крупных недостатков, область имела определенные успехи в этой работе. Сюда нужно отнести прежде всего начинания по организации алтайской бедноты, общественные переделы покосов, пастбищ, нашин с соблюдением интересов бедноты и середнячества и ограничения эксплуататорской деятельности байства. Происходило вовлечение алтайцев в общественные организации и аппарат государственных учреждений. Число алтайцев в парторганизции области за 5 лет выросло с 29 человек до 165, что составляло в то время 18,6% численности всей партийной организации.³ Была организована подготовка кадров из среды коренного населения через совпартшколу и различные курсы. За постанковительный период только совпартшколу окончили 164 алтайца. Много алтайцев прошло через курсы ликвидаторов неграмотности, работников совхозаппарата, женоргов, учителей и т. д.⁴ Коренизация аппарата коснулась за это время и руководящих советских органов области. В 1927 г. в составе областного исполнительного комитета было 17 алтайцев против 9 человек в 1925 г. В президиум обласполкома в 1925 г. входило 2 алтайца, в 1927 же году было 4 члена президиума из алтайцев и 3 члена — русских. В аймакисполкомах в 1925 г. было 16 алтайцев и 14 русских, а в 1927 г. 56 алтайцев и 46 русских. Членов сельсоветов в 1925 г. алтайцев 473 и русских 715, в 1927 г. алтайцев 1626 и русских 2031 чел. Технических работников в составе областных учреждений из алтайцев было 9%, в правлениях кооперативов по области — 25,4%, по профсоюзным организациям — 31%.⁵ Таким образом, налицо были явные успехи в деле коренизации аппарата, показывающие, что в области начался рост национальных кадров. Но при этом все же недостаточно уделялось внимания подбору национальных кадров с классовой точки зрения. В число этих кадров вошла, хотя и немногочисленная, но старая интеллигенция из алтайцев, в большинстве случаев вышедшая из зажиточной верхушки, ибо при царизме не только алтайцу-бедняку, но и середняку было почти невозможно получить образование. Старая интеллигенция из алтайцев получила преимущественно миссионерское воспитание в Бийском катехизаторском училище. В рядах ее были распространены буржуазно-националистические взгляды, тормозившие рост культурного строительства в области. Тем не менее и при этих условиях национальное культурное строительство имело значительные успехи, достигнутые под руководством областной партийной организации и неизменной помощи Сибкрайкома ВКП(б), центральных органов ВКП(б) и Советского правительства.

Во времени V областной конференции часть молодых алтайцев училась в вузах и других учебных заведениях в различных городах СССР. В области были организованы курсы подготовки и переподготов-

ки советских работников, была открыта совпартшкола с 2-годовалным сроком обучения. Особенно значительно в области выросла сеть алтайских общеобразовательных школ. В 1922—23 гг. область имела только 16 алтайских школ. В 1927 г. их было уже 41. Кроме того, алтайцы в это время обучались еще в 27 школах смешанного типа. Всего же школ в области было 113. По сравнению с началом XX в. количество их выросло почти в 5 раз. В 1927 году в школах обучалось 53% детей, но охват школой детей алтайцев был еще низким по причине недостатка учителей из алтайцев, учебников и учебных пособий, а также недостатка помещений вообще, особенно в национальных районах. Вопрос о школьных помещениях в области стоял очень остро вследствие того, что села кочевого и полукочевого населения были малочисленными, редкими, разбросанными по отдельным долинам маленьких речек. Это диктовало необходимость создания при алтайских школах интернатов. В 1927 г. область имела уже 22 интерната с 480 учащимися.⁹

Развертывалась политико-просветительная работа. Была создана сеть юрт-читален, пунктов ликвидации неграмотности, кинопередвижек. Были найдены и проверены на опыте новые организационные формы политико-просветительной работы: кочевой организатор (кочорг), передвижные школы, читальни-ликпункты, делегатские собрания, курсы-съезды, повозки, отряды и т. п. Вся работа строилась на принципе наибольшей наглядности.

Значительные результаты были достигнуты и в деле организации охраны народного здоровья. До революции врачебная помощь среди алтайцев отсутствовала совершенно. Советская власть обратила на эту сторону жизни алтайцев самое серьезное внимание. Одним из показателей темпов развития здравоохранения может служить бюджет. В 1923—24 г. на расходы по охране народного здоровья было отпущено 57.404 руб., а в 1927 г. расход по данной статье бюджета уже исчислялся в сумме 235.585 руб. В области было организовано несколько десятков врачебных и фельдшерских участков и к 1927 г. здесь работало уже 19 врачей.¹⁰ Медицинские работники стали завоевывать доверие алтайцев. Раньше алтайцы обращались во всех случаях заболевания к шаману или ярлыкчи — служителю бурханистского (ламаистского) культа. Шаман обычно заставлял больного приносить в жертву скот тому или иному духу, «наславшему болезнь». Жертвы приносились до тех пор, пока больной не выздоравливал сам по себе. Передко выздоровление хозяина или кого-либо из членов его семьи сопровождалось полным разорением его хозяйства, опустошенного кровавыми жертвоприношениями. Вот конкретный пример: «В Сайдысе Майминского аймака, — писал корреспондент алтаец, — есть 2 гражданина, которые на камлании прикончили весь скот. Один из них, Эдоков Макар, заболел и в течение двух лет все брал шамана, в жертву принес 12 голов скота, 25 кадок браги, около 30 пудов хлеба отдал. Второй, Дедеев Гавриил, всю скотину принес в жертву и впоследствии умер».¹¹

С организацией в алтайских селениях медицинских участков, алтайцы постепенно на практике убеждались в пользе научной медицинской помощи, оказываемой к тому же бесплатно. Посещаемость врачебных и фельдшерских участков алтайцами стала увеличиваться: в 1925 г. она составляла 12,2%, а в 1927 г. была уже свыше 20%. Серьезное значение было придано тогда и профилактической работе. В течение двух лет велась по аймакам обследовательская работа. Медицинским обследованием было охвачено около 17.000 человек.¹²

Большим культурно-политическим завоеванием явилось издание у алтайцев газеты на родном языке. Это была первая газета в их истории. До революции на алтайском языке издавались духовной миссией богослужения, сборники молитв и жития святых, которые, впрочем, ши-

рокого распространения не имели по причине неграмотности рядовых алтайцев. После организации автономной области впервые появилась возможность издания литературы на алтайском языке, так как грамотность среди алтайцев росла быстро. К 1927 г. на алтайском языке была издана политическая, учебная и прочая литература в количестве 61 названия, тиражом 81 000 экземпляров.¹³

Наконец, крупным достижением партийного руководства в области являлось изживание национальной вражды между русским, алтайским и казахским населением.¹⁴ Несмотря на систематические попытки со стороны алтайского и казахского байства и русского кулачества разжечь эту борьбу, неуклонное проведение на практике принципов советской национальной политики давало неизменно положительные результаты. Трудящиеся алтайцы, как и трудящиеся других национальностей, практически видели и ощущали реальную помощь, которую оказывала им советская власть по линии хозяйственной, политической и культурной.

Все перечисленные достижения в области национального культурного строительства V областной партийная конференция рассматривала как необходимое условие для более глубокого и всестороннего развития автономной области алтайцев.

Вместе с этим на V областной партийной конференции были отмечены основные недостатки в работе по национальному строительству области.¹⁵ Прежде всего отмечалось, что не удалось достигнуть полного обслуживания массы рядовых алтайцев на родном языке. Дело производство низовых органов, непосредственно обслуживающих алтайские массы, велось зачастую на русском языке, в то время для многих еще непонятном. Это не давало возможности сделать низовые органы советской власти достаточно близкими, родными и понятными для алтайцев. Отмечался и крайне недостаточный процент работников в составе областных учреждений, знающих алтайский язык. Неудовлетворительно была поставлена работа по переводу на родной язык (алтайский, казахский) основных распоряжений и постановлений как центральных, так и областных руководящих органов.

Особо было отмечено еще слабое обслуживание хозяйственных нужд алтайского аила или урючища. Обращалось внимание на несоответствие сроков сельхозкредита, а также целевых кредитов основным нуждам развития хозяйства алтайцев. Не были урегулированы вопросы землепользования. Агрономическая помощь была далеко недостаточной. Слабо было организовано дело переработки и сбыта продукции алтайских хозяйств, что задерживало рост их товарности. Помощь в переходе кочевников и полукочевников на оседлость еще только начиналась.

По линии работы с беднотой ощущался крайне недостаточный охват алтайцев и казахов, бйтраков и пастухов, не велась в необходимой мере работа по сплочению бедноты со средняком против баев. Влияние баев на бедноту «в силу ее отсталости, нищенского положения и патриархально-родовых пережитков» сказывалось еще в сильной степени.

Далее отмечался и недостаточный темп роста партийной организации за счет трудящихся алтайцев и казахов и далеко недостаточное вовлечение алтайской и казахской молодежи в комсомол.

Надо сказать, что пятая партийная конференция наметила обширные задачи в области национального строительства, из которых мы отметим здесь только главнейшие. По линии хозяйственного строительства ставилась задача повышения уровня хозяйства трудящихся алтайцев от остальных форм к более высоким и товарным формам на основе перехода от единоличного способа ведения хозяйства к коллективному. Конференция указывала на необходимость создания кадров организаторов-культурников из среды алтайцев через расширение сети школ

крестьянской молодежи, на необходимость преподавания сельскохозяйственных дисциплин в школах-интернатах, посылки алтайцев в сельскохозяйственные учебные заведения, на специальные курсы, издание на алтайском языке сельскохозяйственной литературы. Призывалось уделить большое внимание массовым формам пропаганды улучшенных способов ведения хозяйства через организацию сельскохозяйственных кружков, коллективных огородов, показательных агрокультурных мероприятий, через устройство опытно-показательных агрономических и школьных участков, выставок. Ставилась задача упорядочения землепользования в интересах бедноты и середнячества, проведения землеустройства и предусматривалась государственная материальная помощь бедняцким и маломощным середняцким хозяйствам, переходящим на оседлость. Предлагалось на основе советского законодательства о землепользовании, об аренде земли и т. д., усилить работу по ограждению бедняцких и середняцких масс алтайцев от земельных захватов баями и русскими кулаками.

По линии советской работы предлагалось усиление коренизации аппарата, рекомендовалось выдвижение алтайцев из бедняков и батраков на советскую работу и т. п.

В области просвещения была поставлена задача усилить развитие сети национальных школ, увеличить ассигнования на школьное строительство, расширить издание учебной литературы на алтайском языке, улучшить преподавание русского языка в алтайских школах. Особенно серьезное внимание обращалось на подготовку учительских кадров из алтайцев. Придавалось внимание к ликвидации неграмотности, особенно среди женщин алтаек, к развитию и улучшению политико-просветительской работы через сеть изб-читален, красных юрт, читки политических новостей («табыш»), кинопередвижек.

По линии народного здравоохранения конференция предложила, помимо расширения сети лечебных участков, организацию разъездной медицинской помощи. В аймачных национальных центрах и крупных урочищах предлагалось открыть детские ясли и площадки. Этим решением конференция преследовала цель некоторого раскрепощения женщины-алтайки от домашнего рабства, чтобы дать возможность ей включиться в сельскохозяйственное производство, в общественно-политическую деятельность.

Наконец, упомянутая конференция приняла ряд решений о партийной работе. Среди них наибольшее значение имело требование о подготовке к вступлению в партию батраков и бедноты, а также лучшего середняцкого актива из среды алтайцев. Конференция указала также на задачу борьбы с уклонами в национальном вопросе как в сторону национализма, так и в сторону великодержавного шовинизма.

Пятая областная партийная конференция не только обобщила опыт работы и достижения в области национально-культурного строительства алтайцев, но и наметила пути для дальнейшего развития и подъема этой работы, что положительным образом отразилось на дальнейших успехах социалистического строительства области.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Резолюция пятой областной партийной конференции. Издание Ойротского обкома ВКП(б) Год и место издания на титульном листе не указаны, хотя известно, что напечатана брошюра в Улале, как именовалась тогда столица области, ныне г. Горно-Алтайск.

² Л. П. Потапов. Из истории Горно-Алтайской автономной области. Записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, в 3-й. Горно-Алтайск, 1960, стр. 10—12. Алагызов. Советское строительство в Ойротии. Газета «Ойротский край» от 7 ноября 1927 г.

³ Резолюция V областной партийной конференции. Издание Ойротского обкома ВКП(б), стр. 34—35.

⁴ Резолюция V областной партийной конференции, стр. 34, см. также страницу,

- посвященную работе кооперации, в газете «Ойротский край» от 7 ноября 1927 г.
- ⁶ Сборник «10 лет Советской Ойротии». Улала, 1932, стр. 79.
  - ⁸ Резолюция V областной партийной конференции, стр. 34.
  - ⁷ Алыгизов, Советское строительство в Ойротии. Газ. «Ойротский край» от 7 ноября 1927 г.
  - ⁹ Там же.
  - ⁹ Статьи «Народное образование за 5 лет существования области». Газета «Ойротский край», 1927 г., № 83(357).
  - ¹⁰ Итоги работы по здравоохранению. Статьи в газете «Ойротский край» за 1927 г., № 83(357).
  - ¹¹ Газета «Ойротский край» от 23 февраля 1927 г. и от 2 июля 1927 г.
  - ¹² Итоги работы по здравоохранению «Ойротский край», 1927 г., № 83.
  - ¹³ Резолюция V областной партийной конференции, стр. 35.
  - ¹⁴ На юге области и Кош-Агачском районе проживало и проживает в настоящее время небольшая, но компактная группа казахов, переселившихся сюда из Казахстана еще в XVIII в.
  - ¹⁵ Резолюция V областной партийной конференции, стр. 35.

ПЕРВЫЕ МАРКСИСТЫ В ССЫЛКЕ НА АЛТАЕ

В советской исторической литературе проблеме жизни и деятельности пролетарских революционеров в сибирской ссылке посвящен целый ряд исследований.¹ Работы эти, написанные с привлечением широкого круга опубликованных и неопубликованных источников, убедительно показывают, что, несмотря на тяжелые условия сибирской ссылки, ссылкинцы оставались верными делу рабочего класса, делу партии Ленина.

Задача настоящего исследования: рассмотреть жизнь и деятельность первых марксистов в ссылке на Алтае. Тема эта не изучена.²

Политическая ссылка была одним из карательных методов борьбы царского правительства с революционным движением в стране. Ссылая революционеров в далекую Сибирь, намеренно размещая их в глухих, отдаленнейших углах, где отсутствовали минимальные условия для жизни человека, оно преследовало цель: одних — уничтожить физически, других — искалечить духовно. Через знаменитые царские «тюрьмы без решеток», какими являлись Якутская область, Туруханский и Нарымский края, Сургутский и Березовский уезды (Тобольская губерния) прошли сотни и тысячи борцов за народное счастье.

Что же касается южной части Западной Сибири, то здесь политическая ссылка не приняла сколько-нибудь широкого размаха. Объясняется это целым рядом обстоятельств, важнейшими из которых были относительно теплый климат этого края и постоянный приток переселенцев из Европейской России. По мнению царских сатрапов, умеренные климатические условия Барнаульского, Бийского, Змеиногорского и Кузнецкого уездов Томской губернии, а также южных уездов Тобольской губернии не отвечали требованиям карательной политики.

Безземельных крестьян внутренних губерний России, каковыми являлось подавляющее большинство переселенцев, правительство считало средой, восприимчивой к заражению революционными учениями, и, разумеется, опасалось размещать политссыльных среди них. Все это ограничивало и сужало политическую ссылку в этой части Сибири.

Так, на протяжении 18 лет, с 1888 по 1905 г., в трех уездах Алтая — Барнаульском, Бийском и Змеиногорском — отбывало ссылку всего до 60 человек.³ Из этого числа значительный процент падал на лиц, высланных по народovolьческим делам в 80-е и в первой половине 90-х годов.

Ими были С. П. Швецов⁴, П. М. Юхнев, С. М. Великолюд, И. Е. Овсянкин, Н. Б. Шер, А. Я. Сулин, Л. П. Ешин, Г. Б. Байтов, А. А. Силин и другие. В 1900-е годы почти все они стали эсерами.

Марксистская часть ссылки была малочисленна.

Первым на Алтае слышимым из марксистов был Павел Петрович Шатько (1857—1907) — один из пионеров марксизма в России. До ссылки, в 1883—1887 гг. в Петербурге он входил в группу Благоева, которая одновременно с заграничной группой Плеханова «Освобождение труда» занималась пропагандой идей научного социализма. Будучи одним из деятельных членов группы, П. П. Шатько принимал участие в разработке программы русской социал-демократии, в выпуске социал-демократической газеты «Рабочий», в создании военной организации при группе и в пропаганде среди рабочих. Он — автор устава кассы социал-демократического рабочего кружка⁸. 1 марта 1887 г. П. П. Шатько был арестован и в конце того же года отправлен без суда и следствия в ссылку в Барнаул. Здесь, удален от родных и близких, он пробыл в неволе под надзором полиции около пяти лет с января 1888 по август 1892 г. В течение этого времени П. П. Шатько отлучался из Барнаула всего два раза. В июне-июле 1889 г. с разрешения томского губернатора находился в селе Черга Алтайской волости Бийского уезда⁹, где поправлял пошатнувшееся здоровье⁷. В августе того же года он ездил в Томск встречать жену, ехавшую к нему с грудным ребенком из Петербурга⁸.

Срок ссылки П. П. Шатько кончился в конце сентября 1892 г. Поскольку в это время прекращалось пароходное сообщение по рекам Западной Сибири, то Министерство внутренних дел разрешило ему покинуть Барнаул в августе 1892 г.⁹

Примерно через год после отъезда П. П. Шатько, в ноябре 1893 г., в Барнаул водворяется еще один социал-демократ из Петербурга — Дмитрий Владимирович Странден — член группы М. И. Бруснева. В ссылку он прибыл, имея определенный опыт нелегальной работы, был пропагандистом в рабочих кружках на судостроительных заводах столицы, находился за границей, где имел возможность познакомиться с западноевропейским рабочим движением. «Высочайшим повелением» (т. е. распоряжением царя) срок ссылки Д. В. Страндену был назначен три года¹⁰.

Д. В. Странден, так же как и П. П. Шатько, посетил Горный Алтай. О пребывании его там говорится в двух донесениях помощника начальника Томского губернского жандармского управления в Барнаульском и Бийском уездах. Оба донесения направлены в Томск начальнику губернского жандармского управления. В первом донесении, датированном 17 июля 1894 г., отмечено: «Выбывший из г. Барнаула гласно-поднадзорный Дмитрий Владимирович Странден прибыл со своей матерью Юлией Ивановной в село Чемал Бийского округа около 16 июня сего года. Прибыв в это село, он нанял квартиру в доме тамошнего крестьянина и содержателя земской квартиры Андошина Федорова»¹¹. О том, как Д. В. Странден проводил время в Чемале, говорится во втором донесении от 31 августа 1894 г. Вот выдержка из этого документа, написанного на характерном языке жандармов: «Ездил далее за 60 верст от Чемала в село Чергу в гости к временно находившемуся там учителю Барнаульского горного училища Михаилу Александровичу Серебренникову, а этот последний с каким-то со своим товарищем был у Страндена в гостях. К Страндену также ходил в гости со своей женой сельский священник отец Петр Венедиктович и бывали нередко в гостях томские учительницы Клавдия Аполлинарьевна Якушева и Софья Анастасьевна Жаворонкина, томский учитель Александр Николаевич Брильничников. 14 августа Странден со своей матерью выехал в Барнаул. За время нахождения в Чемале получал письма из Петербурга, Выборга, Тюмени и Каинска»¹².

В 80-е и в первой половине 90-х годов социал-демократическая ссылка на Алтае была представлена только двумя лицами —

П. П. Шатько и Д. В. Странден. Малочисленна она была и в других районах Сибири. Это было время, когда идеи К. Маркса завоевывали умы революционеров в борьбе с народничеством. «Это, — указывал В. И. Ленин, — был период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии. Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс угробного развития».¹³

Со середины 90-х годов социал-демократическое движение в стране делает громадный шаг вперед: марксизм распространяется вглубь и вширь, захватывая и такие окраины, как Сибирь. Создаются более солидные, чем кружки и группы, социал-демократические объединения, которые в ряде мест стали руководить выступлениями рабочих. Среди них центральное место занимал петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», созданный В. И. Лениным.

Одновременно с появлением на политической арене социал-демократии лихорадочно заработала полицейская машина. Число высланных в Сибирь резко увеличилось. В сибирской ссылке оказался В. И. Ленин, а вместе с ним и его соратники по «Союзу борьбы» Г. М. Кржижановский, А. А. Ванев, В. В. Старков и другие.

Представителями этого периода русской социал-демократии в ссылке на Алтае были К. К. Сабардин, А. И. Никольская, В. В. Солдатов и А. В. Ярославцев.

К. К. Сабардин — студент Петербургского университета, выслан в Барнаул в 1900 г. за хранение и распространение социал-демократической литературы. В Барнауле жил до 1903 г., после чего уехал в Томск, а затем в Казань.¹⁴

А. И. Никольская — слушательница высших женских курсов в Петербурге, по утверждению столичных жандармов, состояла в «близких отношениях с лицами, занимающимися социал-демократической пропагандой среди рабочих, оказывала им в этом содействие».¹⁵ Полицейский надзор (1900—1903 гг.) отбывала в селе Белоярском Барнаульского уезда.

В. В. Солдатов — социал-демократ из Самары, прибыл в Барнаул в 1901 г.¹⁶

А. В. Ярославцев был выслан за социал-демократическую пропаганду среди рабочих Ярославля. В Барнауле находился в 1902—1903 гг., почти полтора года. Оставшийся срок ссылки отбывал в Вологодской губернии.¹⁷

В 1900—1902 гг. на паровой пристани, недалеко от Барнаула, проживал Я. Е. Московский, высланный в Сибирь за принадлежность к кружку передовых рабочих Одессы.¹⁸

О подъеме революционного движения в стране в начале 1900-х годов свидетельствовали новые ссылки Н. М. Губина, Н. Н. Баранский, Н. М. Белогорцев, А. П. Кочнев и П. А. Попов. Все они были жертвами первых открытых выступлений против царского произвола. Так, Н. М. Губина — слушательница высших женских медицинских курсов, была выслана в село Егорьевское Барнаульского уезда за участие в демонстрации 4 марта 1901 г. в Петербурге.¹⁹ Демонстрация была организована в связи с решением правительства об отдаче в солдаты 183-х студентов Киевского университета, выступивших за демократизацию учебного дела.

Сущность решения правительства была вскрыта В. И. Лениным в статье «Отдача в солдаты 183-х студентов», в которой он указывал, что отдача студентов в казарму, где царила полная беззащитность солдат, является «наказанием и даже очень тяжелым наказанием, приближающим к лишению прав».²⁰

Н. Н. Баранский — студент Томского университета, высланный в село Чистюльки Барнаульского уезда, был одним из организаторов забастовки студентов Томска, выступивших в марте 1901 г. в поддержку требовавших киевских студентов и с осуждением расправы над ними. В Томске, так же как в Петербурге, забастовка завершилась уличной демонстрацией.²¹

Студенты Н. М. Белогорцев, А. П. Кочнев и П. А. Попов являлись участниками политических демонстраций 18 и 20 февраля 1903 г. в Томске,²² на которых впервые в Сибири открыто был провозглашен лозунг «Долой самодержавие!»

Все эти студенты были социал-демократами, однако своей марксистской подготовкой выделялся лишь Н. Н. Баранский, который после возвращения с Алтая стал искровцем, а после второго съезда партии — большевиком. В 1903–1906 гг. Баранский являлся одним из руководителей Сибирского союза РСДРП. Он активный участник первой русской революции.²³

В 1905 году в уезды и города Алтая политссыльные не водворялись. Исключение составлял Е. С. Пуцаровский, живший в марте-августе 1905 г. в селе Камень Барнаульского уезда после высылки из Томска. Это был, по характеристике томского губернатора, опытный агитатор, оказывавший «среднее влияние» на учащуюся молодежь Томска.²⁴

Вот таким был состав социал-демократической ссылки на Алтае до октября 1905 г., когда по требованию восставшего народа царское правительство предоставляло свободу политссыльным.

Искровцы и большевики вплоть до октябрьской амнистии 1905 г. на Алтай не высылались.

Жизнь революционера в ссылке была очень тяжелой. На протяжении всей ссылки он находился в полной зависимости от полицейских чинов, осуществлявших надзор. Ссылному запрещалось заниматься педагогической и медицинской деятельностью, выступать с публичными лекциями, сотрудничать и выступать в печати, иметь занятия в правительственных учреждениях. Фактически не запрещенным занятием для ссыльных являлись сельское хозяйство и ремесло. Ссылный не имел права отлучаться из места своего подворения.

Зорко следила полиция за ссыльными, фиксируя каждый их шаг. Не оставались в этом деле в стороне и жандармы. Например, в предписании начальника Томского губернского жандармского управления от 16 января 1890 г. нижним чинам указывалось: «Наблюдение за политическими ссыльными, состоящими под гласным и негласным надзором, должно быть ежедневное (подчеркнуто в подлиннике — П. К.), причем все приемы наблюдения должны быть соблюдены в строгой тайне. Наблюдение должно быть за поведением, образом жизни, занятиями, знакомствами, нравственными качествами»²⁵

В прямой зависимости от бесправного положения находилась материальная обеспеченность ссыльного. В силу запретов и ограничений он был вынужден сидеть без работы (хотя в его образовании и специальности нуждалось местное общество), а следовательно, и без денег. Правда, по существовавшим законам политссылному полагалось казенное пособие, но оно, во-первых, было настолько мизерным, что едва хватало на полуголодное существование, а во-вторых, его получал не каждый: существовала целая система изъятий. Поэтому для большинства ссыльных насущнейшей была проблема о куске хлеба. По-разному решали ее ссыльные. Об этом свидетельствуют занятия ссыльных марксистов на Алтае (кстати, ни один из них не получал казенного пособия). Вопреки официальному запрещению они вели многогранную служебную деятельность.

Так, П. П. Шатько как инженер-технолог был приглашен правлением Алтайского горного округа на Барнаульский сереброплавильный завод. Там П. П. Шатько, по воспоминаниям С. П. Швецова,³⁰ завоевал себе репутацию выдающегося работника, обладавшего прекрасной подготовкой. Я. Е. Московский работал помощником машиниста на пароходке купца Горохова «Мельник».³¹ Д. В. Странден давал уроки музыки детям местных интеллигентов и купцов.³² На поприще народного здравоохранения были заняты Н. М. Губина, работавшая фельдшерницей в больнице на Егорьевских золотоприсках,³³ и Н. К. Белогорцев, работавший в аптеке в селе Камень.³⁴ А. В. Ярославцев зарабатывал себе на пропитание занятием в статистическом бюро управления Алтайского горного округа.³⁵ По поручению переселенческого управления Н. Н. Баранский занимался сбором статистических данных о землепользовании в алтайской деревне.³⁶

Хозяйственная, медицинская, педагогическая, исследовательская и прочие запрещенные работы ссыльными велись в большинстве случаев с целью пополнения своего скудного бюджета. Но вместе с тем своей деятельностью ссыльные оказывали определенное прогрессивное влияние на хозяйственную и культурную жизнь сибирского края.

Первые марксисты, будучи в ссылке на Алтае, по-видимому, участвовали не только в хозяйственной и культурной жизни края, но и в общественно-политической жизни. Об этом можно предположить, в частности, из круга знакомств ссыльных марксистов. Почти все они, как видно из жандармско-полицейских донесений, вели знакомства и сношения с лицами «неблагонадежными» в политическом отношении. Например, Д. В. Странден за время пребывания в Барнауле не раз встречался с представителями местной интеллигенции (учитель горного училища Штильке, статистики Фролов, Бушуев, Ермолаев, Кашинг, таксаторы Чайлинг и Соболев), которые группировались вокруг ссыльных народовольцев.³⁷ Д. В. Странден, как уже отмечалось выше, был знаком также с учителем Барнаульского горного училища М. А. Серебренниковым.

Первые марксисты, высланные на Алтай, поддерживали связь и с рабочими. Так, в донесении барнаульского уездного исправника томскому губернатору от 2 сентября 1904 года указывалось, что проживающего в селе Камень ссыльного студента Н. М. Белогорцева «посещают мастеровые».³⁸

Следует полагать, что ссыльные марксисты не ограничивались только установлением связей с представителями местной интеллигенции и рабочими, а знакомили их с марксистским учением, с революционным движением в России. Быть в курсе революционной работы в стране ссыльным помогали товарищи, находившиеся на воле. От них приходили письма, иногда — нелегальная литература. Сейчас трудно восстановить, что именно сообщалось ссыльным и какую именно литературу они получали. Связи были строго законспирированы.

О существовании некоторых связей ссыльных с революционной средой жандармы все же узнавали. Так, было установлено, что ссыльная села Егорьевского Барнаульского уезда Н. М. Губина находилась в переписке со слушательницей высших женских курсов в Петербурге А. Н. Минской. Но узнали об этом жандармы совершенно случайно. 5 декабря 1901 года во время обыска у А. Н. Минской — социал-демократ, одна из первых искровцев Петербурга³⁹ — жандармами была отобрана записная книжка с адресами. В их числе был и адрес Н. М. Губиной.⁴⁰ 2 февраля 1902 года Н. М. Губина по требованию начальника Петербургского губернского жандармского управления была подвергнута обыску. Но писем от А. Н. Минской жандармам не удалось найти. Следует полагать, что Н. М. Губина заблаговременно уничтожила или

спрятала их. «По рассмотрению найденных по обыску вещественных доказательств Надежды Губиной, а также производящимся при Санкт-Петербургском губерниском жандармском управлении дознанием. — писал помощник начальника Томского губернского жандармского управления ротмистр Завьялов 28 июня 1902 года, — до настоящего времени не обнаружено, чтобы Губина была посвящена в преступную деятельность обвиняемой Минской и имела бы какое-либо отношение к революционной организации «Искра»».³⁷

Н. М. Губина переписывалась также с томскими социал-демократами. От них она получала нелегальную литературу. Так, кроме писем из Томска за подписью «Надя»³⁸, во время обыска у Н. М. Губиной были обнаружены листовка «От Сибирского социал-демократического союза» и несколько воззваний издания Томского студенческого организационного комитета.³⁹

Нелегальная литература имелась и у других ссыльных марксистов. В селе Камень у Н. М. Белогорцева полицейскими чинами были замечены «какие-то» нелегальные сочинения.⁴⁰

Первые марксисты, посланные на Алтай, вероятно, вели борьбу с мелкобуржуазной идеологией, распространяемой преимущественно народнической ссылкой. К сожалению, об этой деятельности ссыльных марксистов почти нет сведений. В дописках и рапортах полицейским и жандармским чинов лишь констатируются связи и сношения представителей народнической (эсеровской) и марксистской ссылки. Общаясь между собой, они, следует полагать, выступали в споры, обсуждая революционные вопросы. Так, Н. Н. Баранский вспоминал, что в Барнауле он вел дискуссии с эсером С. П. Шенцовым и «махавцем»⁴¹ Селивановым.⁴²

Борьба с мелкобуржуазными теориями, особенно с народнической, которая затем эволюционировала в эсеровскую, являлась необходимым условием для распространения марксистского учения и зарождения социал-демократических организаций.

Со второй половины 90-х годов города и железнодорожные станции Сибири стали покрываться сетью марксистских кружков. Кружки, отмечал В. И. Ленин, были необходимым этапом развития социализма и рабочего движения в России.⁴³

На базе кружков создавались комитеты РСДРП. В начале 1900-х годов в Сибири социал-демократические комитеты функционировали в Томске, Красноярске, Иркутске, Чите и Омске. Эти города, по сравнению с другими, в промышленном отношении были наиболее развитыми. Они являлись центрами рабочего и социал-демократического движения в Сибири.

На Алтае, где промышленность была развита относительно слабо, социал-демократическая работа велась главным образом в Барнауле. Здесь в конце XIX — начале XX в. существовало несколько революционных кружков, в которых изучалась марксистская литература.

По мере расширения нелегальной работы делались попытки объединить кружки в одну социал-демократическую группу. Один из исследований Барнаульской группы РСДРП относит к июлю 1905 г.⁴⁴

Утверждение, что 1905 год был годом основания Барнаульской группы РСДРП, которая позднее, в 1906 г., была реорганизована в комитет РСДРП, очевидно, справедливо. Но здесь нужно иметь в виду следующее обстоятельство. Еще в 1903 г. в Барнауле распространялись социал-демократические листовки за подписью «Барнаульская группа». Об этом свидетельствуют хранящиеся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР) копии двух листовок, выпущенные первая («Товарищи, друзья и братья!») 19 ноября 1903 г. за

подписью «Барнаульская группа Русской социал-демократической рабочей партии»,⁴⁵ вторая («Солдаты, крестьяне!») — 25 ноября 1903 г. за подписью «Барнаульская группа».⁴⁶ Обе листовки были воспроизведены на гектографе. Согласно донесению начальника Томского губернского жандармского управления в департамент полиции, впервые эти листовки были обнаружены распространенными 20 декабря 1903 г. в помещении третьей роты Барнаульского резервного батальона.⁴⁷

Кто был организатором группы, считавшей себя организацией Русской (а не Российской), пока установить не удалось. Не исключена возможность, что к делу создания группы были причастны ссыльные марксисты.

Нет сведений также о дальнейшей судьбе этой группы. Возможно, именно она позже (в 1905 г.) стала считать себя группой Российской социал-демократической рабочей партии. Но для доказательства этого положения требуется дополнительное исследование.

Таким образом, материалы, обобщенные в настоящей статье, свидетельствуют о том, что в конце XIX — начале XX в. в уезды и города Алтая царизмом был выслан ряд революционеров пролетарского этапа освободительного движения в России и что они, несмотря на суровые условия режима ссылки, не стояли в стороне от общественной, политической, хозяйственной и культурной жизни края, даже в условиях ссылки пытались вести революционную работу.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ П. У. Петров Из истории революционной деятельности ссыльных большевиков в Якутии Якутск, 1952 С. И. Белиевский Большевики в минусинской ссылке Красноярск, 1964 А. П. Мещерский Первые марксисты в сибирской ссылке Иркутск, 1966 Э. Хазинаметов Большевики в нарымской ссылке Новосибирск, 1967 и др.
- ² В литературе есть лишь упоминание, что в ссылке в Барнауле находились первые марксисты Петербурга П. П. Шатыко и Д. В. Странден (См. Н. В. Блинов, М. И. Матвеев У истоков Томской большевистской партийной организации Томск, 1964, стр. 8).
- ³ Государственный архив Томской области (далее — ГАТО), ф. 3, оп. 12, дд. 3021, 3084, оп. 55, дд. 48, 49, ф. 411, оп. 1, д. 66, оп. 2, дд. 8, 37, 38, 43, 96.
- ⁴ Швецов С. П. (1858—1930) — народолец, затем жер. С 1880 по 1905 год находился в сибирской ссылке. В 1888—1898 гг. жил в Барнауле, занимался сбором статистических и этнографических сведений об Алтае, на основании которых выпустил книги «Чуйский торговый путь в Монголию» и «Горный Алтай и его население» (в трех томах). В годы Советской власти, отойдя от политической жизни, работал в различных кооперативах и в Институте народного хозяйства.
- ⁵ О революционной работе П. П. Шатыко до ссылки см. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1, стр. 143. Н. Л. Сергивский Партия русских социал-демократов. Группа Благоева. М. — Л., 1929, стр. 150—171; С. Овсянникова. Группа Благоева. Из истории распространения марксизма в России. М., 1959, стр. 27, 71, 74.
- ⁶ Ныне село Черга входит в состав Горно-Алтайской авт. обл.
- ⁷ ГАТО, ф. 3, оп. 55, д. 36, лл. 23, 27, 31.
- ⁸ Там же, лл. 35, 37.
- ⁹ Там же, лл. 50, 58.
- ¹⁰ ГАТО, ф. 411, оп. 2, д. 8, лл. 2, 3, 84. Р. А. Казакевич. Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х начала 90-х годов (кружки П. В. Точисского и М. И. Бруснева). Л., 1960, стр. 81, 136, 180.
- ¹¹ ГАТО, ф. 411, оп. 2, д. 8, л. 122.
- ¹² Там же, лл. 145, 146.
- ¹³ В. И. Ленин Поли собр. соч., т. 6, стр. 180.
- ¹⁴ ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 3098, л. 303; ф. 411, оп. 1, д. 44, лл. 24, 27.
- ¹⁵ ГАТО, ф. 411, оп. 2, д. 38, л. 142.
- ¹⁶ ГАТО, ф. 411, оп. 1, д. 66, л. 22.
- ¹⁷ ГАТО, ф. 411, оп. 2, д. 78, лл. 23, 24, 94, 284.
- ¹⁸ ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 3076-А, л. 172; ф. 411, оп. 2, д. 37, лл. 31, 32; Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России. М., 1959, стр. 484.
- ¹⁹ ГАТО, ф. 411, оп. 2, д. 83, лл. 75, 76; ф. 411, оп. 2, д. 91, л. 28.
- ²⁰ В. И. Ленин Поли собр. соч., т. 4, стр. 393—394.
- ²¹ См. М. Матвеев. Студенты Сибири в революционном движении Томск, 1966, стр. 56—65.

- ²² ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 3248, л. 5, ф. 3, оп. 56, д. 52, лл. 214, 215.
- ²³ В годы Советской власти Н. Н. Баранский — ученый географ. Герой Социалистического Труда. Умер в 1963 г.
- ²⁴ ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 3217, лл. 18, 20.
- ²⁵ ГАТО, ф. 411, оп. 2, д. 2, лл. 1, 2.
- ²⁶ «Каторга и ссылка», 1928, № 10, стр. 99.
- ²⁷ ГАТО, ф. 411, оп. 2, д. 37, лл. 31, 32.
- ²⁸ ГАТО, ф. 411, оп. 2, д. 8, лл. 181, 182.
- ²⁹ ГАТО, ф. 411, оп. 2, д. 91, л. 7.
- ³⁰ ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 3248, л. 5.
- ³¹ ГАТО, ф. 411, оп. 2, д. 78, л. 128.
- ³² Н. Н. Баранский. В рядах Сибирского социал-демократического союза. Томск, 1961, стр. 22—24.
- ³³ ГАТО, ф. 411, оп. 2, д. 24, л. 27.
- ³⁴ ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 3248, л. 14.
- ³⁵ В. Н. Степанов. Ленин и русская организация «Искры» (1900—1901 гг.). М., 1968, стр. 230.
- ³⁶ Корреспонденцию Н. М. Губина получала на имя управляющего Егорьевским подоприписками О. С. Болдырева, у которого жила на квартире.
- ³⁷ ГАТО, ф. 411, оп. 2, д. 91, лл. 9, 10.
- ³⁸ По предположению махдармов — Надежда Иосифовна Махалаткина.
- ³⁹ ГАТО, ф. 411, оп. 2, д. 91, лл. 13—16.
- ⁴⁰ ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 3248, л. 14.
- ⁴¹ Махалаткина — междубуржуазно-анархистские течения, применявшее враждебное отношение к интеллигенции и особенно — к революционной интеллигенции.
- ⁴² Н. Н. Баранский. Указ. соч., стр. 23.
- ⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 105.
- ⁴⁴ П. Бородин. Революционные события на Алтае в 1905—1907 годах. Барнаул, 1958, стр. 38.
- ⁴⁵ ЦГАОР, ф. ДП, оп. НКМ г., д. 5, л. 15, л. 5.
- ⁴⁶ Там же, л. 6.
- ⁴⁷ Там же, л. 4.

К ВОПРОСУ ОБ ЯСАЧНОЙ ПОЛИТИКЕ РУССКОГО ЦАРИЗМА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ АЛТАЕ В XVII ВЕКЕ*

Вопросы национально-колониальной политики русского царизма неоднократно привлекали внимание В. И. Ленина. В капитальных исследованиях «Империализм, как высшая стадия капитализма»,¹ «Развитие капитализма в России»,² «О праве наций на самоопределение»³ В. И. Лениным была творчески развита марксистская теория и программа партии по национально-колониальному вопросу, научно обоснованы и раскрыты особенности развития капитализма, внутреннего и внешнего рынка в конкретно-исторической обстановке. Дальнейшее развитие теоретические и политические принципы разрешения национально-колониальной проблемы получили в последующих работах В. И. Ленина, а именно: в статьях «Критические заметки по национальному вопросу»,⁴ «Итоги дискуссии о самоопределении»,⁵ «К пересмотру партийной программы»⁶ и ряде других, в которых В. И. Ленин разоблачил политику русского царизма, его произвол и насилие по отношению к нерусским народам.

Известно, что труды В. И. Ленина, касающиеся проблемы национально-колониальной политики русского царизма, относятся к концу XIX — началу XX века. Тем не менее выводы В. И. Ленина, раскрывающие суть политики царизма в данной конкретно-исторической обстановке, базирующиеся на анализе обширного фактического материала, с полным основанием могут быть использованы как методологическая основа при изучении вопросов, касающихся национально-колониальной политики русского самодержавия на более ранних этапах. Касаясь этой проблемы, В. И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» писал, что «колониальная политика и империализм существовали и до новейшей ступени капитализма и даже до капитализма».⁷

Рассматривая вопросы колониальной политики царизма, В. И. Ленин постоянно руководствовался марксистским определением понятия колонии, которая, как известно, должна предполагать, во-первых, «наличность незанятых свободных земель, легко доступных переселенцам, и, во-вторых, наличность сложившегося мирового разделения труда, мирового рынка, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов, получая в обмен за них готовые промышленные изделия».⁸

* В данной статье речь идет лишь о северных алтайцах, частично телесах и тау-телеутах, проживавших в долине реки Бий и в районе Телецкого озера, плативших (но далеко не регулярно) ясак царю.

Исходя из этого определения, В. И. Ленин указывал, что по численному выше признакам окраины России существенно отличались друг от друга. Западные окраины России, такие как Прибалтика, Украина и Белоруссия, по своему социально-экономическому и культурному развитию отнюдь не уступали центральным великорусским губерниям. Это обстоятельство в значительной мере тормозило ввоз русских промышленных товаров в эти области. Отсутствие же здесь свободных и незанятых земель исключало возможность переселения русских крестьян на западные окраины России. Следовательно, в экономическом смысле этот район никак нельзя отнести к разряду российских колоний. Здесь можно говорить о колонизации лишь политической.

Южная Украина, Предкавказье и Заполжье отличались от западных окраин России, ибо эти районы в отличие от западных были колонизированы экономически, отнюдь не подвергаясь национальному угнетению, так как основную массу населения в этих областях составляли русские.

Наконец, Кавказ, Казахстан, Приуралье и Сибирь составили третий тип окраин Российского государства, которые в большинстве своем были заселены местными коренными народами. В результате низкого уровня социально-экономического и культурного развития, по сравнению с другими окраинами России, данные области превратились в объект усиленной русской колонизации, а также в источник сырья и рынок сбыта изделий русской промышленности. Здесь, как нигде в другом месте, процветали грабеж и жестокое угнетение. Феодальные отношения у большинства коренных народов этих районов настолько были переплетены с пережитками патриархально-родового строя, что о зрелости феодальных отношений не могло быть и речи.

Различия в уровне социально-экономического и культурного развития окраин Российского государства, естественно, предполагали различия и в отношении царизма к коренному населению окраин, ибо формы и методы осуществления политических замыслов правительства в значительной степени зависели от местных условий, а также от внешнеполитических обстоятельств, возникавших в том или ином районе.

Предлагаемая читателю статья посвящена изучению ясачной политики русского царизма на Алтае в XVII веке. Для написания ее были использованы опубликованные и неопубликованные источники (ясачные книги, материалы переписки представителей местной администрации с Сибирским приказом, изветы, оклады, челобитные служилых и ясачных людей и др.), хранящиеся в центральных архивохранилищах.

Освоение сибирских земель диктовалось обстановкой, сложившейся внутри Московского государства в конце XVI — начале XVII века. Упорное сопротивление крестьянских масс усилившейся феодальной эксплуатации (увеличение барщины и повышение оброка) вынуждало московских государей приступить к активным действиям на окраинах Русского государства, в том числе и в Сибири. Успешная экспансия окраин, по замыслу правительства, должна была смягчить, пусть даже и временно, ту остроту классовых противоречий, которая возникла внутри Московского государства.

Однако возникшие противоречия внутри страны отнюдь не были главной причиной колониальной экспансии царизма вглубь Сибири. Развитие феодального способа производства в стране, развитие феодализма шире — вот главная причина экспансии русского самодержавия. Армия и бюрократический аппарат, возникшие в процессе формирования русского централизованного государства, лишь только способствовали развитию этого процесса, ибо армия и чиновничье-управленческий аппарат требовали за свою службу денег, а казна в результате неоднократных войн России с западными и южными соседями была пуста. Это вынуждено было признать и правительство, отмечавшее, что «ныне в

казне денег и денежных запасов в житницах нет, — в результате чего, — и служилым людям жалованья дать нечего».⁹

Попытки изыскать источники пополнения казны в центре страны не увенчались успехом. Единственным способом умножения «государевой прибыли» явилось освоение новых территорий, и в частности сибирских, с коренного населения которых царизм изыскивал натуральную подать — ясак пушниной, сыгравшей в конце XVI — начале XVII в. роль ценнейшего валютного товара. Сначала ватаги смельчаков, а затем организованные отряды правительственных войск отправлялись за Урал в поисках дорогостоящей «мягкой рухляди», которая, «по все времена потребна» и которую, «кроме Сибири, нигде на свете достать не можно».¹⁰

Расширение экспансии царизма в глубь Сибири год от года увеличивало число коренных сибирских народов, попадавших под власть московских государей. Естественно, что это в свою очередь увеличивало сумму ясачных поступлений, обеспечивавших казну валютные накопления. Побуждаемые этими мотивами, московские государыни постоянно стремятся к расширению границ Российского государства на Кавказе, в Прибалтике, Средней Азии и в Сибири. Постепенно, преодолевая один рубеж за другим, русское правительство достигло пределов Алтая и направило свои усилия на освоение этого края. По известным правительственным источникам, Алтай славился своими природными богатствами и, в частности, пушниной. Поэтому, захватив «новую землю» или улус, оно спешило обложить кочевые племена ясаком.¹¹ В период первоначального знакомства русских с алтайскими племенами, т. е. в начале XVII века, ясак по своему характеру являлся данью, которую платили побежденные победителю. Такой характер ясака был известен в Сибири и существовал еще до прихода русских. Различные иноземные поработители, покорявшие Алтай, изымали дань алман в свою пользу. По словам Ремезова, татары, достигнув бассейнов реки Иртыша и Оби, «дань со многих взяша», и далее сообщает, что весь этот сбор производился в пользу Кучума: «весна же близу, припе время Кучуму ясак с поданных своих збирати, собрали и лисы и прочих зверей и рыб».¹²

Таким образом, опыт предшествующих завоевателей на первых порах был почти безоговорочно принят на вооружение царским правительством.

Однако алтайский соболь привлекал и монгольских феодалов. Поэтому они всячески старались ограничить сферу влияния русского государства. Неустойчивость позиций царизма в этом районе вынуждала его проводить политику «завоевывания авторитета» среди местного алтайского населения. Эта политика нашла свое отражение и в сборе ясака с алтайских кочевых племен. «Новые люди, которые прежде сего государю не плачивали, взяти с них государев ясак как можно, чтоб им было не в тягость и тем бы их не ожесточить и от государевы царские высокие руки не отогнать, а в государеве б казне в ясачном сборе учинити прибыль».¹³

Другим важным моментом в упрочении русского влияния на Алтае являлись методы сбора ясака. В противовес насильственным методам сбора алмана монгольскими феодалами русское правительство предписывало «собирать ясак всякими мерами, но ласкою и приветом, а не жесточением и правожем».¹⁴ По мнению царского правительства, эти меры должны были содействовать укреплению его позиций на Алтае. Но это был лишь дипломатический прием русского правительства в условиях борьбы с монгольскими феодалами за монопольное господство на юге Сибири. Борьба шла с переменным успехом. Победа той или другой стороны в первую очередь сказывалась только на очередности сбора ясака. Об этом свидетельствует заверение монгольских феодалов, данное русским властям в 1610 году, которое гласило: «...на

калмыцких тайш и на себя (монголов — Н. М.) преже государева ясаку алману не имать. А после государева ясаку плохую рухлядь, которые ясачные люди в волю станут давать и то будем имать по-прежнему».¹⁴

Следует отметить, что русский ясак в известной мере был легче, чем алман, собираемый монгольскими феодалами. Как свидетельствуют документы, русские на первых порах принимали с каждого алтайского «инородна» по одному соболю или по одной куннице.¹⁵ Монгольские же, а впоследствии и джунгарские феодалы отнимали у алтайцев почти все, что только можно было отнять. Из-за отсутствия развернутого перечня алманного сбора, изысканного джунгарами в XVII веке, в качестве примера сошлемся на номенклатуру алманного сбора, произведенного сборщиком Дюренем в начале XVIII века.¹⁶ Подобная ретроспекция ни в коей мере не противоречит истине, ибо в XVIII столетии методы и приемы сбора алмана джунгарскими феодалами с алтайского населения не претерпели каких-либо существенных изменений. Русское правительство на первых порах стремилось лишь к частичному изъятию соболя у народов Саяно-Алтайского нагорья, не заменяя его другими видами ясака, строго предупреджая воевод, чтобы «у ясачных людей в государев ясак в соболье место железом не имали».¹⁷ Такая установка долгое время была руководящей для местной южносибирской администрации.

Каким же образом алтайские племена попадали в зависимое положение? На наш взгляд, такое положение достигалось двумя путями. Первый — вооруженный захват.

Анализируя характер территориальных приобретений того или иного государства, В. Н. Ленин неоднократно подчеркивал, что в этом процессе не последняя роль отводилась вооруженному захвату. К нему часто прибегали «и европейские государства XVI—XVIII веков, завоевывавшая колонии, и старая Россия, завоевывавшая Сибирь», — писал В. Н. Ленин.¹⁸ Источники красноречиво подтверждают, что царизм пользовался методами и средствами вооруженного захвата территории и подчинением своей власти местного коренного населения. В этом отношении характерна грамота, полученная в 1618 году тарским воеводой К. С. Вельяминовым-Воронцовым из Приказа Казанского дворца, в которой ему была выражена благодарность за то, что «чинил расширение нашего величества государству и нашей казне прибыль, за твою службу», которая выразилась в «пovoевании улусов, многих калмыцких людей побили и жен и детей взяли».¹⁹ Интересные сведения содержатся и наказе кузнецкому воеводе из Сибирского приказа в начале 20-х годов XVII века, который гласил «кузнецких и ясачных людей всех привести под государеву царскую высокую руку, в случае же неповиновения, над теми кузнецкими и над калмыцкими людьми промышляти, сколько милосердный бог помощи даст».²⁰ Другим непосредственным доказательством вооруженного захвата территории в начале 30-х годов XVII столетия является челобитная кузнецкого служилого человека, поляка Кузьмы Уманского, в которой он говорил: «был де в посылках (походах — Н. М.) на калмыцких людей, войною и божею милостью и государским счастьем тех калмыцких князей и улусных людей побили и в полон поймали и под государеву царскую высокую руку привели».²¹

В 1633 году томский служилый человек Петр Сабанский с отрядом казаков, двигаясь вверх по течению реки Бии, с помощью оружия принудил проживавших в этом районе кумандишцев, челканцев и часть тубаларов платить ясак в «государеву казну».²² Подобный характер носили походы Петра Сабанского против телесов в 1642 году, пятидесятника Иванова в район Телецкого озера в 1646 году и экспедиция казачьего атамана Петра Дорофеева против челканцев, тубаларов и телесов в 1652 году.²⁴ В результате таких действий алтайское население платило дань-ясак победителю.²⁵

Однако, учитывая сложившуюся обстановку на Алтае, царское правительство не всегда прибегало к насилию. Оно использует второй, мирный путь — путь приведения местного населения к шерти (к присяге), т. е. к признанию вассальной зависимости от русского государства. Что же представляла собою шерть? Это была клятва — обязательство перед государем быть верным и преданным ему и давать в его казну ясак. Наиболее распространенной формой клятвы в Сибири был обычай, заключавшийся в том, что дающий присягу ел хлеб с острия ножа, в то время как над его шеей заносилась обнаженная сабля.²⁶

У разных народов существовали свои шерти,²⁷ в частности, у алтайцев она заключалась в том, что присягнувший в одном случае прикладывался лишь к ковшу,²⁸ тем самым выражая и подтверждая свою преданность, в другом — «конец пикки шухали, и золото пили».²⁹ Но шерть не была единственным подтверждением верности поклявшегося («быть под высокою царскою рукою навеки неотступно» и платить ясак. Более действенным подтверждением, к чему часто стремились воеводы, был аманат — заложник, бравшийся из числа «лучших людей» присягнувшего населения. Практика показала, если аманат будет знатен, «за того платят ясак» и «с иных родов збирают, а будет аманат худ, за того и его родня не вся платит».³⁰

Став подданными великого государя, алтайское население должно было платить ему ясак исключительно «мягкой рухлядью», т. е. пушнинаю. На первых порах ясак не был фиксированным, сибирская администрация довольствовалась тем, что принесут в казну новоподанные.³¹ В результате таких приношений и сборов возник неокладной ясак, который можно считать случайным поступлением, на его сбор не всегда приходилось рассчитывать. В 1627 году служилому человеку Петру Дорофееву с товарищами удалось проникнуть «в новые землицы в Чагатцы, да в Ибери, да в Тогусы», т. е. к тубаларским родам Чагат, Тибер и Тогус, обитавшим в верховьях реки Бии, севернее и северо-западнее Телецкого озера, и взять с них ясак.³² Однако население данных «землиц» не считало себя ясачным и на следующий год, как сообщали служилые люди, «тое новые землицы тебе, государю, ясаку не дали, и собрались и пришли на служилых людей и учели со служилыми людьми бится».

Лишь численный перевес, бывший на стороне служилых людей, помог последним «тех немирных людей» побить.³³ Аналогичные события произошли и в Кумандинской волости, где ясачные убили четырех русских казаков, прибывших к ним для сбора ясака.³⁴ Но вскоре они опять возобновили уплату ясака. Упомянутый Петр Сабанский в 1633 году без особых затруднений обложил ясаком телесского князца Мандрака.³⁵ В 1635 году сын Мандрака Айдарко сам принес с улусных людей 60 соболей и 2 лука за 10 соболей.³⁶

Нерегулярный и случайный характер лишает возможности установить размер ясака, взимаемого с алтайского населения. Но и такой сбор ясака не всегда удовлетворял алтайских ясакоплательщиков, а появление ясачных сборщиков настраивало некоторых князцов против ясачного сбора вообще. Об этом свидетельствует заявление посланника князца белых калмыков Бачика, прибывшего в 1645 году в Кузнецкий острог и передавшего протест своего князца. «С улусных его людей ясаку имать не велеть, а как де зима будет... Бачик... и его улусные люди... государю челом ударят с луку по лисице или по куннице».³⁷ Этот добровольный сбор государю, существовавший и ранее «с луку по лисице или по куннице», приводил к зарождению так называемого подарочного платежа. В 1647 году кузнецкий воевода Афанасий Зубов отпиской доносил в Сибирский приказ, что ясачные люди для «твоего государева величества в дарех принесли 40 соболей без пупков».³⁸ Со

временем добровольные подарки превратились в обязательную статью ясачного сбора.

Как уже было сказано выше, и первой четверти XVII столетия правительство взимало с алтайского населения, как и в большинстве районов Саяно-Алтайского нагорья, вольный ясак, не представляя «...сколько их человек платит и кто по именам значится».³⁹ Следовательно, самодержавие могло получить ясак с алтайских инородцев лишь в тех размерах, в каких приносили сами ясакплательщики.

В конце 30-х — начале 40-х годов XVII века правительство пыталось учесть ясачное население Алтая и установить хотя бы приблизительный размер ясака. Оно стремилось «собрать ясак... и внести в книги все, что ясачные люди принесут».⁴⁰ Выполняя правительственную установку, сибирская администрация прилагала усилия к тому, чтобы приблизительно зарегистрировать численность алтайского ясачного населения. Но сделать это было очень трудно, ибо в бескрайних просторах Сибири, в том числе и на Алтае, надо было сначала отыскать ясакплательщики, а затем уже разыскивать с него ясак.⁴¹ При кочевом образе жизни алтайских племен эта задача была просто невыполнимой.

Как уже было выяснено, одним из основных принципов самодержавной политики на Алтае был принцип «учищения прибыли государственной казне». Но если правительство в течение почти трех десятилетий XVII века довольствовалось тем ясаком, что принесут сами ясачные, и при взимании ясака у «ясачных людей имен не допрашивать, потому, чтоб их не ожесточить и от государевой милости не отогнать»,⁴² то теперь же, в середине 40-х годов XVII столетия, оно начинает действовать более решительно, предписывая местным властям, коль ясачные люди «будут государю не послушны, не дадут ясака, то таких повоевать и ясак собрать сполна... и страшать и их укрешить».⁴³ Зная, что «ясачные люди кочевые, живут в лесах, переходя с места на место»,⁴⁴ воеводы начинают переносить ясачного населения с князцов. Расчет был прост. Зарегистрировав князцов, власти могли зафиксировать и им подвластное население, т. е. улусных людей — непосредственных ясакплательщиков. На смену коллективной форме уплаты ясака шла индивидуальная, предполагавшая увеличение количества ясачных поступлений, что было гораздо выгоднее, чем ждать, когда ясачные ударят челом государю и принесут «с лука по лисине или по кунице». Для примера рассмотрим оклад ясакплательщиков Кергежской волости.⁴⁵

Ясакплательщики	Вято соболей	Примечание
1. Бабат	10	
2. Катап	10	
3. Бабак	10	
4. Менбик	5	
5. Кулек	9	
6. Порчун	5	
7. Тогонак	5	
8. Тайга	5	
9. Кучигап	5	
10. Атай	5	
11. Байбнш	10	
12. Кара	—	
13. Куча	—	1 кошлок,* 2 соболя
Итого	79	1 лиса, 3 соболя

Из вышеприведенных данных видно, что ясачные люди были обложены ясаком неодинаково. Так, 4 человека платили по 10 соболей с 1 человека в год, 1 человек — 9 соболей, 6 человек — 5 соболей, 1 человек — 3 соболя и 1 человек — 2 соболя в год. Каким мерлом пользо-

* Кошлок — молодой бобер.

налась сибирская администрация при определении размера ясака для каждого ясакоплательщика? Ответа на этот вопрос источники не дают. Вполне вероятно утверждение П. Н. Буцинского, что размер ясака зависел от семейного положения инородца: если женат, взималось 7 соболей, если же холост — то 5 соболей.⁴⁶

Руководствуясь первоначально установленным размером ясачного оклада, правительство взискивало его из года в год, не считаясь с платежеспособностью ясачного населения. Это повлекло за собою рост ясачной задолженности алтайского населения. Одной из основных причин возникновения и роста недоимок были побег, которые явились своеобразной формой протеста ясачного населения против сбора ясака. Отписки кузнецких воевод 40-х годов XVII столетия, посылаемые в Сибирский приказ, неоднократно сообщали о побегах ясачных людей «в Киргизскую, Калмыцкую, Мунгальскую» и другие «немирные земли», где их по многие годы держат и ясаку давать не велят.⁴⁷ Другой не менее важной причиной, способствовавшей росту недоимок, являлись старость, болезни и несчастные случаи у ясачных людей.

Следует отметить, что ясачные ведомости, составленные однажды, оставались на длительное время без изменений. Движение населения не находило отражения в окладных канцелярских списках. Поэтому не удивительно, что из года в год продолжали числиться в окладных списках старики, увечные и умершие. Подтверждением этого факта являются ясачные книги Кузнецкого уезда. В окладной ведомости за 1657 год, представленной кузнецким сыном боярским Андреем Колокольцевым, под номером 23 числится ясачный человек Битюкей, в графе, где отмечался взятый с него ясак, написано: «не взято по четвертый год два соболя», причина — «без руки».⁴⁸

Как видим, имелись основания исключить инвалида из окладной ведомости, но сделано это не было. В окладных списках 1660 года он фигурирует снова и с тем же примечанием, что он «без руки» и с него не взято два соболя, с той лишь разницей, что вместо четырех недоимочных лет стоит семь.⁴⁹ Та же картина и в 1661 году.⁵⁰ Аналогичное положение и с другими ясачными людьми, которые, например по старости, не могли промыслить зверя, а следовательно, им и ясак платить было нечем, однако они из года в год включаются в окладные списки. Ясачный Мендей на протяжении 12 лет не платил ясака, так как «стар и слеп» и лишь только смерть избавила его в тринадцатый раз фигурировать в окладных списках 1661 года в качестве злостного неплательщика ясака.⁵¹

При объяснении причин недобора «государева ясака» сибирская администрация в своих отчетах ссылалась, кроме бегства, на смерть, болезни ясакоплательщиков. В отчетной ведомости кузнецкой канцелярии о сборе ясака на 1661 год с ясачного населения сказано, что в Кумандинской волости «учинился недобор» вследствие того, что 11 человек бежало к Коке Абакову и живут у него от «2 до 5 и более лет», а ясачный Кошеч ясаку «по 14 год не платит, потому, что стар и слеп», «И довелось бы с них взять 48 соболей»,⁵² в Кузнецкой — из семнадцати ясачных человек не платили 4 человека «за старостью и увечьем», а ясачный человек Татыбай бежал. «А ясаку бы с них — 16 соболей».⁵³ И, наконец, в Комляжской — из 11 человек, обложенных ясаком, не платили 2 человека: один — «стар и слеп», а другой — «посек ногу». «Довелось бы с них 13 соболей».⁵⁴

Конечно, нет оснований опровергать достоверность этих сведений. Однако не следует забывать еще об одной важной причине возникновения и роста недоимок как у ясачного населения Алтая, так и у ясачных народов Сибири в целом — это произвол ясачных сборщиков. Движимые своими корыстными интересами, они наносили чувствительный ущерб казне, и в большей степени — ясачному населению, снижая его платежеспособность.

Наконец, немаловажное значение имело и уменьшение соболя, хищнически истреблявшегося в течение десятилетий. Донесения сибирских воевод неоднократно подчеркивают, что «соболь во многих местах почти весь выпромышлялся». В связи с этим в середине XVII века обнаруживается ухудшение качества ясака. Сначала вместо соболя появляются недособоли и соболи хвосты, а позднее и другие пушные звери: лисы, бобры, куницы, россомахи. По данным 1660 года, количество произведенных замен по Кумандинской волости равнялось 27% (собрано: 61 соболь, 6 недособолей за 4 соболя, 85 собольих хвостов за 17 соболей), Комляжской — 28% (37 соболей, 9 недособолей за 5 соболей и 45 хвостов собольих за 9 соболей).⁵⁶ К концу века в перечне ясака появляются предметы быта и продукты хозяйственной деятельности алтайского кочевого населения: козляные, лисьи, суркогие шубы, луки охотничьи, таганы, котлы, кричное железо⁵⁷ и другое.

Замена соболя менее ценной пушиной, а также другими предметами явно не соответствовала интересам царского правительства. Пытаясь увеличить поступление в казну дорогостоящей пушнины, правительство в середине 80-х годов XVII века налагает запрет на торговлю в сибирских улусах и кочевьях. Правительственный указ в Сибирь повелевал: «для покупки мягкой рухляди никому, как приедем, так и сибирским кушмам по татарским и другим ясачным народам деревням и улусам ездить наискрещайше запретить и кроме того, что в городах на гостинных дворах и на торгах, нигде инде торговать не велеть». ⁵⁸ Этим самым правительством пытались ликвидировать возможные каналы утечки пушнины. Однако предпринятые шаги не принесли желаемого результата, вследствие чего царизм вынужден был пойти на замену дорогих собольих шкурков менее ценной пушиной.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что основным принципом политики царизма в XVII веке на Алтае, как и во всей Сибири, явилось стремление «учинить» максимальную прибыль государевой казне. Как известно, это достигалось путем прямого грабежа нерусского населения глухих сибирских окраин, к числу которых относился в XVII веке и Алтай. Хищническая эксплуатация нерусского населения окраин, сопровождаемая насилием и произволом сибирских администраторов, вела к разорению алтайцев, а также к сокращению доходов казны.

Таким образом, следуя ленинским указаниям, колониальную политику русского царизма можно определить как политику грабежа, насилия и национального угнетения народов колониальных окраин. Вместе с тем следует отметить некоторые особенности колониальной политики царизма, отличающие ее от колониальной политики западноевропейских и других колонизаторов.

Будучи заинтересованным в выкачивании из Сибири, в том числе и из Алтая, драгоценной пушнины, царизм отнюдь не стремился к массовому истреблению коренных сибирских народов, что, как известно, имело место в процессе освоения Северной Америки, так как сокращение численности ясакоплательщиков неминуемо грозило уменьшением количества ясачных поступлений в казну. В. И. Шунков, касаясь проблемы численности сибирского населения, отмечал, что численность бурят, составлявшая в XVII веке немногим более 27 тыс. человек, к концу XIX столетия возросла до 289 тыс. человек. Численность же алтае-сайнских народов за указанный период увеличилась с 17 тыс. человек до 108 тыс. человек.⁵⁹ Увеличение численности коренного населения Сибири является результатом экономического и культурного сотрудничества его с русским трудовым людом. Тесный контакт с народом, имевшим более высокую экономику и культуру, вопреки самодержавной политике ограбления «инородцев», оказал первостепенную роль на развитии социально-экономической и культурной жизни сибирских народов, в том числе и на рост их численности.

Ни у маньчжур, ни у монголов, попавших в середине XVII века под власть китайских завоевателей, ничего подобного не наблюдалось. В одной из китайских хроник этого периода было отмечено, что у этих народов после порабощения их Цинской империей, «на местах поселений гуляет ветер, путнику негде пристать на ночлег, отовсюду доносятся стоны и плач, с полей тянет срадом, дороги покрыты запекшейся кровью».⁶⁰ Не было здесь и притока переселенцев из глубины империи на ее окраины, что характерно было для Сибири. Не получило развития в Сибири и рабство, которое было свойственно западноевропейским колониям.

Однако, отмечая вышеперечисленные факты, А. А. Преображенский справедливо подчеркнул, что «далеко не человеколюбивыми мотивами руководствовалось царское правительство, осуществляя подобную политику. Но факты остаются фактами и их нельзя замалчивать».⁶¹ Этот вывод справедлив и в отношении алтайских племен указанного периода.

¹ В. И. Ленин. Полное собр. соч. (ПСС), т. 27, стр. 299—426.

² Там же, т. 3.

³ Там же, т. 26, стр. 256—320.

⁴ Там же, т. 24, стр. 113—150.

⁵ Там же, т. 30, стр. 17—58.

⁶ Там же, т. 34, стр. 351—381.

⁷ В. И. Ленин ПСС, т. 27, стр. 379.

⁸ Там же, т. 3, стр. 593.

⁹ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, М., 1956 г. т. 1, стр. 276.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи, т. X, стр. 368.

¹¹ В начале XVII века ясак взимался и лошадьми (см. ЦГАДА, ф. 214, столб. 623, ч. 1, л. 339).

¹² Сибирские летописи, изд. Археологический Комиссии, 1907, стр. 319—321.

¹³ Дополнения к Актам Историческим (ДАИ), т. II, стр. 162.

¹⁴ Государственный исторический музей, отдел письменных источников (ГИМ, ОПИ). Коллекция С. К. Кузнецова, оп. 1, д. 25, л. 22.

¹⁵ С. В. Бахрушин. Ясак в Сибири XVII в. Научные труды, т. III, ч. II, М., 1955, стр. 50.

¹⁶ ГИМ, ОПИ. Коллекция С. К. Кузнецова, оп. 1, д. 25, л. 22—23.

¹⁷ Джунгарский алмазный сборщик Дюрень, бежавший из кумандинских волостей от преследования кузнецких служилых людей, в панике оставил часть ямана, в перечне которого оказалось: 660 белок, 1 бобер, 3 черепицы бобровых (черепица — мех, снятый с брюха зверя — Н. М.), 66 железных котлов, 109 таганов, 6 пар стремей, узла, 900 наконечников для стрел, тавро железное, 60 железных колшов и 2 курительные трубки (См. В. Вербицкий. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии. Православное обозрение, 1866, стр. 313—314).

¹⁸ ЦГАДА, ф. 214, столб. 43, л. 83.

¹⁹ В. И. Ленин, ПСС, т. 34, стр. 368.

²⁰ Материалы по истории русско-монгольских отношений, М., 1959, стр. 77.

²¹ Сборник князя Хилкова, СПб, 1879, стр. 193—194.

²² ЦГАДА, ф. 214, столб. 403, л. 231.

²³ И. Фишер. Сибирская история, СПб, 1771, стр. 457.

²⁴ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, АН СССР, М.-Л., 1953, стр. 170.

²⁵ Следует отметить, что применение военной силы при освоении саяно-алтайской территории являлось мерой крайней, исключительной и вступало в действие тогда, когда «местные жители откажутся дать шерсть, внести ясак или дать аманатов» (См. сборник князя Хилкова, стр. 193—194).

²⁶ ЦГАДА, ф. 214, столб. 74, л. 225.

²⁷ Более подробно ритуалы шерти-присяги описаны П. Е. Тадыевым. (См. сборник «Великая дружба», Горно-Алтайск, 1956, стр. 28).

²⁸ ЦГАДА, ф. 214, столб. 252, л. 127—128.

²⁹ Там же, ф. 199, портфель № 478, ч. III, л. 12, л. 1.

³⁰ Там же, ф. 214, кн. 57, л. 476.

³¹ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 58—59.

³² Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 168.

³³ Русская историческая Библиотека (РНБ), т. VIII, 1884, стр. 474—475.

³⁴ РИБ, т. VIII, 1884, стр. 536—537.

³⁵ И. Фишер. Сибирская история, СПб, 1771, стр. 457.

³⁶ ЦГАДА, ф. 214, кн. 271, л. 215.

³⁷ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 49—50.

- ³⁸ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 317, л. 25.
- ³⁹ Н. Г. Потанин. Материалы для истории Сибири. Чтения в обществе истории и древностей российских, 1866, кн. 4, стр. 96.
- ⁴⁰ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1, л. 3.
- ⁴¹ С. В. Бахрушин. Указ соч., стр. 65.
- ⁴² ЦГАДА, ф. 214, кн. 150, л. 1080, 1129.
- ⁴³ Там же, кн. 1, л. 4.
- ⁴⁴ Там же, кн. 1422, л. 198.
- ⁴⁵ Там же, кн. 19, л. 822.
- ⁴⁶ П. П. Буцинский. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889, стр. 312—313.
- ⁴⁷ ЦГАДА, ф. 214, кн. 71, л. 21—33, кн. 96, л. 1107—1110.
- ⁴⁸ Там же, кн. 350, л. 199—211.
- ⁴⁹ Там же, кн. 414, л. 65—70.
- ⁵⁰ Там же, кн. 426, л. 52—63.
- ⁵¹ Там же, кн. 414, л. 65—70.
- ⁵² Там же, кн. 426, л. 82—87.
- ⁵³ Там же, л. 87—90.
- ⁵⁴ Там же, л. 90—92.
- ⁵⁵ Там же, кн. 426, л. 87—90.
- ⁵⁶ Там же, кн. 414, л. 95—107.
- ⁵⁷ Там же, кн. 1036, л. 62—70, 76—81, кн. 1082, л. 65—97.
- ⁵⁸ Г. М. Залкина. Ясачная политика царизма в Бурятии в XVIII — первой половине XIX в. «Сибирь периода феодализма», вып. 2, Новосибирск, 1965, стр. 239.
- ⁵⁹ В. И. Шунков. Некоторые проблемы истории Сибири. Вопросы истории, 1961, № 10, стр. 60.
- ⁶⁰ Очерки истории Китая с древности до «опиумных войн». М., 1959, стр. 511.
- ⁶¹ А. А. Преображенский. Сибирь в кризис империализма. В книге «Критика буржуазной концепции истории России периода феодализма», М., 1962, стр. 298.

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО АЛТАЙЦЕВ

Богатые художественные традиции алтайского народа нашли свое выражение в декоративно-прикладном искусстве, уходящем своими корнями в глубь истории. Эти корни, однако, не свидетельствуют о прямой генетической связи искусства древнего населения Горного Алтая с современными алтайцами. Мы можем говорить лишь об их относительном родстве.

Профессор С. И. Руденко, возглавлявший раскопки Пазырыкских курганов в Горном Алтае, датированных V—III вв. до н. э., писал: «Курганы эти настолько насыщены образцами искусства, что даже самые обыденные вещи являются образцами искусной резьбы, художественной аппликации, орнаментики и скульптуры».¹

Благодаря трудам советских археологов, в первую очередь деятельности М. П. Грязнова, С. И. Руденко и С. В. Киселева,² искусство древнего населения Горного Алтая оказалось изученным более основательно и подробно, нежели искусство современных алтайцев, которое стало предметом специального изучения сравнительно недавно.

Несмотря на то, что имеется довольно обширная историческая и этнографическая литература — как дореволюционная, так и советская, посвященная Горному Алтаю, — трудов по народному искусству в ней почти нет, за исключением книги П. И. Каплан «Очерки по народному искусству Алтая», в которой автор обобщил материал экспедиции научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП), собранный за время полевых исследований в 1952—1957 гг.³ Однако и эта работа посвящена преимущественно декоративно-прикладному искусству русского населения Алтая.

Изучению алтайского народного искусства посвятил специальную главу С. В. Иванов в своем капитальном труде «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.»,⁴ однако автор не ставил своей целью рассмотрение декоративно-орнаментальных памятников и касался их постольку, поскольку на них имеются те или иные сюжетные изображения.

Этими двумя работами, пожалуй, и ограничивается список литературы о народном традиционном искусстве алтайцев. Поэтому сейчас главными источниками, которые могут дать какие-то реальные представления о декоративно-прикладном искусстве алтайского народа с конца XIX в. и до наших дней, являются материалы (в виде зарисовок, описаний и отчасти подлинных образцов), хранящиеся в фондах Горно-Алтайского областного краеведческого музея, Горно-Алтайского научно-исследовательского института ИЯЛ, а также в формирующейся коллекции Горно-Алтайского Дома народного творчества.

Основу музейного собрания декоративно-прикладного искусства алтайцев составляют отдельные подлинные предметы и вещи, еще недавно бытовавшие в жизни народа (деревянные кровати, сундуки, кожаные сосуды для жидкости — ташауры, посуда, ювелирные украшения и т. д.), а также большая и весьма ценная в художественном отношении коллекция собраний в виде зарисовок и описаний, любимо вышолненных заслуженным деятелем искусств РСФСР, новосибирским художником И. В. Титковым. В этой коллекции, явившейся результатом почти 30-летнего кропотливого собирательства, особенно хорошо представлены алтайские войлочные изделия (ковры, сирмаки), художественная обработка металла (чеканка, литье, никрустация) и особенно образцы орнаментального оформления предметов из бересты.

Кроме того, в музее хранится альбом зарисовок алтайского орнамента, собранный работником областного Дома народного творчества Е. П. Алтайчиновой (56 таблиц), а также альбом П. И. Каплан, относящийся к Кош-Агачскому району и представляющий собой зарисовки и фотографии декоративно-прикладного искусства алтайских казахов. Часть этого материала была опубликована в вышеуказанной книге в специальной главе.

Ценность альбома Е. П. Алтайчиновой снижается тем, что большинство собранных в нем орнаментов не являются оригинальными, а представляют собой собственное сочинение автора по алтайским народным мотивам и образцам. То же самое можно сказать и о коллекции орнаментов, положившей начало систематическому собиранию образцов традиционного искусства алтайцев при областном Доме народного творчества. Составитель коллекции художник М. Бабаков наряду с оригинальными образцами орнаментов, снятыми им с подлинных предметов, представил в ней и свои работы.

Огромное значение для изучения декоративно-прикладного искусства алтайцев имеют многочисленные зарисовки и описания известного алтайского художника Г. И. Гуркина. Пейзажист по образованию, Гуркин, тем не менее, в течение своей жизни интересовался всем многообразием народного творчества, тщательно зарисовывал и записывал, часто на двух языках — русском и алтайском — все, что привлекало его внимание. В результате многолетних наблюдений в его архиве накопился огромный научный, главным образом этнографический материал, который, к сожалению, пока еще не только не изучен, но и не разобран (часть альбомов, отдельных зарисовок и записей художника хранится в Алтайском музее изобразительных и прикладных искусств в г. Барнауле, другая часть — в фондах Горно-Алтайского областного краеведческого музея).

Интересный альбом образцов народного искусства алтайцев хранится в фондах Горно-Алтайского научно-исследовательского института. Он содержит материалы, собранные художником И. В. Шаглевым в 1956 году во время комплексной экспедиции НИИ, проводившей подробное историко-этнографическое исследование Улаганского района.

Все эти источники показывают, что декоративно-прикладное искусство занимало и занимает большое место в жизни алтайского народа. Возникшее и развившееся на основе общественно-трудовой деятельности людей, это искусство отражало своеобразную жизнь скотоводов и охотников.

Естественное стремление к удовлетворению эстетических потребностей в художественном оформлении быта вызвало к жизни различные виды декоративно-прикладного искусства. Кочевой уклад жизни ограничивал эти возможности. Тем не менее печатью художественного творчества были отмечены не только предметы длительного пользования, как, например, внутреннее убранство жилища, женские украшения, сбруя, но и повседневная одежда, утварь.

Проникновение декоративно-прикладного искусства в жизнь людей придавало ему истинно народный характер. Искусство это, однако, не выделилось в особую отрасль художественного ремесла, занимались им многие, имевшие к этому склонность и обладавшие необходимыми способностями и навыками. Эти навыки, как и мотивы орнамента, передавались из поколения в поколение и прочно сохранялись в народе.

Многие изделия отличались тщательной и тонкой отделкой. При этом декор, т. е. художественное украшение, не препятствовал практическому использованию того или иного предмета.

Превосходное знание свойств материала и художественное чутье подсказывали особые приемы обработки и сочетания материалов, удачный подбор их по цвету, разнообразие орнаментальных форм, сложные и хорошо завершённые композиции, умело использованные для украшения вещей. Это создавало весьма оригинальный национальный колорит, выражавший эстетический вкус и традиции алтайцев, свидетельствующие о незаурядных творческих способностях народных мастеров.

Сохранившиеся материалы показывают, что основные творческие поиски алтайцы сосредотачивали на убранстве юрты, на предметах быта, на таких, как украшение женской одежды, конской сбруи, орудий труда и охоты. В связи с этим получили большое развитие резьба по дереву, художественная обработка металла и войлока, тиснение на коже, аппликации на ткани, вышивки и т. д.

Одним из самых распространенных материалов, подвергавшихся художественной обработке, было дерево. Постоянная жизнь в окружении леса обеспечивала обилие разнообразного материала, а сравнительная простота обработки и легкость технологического процесса, не требующая сложных технических приспособлений, обусловили широкое применение в быту алтайцев деревянных изделий. Очевидно, не меньшее значение имело и то, что такие качества деревянных предметов, как известная легкость и прочность, отвечали условиям кочевой жизни.

Блюда для разделывания и хранения мяса (тепши), ступки для измельчения зерна (соки), ложки, черпаки, трубки для перегонки молочного самогона (араки), кровати (агаши орын), сундуки, лари, шкатулки, ведра (кюйск), струнные и духовые музыкальные инструменты (топшур, икили), столбы коновязи (чаки) и т. д. — все это делалось из дерева и почти всегда украшалось довольно сложным орнаментальным узором, выполненным контурной или трехгранной выемчатой резьбой.

Сохранившиеся до сих пор предметы столетней или несколько большей давности свидетельствуют о наличии определенных традиций, а также о разработанности технологии, своеобразии мотивов орнамента. Веками выработанное чувство материала определяло мастерские навыки ритмического членения орнаментируемых плоскостей, пропорциональное соотношение частей. Все это можно проследить на украшениях деревянных кроватей. Заменённые фабричными металлическими койками деревянные кровати почти не встречаются, а два-три десятилетия назад можно было их видеть почти в каждой алтайской юрте.

Сделанные почти без применения гвоздей кровати были хорошо приспособлены для кочевого быта, так как быстро разбирались и собирались. Конструкция кроватей в целом была однотипной. Размеры соответствовали росту человека и размерам юрты: длина 170—180 см, ширина 80—100 см, высота примерно 50 см. Верхняя часть образует прямоугольную раму, укрепленную тремя или четырьмя поперечными брусьями, на которую настилалось дощатое ложе.

По своей конструкции и внешней конфигурации алтайские деревянные кровати несколько напоминают башкирские подставки под сундуки, с той лишь разницей, что башкиры наряду с резьбой нередко свои подставки украшали росписью.⁶ Алтайцы же росписи на деревянных изделиях почти не употребляли.⁷

Орнаментом, чаще всего геометрическим или зигзагообразным, украшалась передняя лицевая сторона кровати. Также обязательно фигурной была верхняя доска-карниз, обычно выступающая с головной и нижней части ложа.

Для алтайской резьбы характерны разнообразные виды орнаментации и различные принципы композиционных построений. Фону всегда придается большое значение. Орнамент, как правило, на нем располагается свободно.

Например, орнамент кровати из экспозиции областного краеведческого музея состоит из 3-х криволинейных узоров, представляющих собой вариации классического алтайского мотива рогообразных завитков («кульдя»). Резьба кровати плоскорельефная, фон углублен и занимает довольно значительное место, орнамент располагается на нем четкими рельефными фигурами с резко очерченным контуром рисунка. По всему профилю кровати, повторяя все его изгибы на расстоянии примерно 10 см, глубоким желобком прорезан контур, являющийся своеобразной рамой, заключающей в себе центральные фигуры.

Любопытно сопоставить две кровати из села Кара-Кудюр Улаганского района, изготовленные мастером Н. И. Курмановым из с. Чибиля того же района.

На одной из них⁸, композиция которой, как и в музейном экспонате, состоит из 3-х частей — центральной и двух боковых повторяющихся фигур — употреблен простой орнамент, состоящий из прямолинейных геометрических фигур: прямоугольников, ромбов, кругов, крестообразных элементов и т. д. в сочетании с криволинейными элементами — розетками, сердцеобразными и волнообразными мотивами. В целом эта работа мастера несколько перегружена декоративными элементами.

Второе изделие строже по стилю. Обрамление лицевой части кровати по стойкам и середине делит центральный узор на две симметрично расположенные части. Узор криволинейный, сложный, напоминающий по своей конфигурации узор музейного экспоната.

Такие же криволинейные мотивы, те же вариации традиционной кульди употреблены на кровати, изготовленной мастером В. Л. Сандяевым из села Кара-Кудюр.⁹ Зато он вовсе не украшает обрамление — карниз, боковые стойки и нижнюю доску рамы.

Таковыми же, как и кровати, обязательными предметами алтайского жилища были деревянные сундуки, в которых хранились особо ценные вещи. Чтобы в сундуки не проникла сырость, обычно их ставили на специальные бревна-подставки. Как и у кроватей, контурной резьбой украшалась только лицевая стенка сундука. Описание наиболее характерных приемов орнаментирования таких изделий хорошо дано в книге Н. И. Каплан¹⁰, и нам нет необходимости его повторять. Нужно добавить только, что обычный геометрический орнамент, употреблявшийся на сундуках, иногда дополнялся другими изобразительными элементами. В качестве примера можно привести сундук из экспозиции областного музея. Его передняя прямоугольная стенка разделена на два симметричных квадрата, а между ними врезан круг — календарь 12-годичного животного цикла.

Приемы и наиболее характерные виды орнаментации деревянных ведерок хорошо описаны в работах Н. И. Каплан¹¹ и особенно у С. В. Иванова.¹²

Заканчивая краткую характеристику наиболее показательных деревянных алтайских изделий, хотелось бы сказать несколько слов о деревянных крюках, имевших хозяйственное значение в кочевой жизни. Разной величины и назначения (на них подвешивались мешки, детские зыбки-качалки, котлы и т. д.), они были всегда украшены орнаментом, хотя и весьма простым. Чаще всего это были простые врезные узоры в виде черточек, прямоугольников или гребешков-зубьев.

В целом алтайская декоративная резьба по дереву сходна по характеру и технике самой резьбы, общности композиционных приемов и отдельных элементов орнаментики с художественной обработкой дерева у каракалпаков¹², тувинцев¹⁴, башкир¹⁵, киргизов¹⁶ и казахов. Сопоставительный анализ этого и других видов прикладного искусства, распространенных у многих в прошлом кочевых и полукочевых народов Южной и Средней Азии, представляет большой интерес, но не входит в задачу данной статьи.

Непосредственно к деревянным изделиям алтайского прикладного искусства примыкают предметы, выполненные из бересты: туеса, кошелки и заплечные сумки для сбора ягод и орехов. Совершенно уникальные образцы орнаментального оформления изделий из этого специфического материала, скорее характерного для русского традиционного искусства, собраны в коллекции Н. В. Титкова.

Основной прием декоративной обработки бересты — вырезание, прожигание и аппликация, причем главный эффект достигается умелым обыгрыванием свойств бересты, в частности ее цвета. Как известно, внутренняя сторона берестяной коры, в зависимости от возраста и выдержки в специальных условиях, обладает довольно широким диапазоном различных оттенков от светло-желтого медового цвета до темно-коричневого и красноватого.

Разнообразие орнаментальных мотивов, технических приемов обработки¹⁷, умелое использование свойств фактуры материала придают берестяным изделиям своеобразие, делают их красивыми, богатыми, несмотря на кажущуюся простоту.

Мотивы узоров на берестяных изделиях — обычно орнамент нанесен в виде пояса по верхней части туеса или кошелки — достаточно разнообразны и варьируют от простых черточек, зигзагов, кружков и волнообразных линий до сравнительно сложных орнаментальных фигур.

Искусство художественной обработки войлока известно на Алтае с древних времен. Об этом, в частности, свидетельствуют находки из алтайских курганов. Войлочные изделия были широко распространены и в сравнительно недавнее время — два-три десятилетия назад. В быту алтайцев их можно встретить и сейчас, хотя не так часто, как раньше. Земляной пол анла для утепления покрывался шкурами диких и домашних животных, а также войлочными коврами-сырмаками и кошмой.

К сожалению, подлинных алтайских сырмаков сохранилось очень мало, и поэтому основным источником их изучения остаются зарисовки художников, особенно образцы, зафиксированные в различных районах области Н. В. Титковым в 20—30-е годы, когда такие ковры не были такой редкостью, как в наше время.

Н. И. Каплан пишет, что типичный алтайский сырмак имеет двухцветную с рогообразным орнаментом широкую кайму, сшитую из войлока двух цветов, а также сырмаки, в середину которых шивалась теллячья или жеребьячья шкура с нежной гладкой и короткой шерстью. Далее автор отмечает, что, кроме сшивных сырмаков, в обиходе алтайцев встречаются вышитые ковры, а также войлочные ковры, выполненные в валяльной технике, при которой несложный орнамент получает мягкие расплывающиеся, как бы акварельные начертания.¹⁸ С этой характеристикой, хотя и краткой, нельзя не согласиться.

Изучение материалов Г. И. Гуркина и Н. В. Титкова позволяет утверждать о более широком использовании войлочных изделий в быту алтайцев, о большом разнообразии техники их изготовления. Так, выяснилось, что, кроме сырмаков, употреблявшихся для утепления пола, были еще и настенные ковры. Зарисованные, например, Н. В. Титковым образцы различаются между собой не столько разнообразием орнаментальных узоров, в основном вариаций традиционной «кульди», сколько различием применяемых при их изготовлении материалов. Так, зарисо-

важный художником в 1925 году в Улаганском районе коврик № 94^а был шит из цветных лоскутов кожи. Основанием ковра, т. е. поем, на который нашивался узор, служила также кожа, покрашенная в черный цвет.

Другой зарисованный им коврик № 67 представлял из себя аппликацию на кошке из разноцветных лоскутов материи, шкуры и цветной тесемки. Последние материалы служили для подчеркивания контуров узоров.

В орнаменте этого ковра видны влияния нового времени. В традиционные рогообразные узоры вписываются элементы растительного орнамента — цветы, листья, что в общем-то не характерно для алтайцев.

Исключительный интерес представляет собой образец № 68, зарисованный Н. В. Титковым в Улагане. Как и предыдущий, он представляет из себя аппликацию на кошке из лоскутов шетной материи и шнура. Ковер имеет форму вытянутого прямоугольника со срезанными, точнее сказать, округленными углами. На широкой бежевого цвета кайме изшиты голубые узоры «кульди», как бы вырастающие из краев ковра. Неширокая полоска, украшенная простым, в форме чередующихся зеленых на черном фоне треугольником, орнаментом, отделяет кайму от центрального поля, разделенного фиолетовой каймой на две равные части. Одна сторона поля, более светлая, символизирует день. На ней изображено изображение солнца — круг с расходящимися от него лучами. На другой, темной, стороне при помощи светло-зеленых лоскутов материи изображен полумесяц и звезды. Низкими словами, ковер имеет сюжетное содержание. Кроме изображения солнца и луны, на ковре, там, где день, еще изображен полукруг, подкова и огниво, а там, где ночь — дерево и два ленточных узла. Что все это обозначает, не ясно. Жаль, что в свое время художник не записал сюжетное содержание ковра.

Такие, совершенно конкретные по содержанию ковры у алтайцев встречаются редко, тогда как, например, в росписи деревянных ведерок, кожаных сосудов для жидкостей (ташауров), повествовательный сюжет изображенного мотива скорее не исключение, а совершенно обычное явление.

Очевидно, в этом факте отразилась общая генеалогия орнаментального искусства, имеющего в своей основе отражение реальной жизни. Подобно орнаменту других народов, алтайский узор выступает как лаконичное, но выразительное, образное воспроизведение реальной действительности.

Одной из интереснейших областей декоративно-прикладного искусства алтайского народа является художественная обработка металла. Декоративно оформленные металлические пластинки и бляхи прикреплялись на кожаные ремни и сумки, огнива и охотничьи ножи, при этом наибольшее внимание уделялось отделке рукояток и ножен. Кроме того, в быту были широко распространены металлические ювелирные украшения: браслеты, кольца, серьги, подвески в виде различного рода декоративных пряжек из бронзы, меди, олова и латуни.

Зарисовки Н. В. Титкова, Н. В. Шагаева, а также материалы Н. И. Капана свидетельствуют о том, что основные усилия мастеров кузнечного дела, а именно они в первую очередь занимались художественной обработкой металла, были направлены на украшение различных приспособлений для верховой езды. Орнаментированные металлические детали и накладки украшали богатую конскую упряжь: седла, подседельники, стремяна, уздечки и т. д.

Ремни уздечек соединялись железными кольцами, плетением, застегивались пряжками и украшались в местах соединения ремней бляхами и пластинками — круглыми, многоугольными или в виде многолепестковых розеток.

Наиболее распространенной техникой украшения узд, нагрудников

и потфей являлось накладывание на кожаные ремни и деревянные части седла бронзовых, медных или посеребренных пластин с нанесенным на них орнаментом. Процесс чернения металла и нанесения на него орнаментального рисунка характерен не только для алтайцев, но и для казахов, киргизов, тувинцев и других народов.

Суть его состоит в том, что поверхность железного предмета сначала покрывалась тонкой насечкой-бороздами в двух направлениях — продольном и поперечном, затем на него накладывался тонкий лист серебра. Потом предмет нагревали и легкими ударами молотка набивали на него серебро до тех пор, пока не получалось прочное соединение. Сплошную серебряную поверхность покрывали воском, который затем процарапывали по узору и погружали предмет в азотную кислоту для протравления узора в серебре. Обнажившееся в узоре железо вохромили, получая красивый и прочный черный узор на серебряном фоне. Именно в такой технике выполнены образцы узд и нагрудных блях из экспозиции областного музея.²⁰

Срезы узоров, из которых состоят орнаменты алтайских художественных изделий с серебряной насечкой, преобладают различные зигзагообразные розетки, крючки, изображения «кульди», растительные композиции, круги, точки, бегущие волны с завитками на гребешках.

Основные элементы орнамента на алтайских художественных изделиях из металла восходят к глубокой древности. Например, в искусстве горно-алтайских скифов и украшении конной упряжи, седел и других предметов распространены такие орнаментальные мотивы, как розетки, листовидные фигуры, спирали, мотив бегущих волн и т. д.²¹

Большой интерес представляют декоративные металлические пряжки «бельбуш», употреблявшиеся в качестве украшения женского костюма. При помощи ремня они пристегивались к поясу. Обычно пряжка состоит из двух частей, соединенных между собой шарниром: из верха — в виде сплошной или прорезанной пластины самых различных форм, к ним наглухо крепился ремень, и из нижнего декоративного кольца, к которому подвешивались различные украшения: бусы, раковины, кисти, пуговицы, а также маленькие кожаные кисетики (кэлта) разной формы, украшенные орнаментом. Матери-алтайки зашивали в них пупки (кин) своих детей. По «бельбушу» и числу «кин» можно было узнать, сколько у женщины детей.

Описание художественного оформления пряжек, сделанное в работе Н. И. Каплан, достаточно убедительное, но не полное. Очевидно, потому, что автор имел перед собой ограниченное число образцов и к тому же те из них, которые несли в себе явные признаки орнамента так называемого «звериного стиля». Однако образцы пряжек, зарисованных Н. В. Титковым, Г. И. Гуркиным и Н. В. Шагаевым, а также музейные экспонаты свидетельствуют о том, что мотивы орнамента на пряжках были весьма многообразны и диапазон оформления пряжек (их форма, материал, приемы художественной обработки и т. д.) был достаточно широк. Так, при изготовлении пряжек употреблялась такая техника, как чеканка, литье, штамп, ковка, инкрустация (насечка) серебром и медью.

Орнаменты же на металле включают в себя, кроме зооморфных, самые различные формы — меандр, розетки, звезды, завитки, крестообразные и растительные мотивы.

В целом коллекция алтайских декоративных пряжек (образцов в виде зарисовок, а также подлинников) достаточно обширна и многообразна. Их дальнейшее изучение может привести к интересным выводам и обобщениям.

Как и у многих в прошлом кочевых народов в дореволюционное время, в условиях патриархального хозяйствования кожа различных животных как материал для изготовления тех или иных предметов была использовалась довольно широко.

После предварительной обработки шкуры или кожи из них шили одежду и обувь, делали сбрую, посуду для хранения молочных продуктов и другие предметы хозяйственного обихода, составивших необходимую принадлежность кочевьего быта.

«В старинных кожаных изделиях кожа выделана с таким мастерством, — пишет Н. И. Каплан, — что время не оказывает на нее никакого воздействия — она тверда, как самый плотный картон, на ощупь ровная и гладкая, точно отполированная, не коробится, не мнется и всегда сохраняет однажды приданную ей форму и красивый красновато-коричневый глубокий цвет»⁷²

Наиболее оригинальным кожаным изделием алтайцев как по форме, так и по декоративному оформлению являются ташауры. По своей внешней конструкции, назначению и приемам ornamentации, выполненным чаще всего при помощи техники тиснения, ташауры напоминают киргизские кожаные фляги для кумыса⁷³.

Наше краткое обозрение основных видов декоративно-прикладного искусства алтайцев может дать лишь самые общие представления об этом сложном и важном разделе материальной и духовной культуры народа⁷⁴. Основные виды декоративно-прикладного искусства алтайского народа, состояние и перспективы его изучения — вот те проблемы, которые автор пытался в ней решить. Более глубокое и детальное изучение народного искусства, его художественных традиций, взаимосвязей и связей с подобным же искусством других народов, а также с искусством древнего населения Горного Алтая — задачи особого исследования. Для этого нужно время и главное — целеустремленные усилия по выявлению всех умельцев-мастеров, еще хранящих древние ремесла, а также собирание редких теперь образцов их творчества. В наши дни, хотя и медленно, но исчезают многие традиционные виды прикладного искусства, например, изделия из кожи, металла, дерева, бересты и т. д., исчезают в первую очередь те его виды, которые потеряли или теряют практическую значимость в быту, свое хозяйственное применение.

И пока не поздно, нужно собрать и обобщить народный опыт эстетического оформления быта, отобрать все самое ценное и жизненное, чтобы на новой основе, в новых условиях сделать декоративно-прикладное искусство составной частью общенародного искусства, чтобы все лучшее и ценное в традиционном искусстве прошлого было возрождено при сотрудничестве народных умельцев и профессиональных художников на уровне эстетических требований сегодняшнего дня.

Дашо назрела необходимость проводить планомерные полевые исследования для сбора научно-паспортизированного материала по народному искусству алтайцев. Попыткой и довольно успешной такого рода собирательской работы была упоминавшаяся здесь деятельность комплексной экспедиции Горно-Алтайского научно-исследовательского института в 1956 году, обследовавшей Улаганский район (альбом Н. В. Шагаева).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С. И. Руденко, Культура населения Горного Алтая в скифское время. АН СССР, М.-Л., 1953, стр. 272.

² М. И. Грязнов, Первый Пазырыкский курган, Л., 1950. С. И. Руденко, См. примеч. № 1. С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, АН СССР, 1951.

³ Н. И. Каплан, Очерки по народному искусству Алтая, Госиздат местной промышленности и худож. промыслов, М., 1961.

⁴ С. В. Иванов, Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в., АН СССР, М.-Л., 1954.

⁵ См. Н. И. Каплан, Указ. соч.

⁶ См. Декоративно-прикладное искусство башкир, Уфа, 1964, стр. 139—174.

⁷ Роспись деревянных изделий, в том числе и кроватей, была распространена у тувинцев (С. И. Вайнштейн, Прикладное искусство тувинцев. В сб. «20 лет

- Советской Тувы» Ученые записки, вып. XI, Кызыл, 1964, стр. 262.
- ¹ Фонд Горно-Алтайского НИИ, альбом Н. В. Шагаева, стр. 17.
- ² Там же, стр. 20.
- ³ Н. И. Каплан Указ соч., стр. 78—79.
- ⁴ Там же, стр. 78.
- ⁵ С. В. Иванов. Указ соч., стр. 607—615.
- ⁶ Т. А. Жданко. Изучение народного орнаментального искусства каракалпков. Советская этнография 1955, №4, стр. 57—69. И. В. Савицкий. Народное прикладное искусство каракалпков. Изд. «Наука», М., 1964.
- ⁷ С. И. Вайнштейн. Прикладное искусство тувинов. Сб. «20 лет Советской Тувы» Ученые записки, вып. XI, стр. 257—270.
- ⁸ Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964, стр. 139—174.
- ⁹ Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. Изд. «Наука», М., 1964, стр. 132—138.
- ¹⁰ Описывая приемы орнаментации бересты у тувинов, С. И. Вайнштейн отмечает, что ему известны лишь два способа, один, древнейший прием заключается в том, что верхний край берестяных сосудов женщины украшали узором, состоящим из повторяющихся через определенные промежутки горизонтальных вдавливаний, выполненных надкусыванием зубами. При втором способе орнамент наносится процарапыванием линий кончиком ножа. См. С. И. Вайнштейн. Прикладное искусство тувинов. Сб. «20 лет Советской Тувы» Ученые записки, вып. XI, стр. 263.
- ¹¹ Н. И. Каплан. Указ соч., стр. 74.
- ¹² Здесь и дальше будут указываться номера таблиц с образцами алтайского изобразительного фольклора из коллекции И. В. Титкова, хранящейся сейчас в фондах Горно-Алтайского областного краеведческого музея.
- ¹³ Как необычный экземпляр можно отметить уздечку из собрания музея, в которой применено сочетание нескольких сортов металла: круглые медные пластины-пальметки в комбинации с посеребренными орнаментированными пластинками.
- ¹⁴ С. И. Руденко. Горно-Алтайские находки и скифы. М.-Л., 1952, стр. 144—145.
- ¹⁵ Н. И. Каплан. Указ соч., стр. 76.
- ¹⁶ Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. Изд. «Наука», 1964, стр. 125—127.
- ¹⁷ Мы опустили в данной статье обзор таких важных видов прикладного искусства, как украшение женской одежды и узорное ткачество, развитое главным образом у северных алтайцев — кумандинцев. Интересующихся отсылаем к трудам, где эти вопросы служили темой специального исследования Л. П. Потапов. Одежда алтайцев. Сб. МАЭ, XIII. АН СССР, М.-Л., 1951, стр. 42. Ф. А. Саталев. Кумандинцы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата историч. наук. Л. Библиографического института этнографии АН СССР.

К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ АЛТАЙСКОЙ ПРОЗЫ

Алтайский народ за пятьдесят с небольшим лет прошел такой исторический путь развития, какого ранее не проходил в течение многих веков, создал высокоразвитую экономику, свою национальную культуру и литературу. У народа, бывшего прежде сплошь неграмотным, появилась своя интеллигенция: агрономы, зоотехники, инженеры, ученые, учителя, партийные работники, врачи, художники, артисты, писатели.

В 1934 году на I съезде советских писателей А. М. Горький дал наставление одному из зачинателей алтайской литературы, представителю небольшого в то время отряда алтайских писателей — П. В. Кучику: «Пиши историю своего народа».

Сегодня «историю своего народа» пишут 15 членов СП СССР и большой отряд начинающих писателей. Наряду с поэтическими произведениями появились и прозаические романы, повести, рассказы и очерки, которые пользуются популярностью не только у алтайских читателей, но и за пределами области. Это романы Л. Кокышева «Арина» и «Цветок стеной», его повесть «Дети, спустившиеся с гор»,¹ повесть старейшего алтайского писателя Ч. Чунижекова «Мундузак»,² повести Э. Палкина «Ржет жеребенок» и «Алан»,³ рассказы и повесть «Цель» А. Адарова,⁴ исторический роман Н. Шодосова «Трудные годы»,⁵ роман А. Демченко и Н. Куранакова «Крутые тропы»,⁶ повесть А. Саруевой «Человек родился для счастья»,⁷ лирическая повесть К. Телосова «Где та дорога?»,⁸ рассказы С. Суразакова,⁹ И. Кочеева,¹⁰ С. Каничина,¹¹ А. Ередеева¹² и т. д.

Некоторые из них переведены на русский и другие языки. Роман «Арина» Л. Кокышева издавался в Барнауле и Новосибирске, публиковался в журнале «Сибирские огни», переведен на тувинский и казахский языки.¹³

На русском языке изданы повесть Ч. Чунижекова «Мундузак»,¹⁴ рассказы и очерки И. Кочеева,¹⁵ С. Суразакова,¹⁶ сборник рассказов А. Адарова «Годы и люди»,¹⁷ рассказы-миниатюры К. Телосова¹⁸ и другие. Рассказы молодого прозаика С. Каничина на V Всесоюзном совещании молодых писателей в 1969 г. в Москве получили высокую оценку и были рекомендованы к изданию на русском языке.

Появление прозы, ее качественный рост были ускорены тем, что алтайская литература вобрала в себя опыт братских национальных литератур и, прежде всего, русской литературы.

Состояние современной прозы дает право делать некоторые выводы о том, в чем и как проявились главные закономерности ее становления и развития, каковы общие проблемы, которые волнуют алтайских писателей, какие художественные задачи решаются в их практике.

Вопросы развития алтайской прозы, ее отдельные проблемы получили освещение в работах ряда литературоведов: Суразакова С. С.,¹⁹ Казагачевой З. С.,²⁰ Каташа С. С., Тюхтенева Т. С., Чичинова В. И.²¹ и других.

В данной работе делается попытка проследить развитие алтайской прозы с самого ее зарождения до сегодняшних дней, рассмотреть пути расширения тематического и жанрового диапазона, показать идейно-эстетическое своеобразие ее развития, наметить основные проблемы, которые стоят перед ней. Автор, кратко остановившись на прозе 20—30-х годов, основное свое внимание обращает на современную прозу, которая весьма слабо изучена.

В литературах ранее бесписьменных и младонписьменных народов фольклор — его сюжеты, образы и вся система изобразительных средств — явился основным источником не только поэзии, но и в формировании совершенно новых жанров драмы и прозы. На первоначальном этапе становления прозы преобладающая роль принадлежала фольклорным традициям. Это обстоятельство свидетельствует о глубоко национальной почве зарождения прозы в молодых литературах.

Зачатками алтайской прозы явились сатирические и поучительные рассказы-миниатюры М. В. Мундус-Эдокова (1879—1942 гг.): «Кам»,²² «Ярлыкчи»,²³ «Пон и учитель», «Гусь и журавль», «Лиса и тетерев» и др. Они напоминают сатирические и поучительные сказки. Вот, например, один из этих рассказов: «Гусь сказал о себе: «Я самая лучшая птица, по земле кожу, в воде плаваю, в воздухе летаю, среди лунокрылых птиц нет мне равной, а посему быть мне царем крылатых». Услышав это, журавль сказал: «Глуный, ты сообрази: в воде можешь ли, как рыба, держаться? А за конем утопишься в беге или с орлом в полете сравнишься? Чем все уметь делать понемногу, не лучше ли одно дело хорошо усвоить?» («Гусь и журавль»)²⁴

Жизненные явления и характеры в рассказах Мундус-Эдокова изображались в духе произведений устного народного творчества, в них используются аллегорические образы. Приемы фольклорной типизации объясняются условными и эстетическими потребностями того времени; это первые шаги прозы у народа, прежде не обладавшего письменной литературой, но который имел богатый фольклор. Рассказы Мундус-Эдокова были написаны в 20-е годы, в период зарождения новой жизни на Алтае, когда нужно было утверждать завоевания революции, вести классовую и антирелигиозную борьбу, когда в духовной жизни народа была масса пережитков, которые держали сознание народа в тисках прошлого.

С укреплением Советской власти, с началом коллективизации жизнь выдвигает новые задачи. И проза 30-х годов, явившаяся следующим этапом в ее развитии, по своему содержанию выражает утверждение новых, социалистических начал жизни, формирование новых людей, а в художественной форме наблюдается отход от сюжетов и образов фольклора, обращение к конкретным людям и событиям. Героями произведений становятся реальные личности, в основе сюжета — факты жизни.

Очерки, рассказы, повести и главы неоконченного романа П. В. Кучника «Адыбок» свидетельствуют о социально-исторической направленности художественного отражения действительности. Как и во всей советской литературе этого периода, в произведениях Кучника присутствует документальность, фактографичность. Но, постепенно освобождаясь от них, он вплотную приблизился к созданию больших, художественно зрелых эпических полотен.

Кучник выступил писателем-новатором в области прозы. Он стремится к живописанию, к созданию совершенно новых картин, используя разговорный язык алтайцев как изобразительно-выразительное

средство. Он вводит чисто алтайские образные выражения, которые придают тексту своеобразный колорит. «Ол күндөр, турнанын канады ошкоч, боро болгон. Кыйынду жалыныч керегинде жагмырдыг булуды костог айрылбас болгон» (Те дни были серыми, как крыло журавля. Из-за мучительно трудной жизни пелена дождя затуманивала глаза. Из рассказа «Железный конь»).

При создании этой новой прозы Кучника, несомненно, учился у русских писателей. Иногда в его рассказе встречается дословный перевод (калькирование) русских идиоматических выражений, например: «Айылы жаар жүгүрөрдө, бут алдында жер барын билбей тургандый болды» (Он бежал к дому, не чувствуя под собой земли).²⁶ «Лит уулды мындый эстөр узери канатандырыл турды» (Такие слова еще больше окрыляли молодого парня).²⁶

Кучник своими прозаическими произведениями положил начало созданию алтайского литературного языка.

Если проследить за эволюцией мастерства Кучника, то мы можем увидеть, как он начинает постепенно отходить от прямолинейного изображения героев, старается глубже проникнуть в их внутренний мир, стремится к психологизации образов. Так, в рассказе «Ямы» (1939), посвященном теме коллективизации, автор прибегает к интересному приему. Сущность бывшего бая, Сюмелю Энтешкенова, проникшего в колхоз, мы познаем через его сны. Во сне он видит, как виновато входит в его дом люди, провинившиеся в чем-либо, и он велит наказывать их, видит себя великим зайсаном.²⁷

Первые очерки, рассказы Кучника явились подступами к созданию повести «Ааа Ялан» («Чертова долина», 1940). Формированию людей новой, социалистической психологии в период создания колхозов, в борьбе с классовыми прагами и пережитками прошлого (преклонением перед баем, с религиозными предрассудками и т. д.) посвящена эта повесть.

В отличие от первых рассказов Кучника здесь рисуются широкие картины жизни алтайского народа, введены разные социальные типы, автор дает верную психологическую характеристику и мотивировку поступков героев.

Но и творческой практике писателя еще значительное место занимают способы художественной типизации, идущие от народно-эпических традиций.

После первых рассказов и повестей писатель стал ощущать необходимость более глубокого отображения действительности иными средствами, особенно путем раскрытия характера героя, что реалистически и психологически углубило бы все содержание произведения. Появляется потребность создания эпических произведений о судьбе своего народа. Во многих литературах, особенно в младописьменных, эта потребность нашла выражение в обращении писателей к автобиографическим произведениям.

Свидетельством этому являются такие произведения, как «Слово арата» С. Тока и «Повесть о светлом мальчике» С. Сарыг-оола (в тувинской литературе), повесть Кожова «Айдо» (в хакасской литературе) и незаконченный роман П. Кучника «Адыжок».

В романе Кучника глубоко реалистически передана психология мальчика. У Адыжока свой мир, свое восприятие, характерное для ребенка-алтайца, близкого к природе, к миру легенд и преданий. Реальная действительность им воспринимается через знакомые образы сказок. Представляя себя таким же богатырем, как в сказках дедушки, он всюду носит с собой лук и стрелы. Он чувствовал себя не маленьким, а высоким и сильным человеком. Цветы и трава — это тоже богатыри. Забывшись, он целый день сидит в ворохе сорванных цветов и трав, устраивает «битвы» богатырей.

Во взаимоотношениях героев, особенно Адыюка и сына бая, «хосоголазого» Манзу, переданы классовые конфликты.

Роман не закончен, но уже одно обращение Кучияка к большому эпическому произведению является значительным шагом алтайской прозы. Как верно отмечает Э. С. Казагачева, П. В. Кучияк своими последними прозаическими произведениями на целую ступень поднял литературу своего народа.²⁹

В конце 50-х — начале 60-х годов в алтайской литературе появились новые повести и романы. По времени написания есть сравнительно большой разрыв между первыми прозаическими произведениями и произведениями, появившимися в 50—60-е годы. Безусловно, это можно воспринимать как внутренний процесс накопления. Продолжая ставить и решать те же проблемы — исторические судьбы народа в переломные годы, — эти произведения художественно зрело, с позиций современности дают их освещение. И вместе с тем каждая повесть или роман представляет собой следующую ступень на пути развития алтайской прозы, на пути решения ею новых идейно-эстетических задач.

Первый алтайский роман — «Арина» Л. Кокишева — появился в 1959 г. Он охватывает большой период времени: с начала гражданской и до конца Великой Отечественной войны. Правда, изображению гражданской войны и предвоенного времени отводится немного места, а основное внимание обращено на период Великой Отечественной войны.

Роман многопланов. Он поднимает большие и важные вопросы: формирование и мужание человека (через образы Арины и Одоя), тяжелый самоотверженный труд колхозников в годы войны, тема дружбы народов, нравственные проблемы (благородство, эгоизм, добро и зло, мужество и др.), проблемы воспитания детей, руководства народными массами, антирелигиозная тема.

Образ Арины, главной героини романа, дан в движении, развитии. Сначала это веселая, озорная, приметная девушка, «белолыцая, с длинными, ниже пояса, косами, с черными-пречерными глазами». Автор проводит свою героиню через ряд испытаний личного характера и таких, которые выпали на долю всей страны и всего советского народа (похищение Арины женихом, ее побег из дома нелюбимого мужа, измена и уход из семьи второго мужа, тяжелая жизнь матери-одиночки, трудные годы Великой Отечественной войны и т. д.). Все вынесла Арина с достоинством, вышла из испытаний закаленной, возмужавшей, не растеряв благородства, широты души, теплоты сердца, пройдя путь от простой труженицы до руководителя колхоза в годы войны, до человека, по-государственному решающего вопросы. Хотя образ Арины в романе намечен интересно, однако, предьявляя к нему строгие требования, можно сказать, что по мере развития он несколько теряет яркость, особенно в изображении внутреннего облика героини.

В романе создан ряд других запоминающихся образов, таких как Нахай Ногоевич Дьатпанакон, Павлов, мать и сестры Одоя, бандит Курачи Курсунов, сын Арины — Кара.

Зримо представляешь простодушного, непосредственного, малограмотного, но очень делового, энергичного Нахая Ногоевича, принявшего на свои плечи тяготы руководства колхозом в годы войны. Автор рисует его с чувством доброго юмора, показывая нам его недостатки (желание прихвастнуть, сыграть роль чуточку повыше, чем есть на самом деле). При обрисовке образов автор пользуется разнообразными приемами, а не ограничивается только авторской характеристикой (показ героя через его действия и поступки, через его отношения с другими персонажами, через индивидуализацию речи действующих лиц и т. д.).

Правда, даже в запоминающихся образах автор допускает недо-

четы и не до конца выдерживает цельность образа. Например, создавая в целом удачный образ матери Одоя, Чоргош, автор дает неоправданно резкое изменение ее облика: сначала она очень добра, по-матерински ласково относится к Арине, а в середине и в конце романа выступает как жадная, эгоистичная хранительница нажитого, потерявшая добрые чувства. Очевидно, нужно было мотивировать это изменение, показать, каким образом это могло произойти.

Нечетко обрисован и Одой, второй муж Арины, есть известная противоречивость в этом образе; некоторая незавершенность присутствует и в изображении русской женщины Евдокии Иваниовны.

Но все-таки роман привлекает своей правдивостью, реалистическим подходом к изображаемому. Оправданны, правдоподобны и отношения Арины и Одоя, и первая чистая любовь Татьяны Товаровны к Павлову, и описания быта, и картины жизни алтайского села военного времени и т. д. Есть сильные по психологической мотивированности моменты. Например, описание смерти матери Одоя или сжигание икон сыном Арины — Кара. В последнем эпизоде автор мастерски рисует детскую психологию (наивную веру Кара в существование высокого и доброго существа — бога, который может все сделать, например, дать белого коня и острую саблю, и, наконец, — прозвище: нет бога). «Крепко зажмурившись, Кара наугад ткнул в одну из икон. Ничего страшного, однако, не произошло. Чуть-чуть приоткрыв глаза, он покосился на бога; тот по-прежнему бессмысленно тарачил свои пуговицы. На соседней иконе белела голубая борода — след ножа, как на обыкновенной дожке. Ну-уу! Нечего с ним церемониться!»²⁹

Кокышев избежал в своем романе распространенного в творчестве начинающих прозаиков недостатка, когда жизнь того или иного народа или отдельного племени, улуса изображалась изолированно от жизни страны в целом, когда авторы замыкают изображаемые события в провинциальные рамки. Так, через судьбу уполномоченного из области, Павлова, бывшего ленинградского рабочего, после ранения посланного на Алтай на тыловые работы, через судьбу его жены и детей проводится живая связь далекого алтайского села с блокадным Ленинградом.

В романе есть глава, где действие переносится на фронтную линию. Она связана с образом Одоя и рассчитана, видимо, на более широкую обрисовку его. Правда, эта глава стоит особняком, кажется лишней и по силе изображения слабее, чем показ того, что известно, знакомо, прочувствовано самим автором. В этом случае может идти речь о роли личного опыта писателя при создании произведений: часто личный опыт, личное восприятие автора помогают создать наиболее правдивые и запоминающиеся картины жизни и, наоборот, отсутствие их ведет к малоубедительным зарисовкам. Все это, конечно, не исключает и других приемов работы писателя, например, исследования и творческого подхода к событиям, свидетелем и участником которых автор не является.

Вопрос о художественных достоинствах произведения, о том, как автор смог оформить и преподнести изображаемое, также является важным при рассмотрении путей развития прозы в таких молодых литературах, как алтайская, ибо это позволяет сделать вывод о том, на каком уровне эстетической зрелости находится данная литература. Даже небольшие успехи на пути овладения литературным мастерством в творчестве того или иного писателя или в отдельном произведении являются ступенью роста каждого писателя, ступенью эстетического роста данной литературы в целом.

В романе Кокышева есть пейзажные зарисовки, помогающие автору углубить, подчеркнуть душевные переживания героев, усиливающие впечатление от того или иного события или картины: «Начинающая

замирать в Дьайлу жизнь опять возобновилась, запела вместе с весенними ручейками, улыбалась лучисто, тепло вместе с ласковым солнцем.

На колхозных изгородах, на только-только начинающих оттаивать посевных полях шумят галки, кажется, что они принесли с собой какое-то веселье. Павлов, радуясь тому, что люди немного успокоились и повеселели, вместе с двумя женщинами стал обсуждать план проведения весенних работ.²⁰

Автор обладает умением одной незаметной деталью сказать о многом: «Мать, вернувшись с работы, разжигала огонь и, тонко-тонко счищая с картошки кожуру, клала в воду, подбеленную молоком, и кормила детей». «Жена Дьыртая бережно вытащила из своего кисета табак, смешанный с высушенными листьями крапивы, и закурила».

Начинающие писатели (и не только в молодых литературах, где отсутствует должный уровень мастерства и где это, очевидно, закономерный процесс, который преодолевается по мере накопления опыта) вместо изображения картин, обрисовки действий и поступков героев сами объясняют, рассказывают, вводят лишние эпизоды, детали. Блестящий образец анализа такого рода ненужных подробностей и прозе дан в повести К. Паустовского «Золотая роза», в главе «В стационарном буфете»²¹

Роман Кокышева насыщен образами и сравнениями, передающими восприятие алтайцем окружающей жизни. Например, толпа людей, устремившихся к перрону, сравнивается с рекой, зажатой в горной теснине.

Интересна и другая деталь: «Задумчиво слушали песню матери большие-большие старые лиственницы, на скале грустно стояли могучие кедры, а любопытные березы, словно желая посмотреть на покоющую келин, подняв свои сарафаны, приблизились к дороге».²² В алтайском тексте употреблено русское слово «сарафан», ибо береза — дерево, символизирующее собой истинно русское.

Роман, являясь значительным шагом вперед по сравнению с ранними рассказами в алтайской литературе, находившимися «в пеленках народного творчества», также еще не оторван от фольклора, но он является возвратом к нему в новом качестве. Здесь мы можем сказать то же, что сказал Г. И. Ломидзе о карачаевском романе «Черный сундук» Х. Аппаева: «Происходит не сбрасывание фольклорной одежды, а постепенное и сложное слияние народных традиций с новыми традициями, которые долго живут совместно. Если фольклорный способ создания характеров и обстоятельства преодолевается сравнительно быстро, то поэтический аромат фольклора не исчезает в письменной литературе и исчезнуть не может».²³

В романе нет прямой связи с фольклором, но его «аромат» очень ощутим: и в способе разрешения многих конфликтов, и в логике развития сюжетной линии, и в связи переживаний героев с состоянием внешнего мира (например, ветер, проливной дождь и переживания Павлова, получившего от сына телеграмму о гибели матери и брата; или приведенный выше отрывок, соответствующий настроению Павлова, радующегося тому, что колхоз выбрался из трудной зимы, и в песнях-частушках, передающих чувства двух молодых людей, не осмеливающихся откровенно признаться в любви (именно так, косвенно, а не прямо признаются друг другу в любви герои алтайских сказок). Фольклорные традиции чувствуются и в тексте произведения, например, некоторые предложения звучат как пословицы, поговорки, для них характерно применение аллитерации: «Казанды кангырадып, кбнйктрди калырадып, суу бедреди»).

«Аромат» фольклора ощутимо присутствует и в других произведениях, которые будут рассмотрены ниже.

Как мы уже сказали выше, стремление национальных писателей создать эпические произведения выразилось в обращении к жанру автобиографических произведений или произведений с элементами автобиографичности.

Современник П. В. Кучияка, один из непосредственных участников строительства новой жизни, Чушижков Ч. А. раскрывает в своей автобиографической повести «Мундузак» те же темы, что и Кучияк: дореволюционная жизнь алтайцев, гражданская война и первые годы Советской власти в Горном Алтае.

Главный герой — Мундузак Бектенов — проходит путь, обычный для такого типа героев во многих литературах: жизнь до революции, борьба с баями и их приспешниками, тяга к знаниям, участие в гражданской войне и строительстве новой жизни.

Писателем нарисованы правдивые картины быта алтайцев до революции: сборы на охоту, камлание, сватовство, той и т. д. Выведены образы эксплуататоров (баев Мыклай, Баабыла, кама, чиновников), показывается, как они безжалостно угнетают людей, используют их наивность и доверчивость. В главе «Кам» говорится, как шаман обманом уводит хорошего коня у отца Мундузака, а в главе «Помочь» разоблачается жидный бай Мыклай, заставляющий бедняков бесплатно работать на него.

На протяжении всей повести инициатором борьбы с ними выступает смелый и решительный Мундузак, который раскрывает людям глаза на скрытые пружины действий эксплуататоров. Правдивым является образ отца Мундузака, Анчибая, человека, тинущегося к свету, к новому (он первым построил себе деревянный дом, отправляет сына учиться, старается понять его стремления и сам становится активным строителем новой жизни).

Запоминается образ вероломного Баслея. С детства соперничал Баслей с Мундузаком: кто быстрее бегает, кто сильнее, кто лучше читает и считает. И вот первое предательство: он рассказал людям, что Мундузак на бересте нарисовал карикатуры на зайсана Мыклай, шамана Сашыра. Позже он предает русского большевика Михаила Козлова, который доверился ему и Мундузаку. Став белогвардейцем, он едва не расстрелял Мундузака.

Так, автор уже в самом начале повести намечает в облике Баслея ту главную черту этого героя, которая потом развивается и становится определяющей в его характере и в конечном счете приводит его к бесславному концу.

В образе Мундузака заключена основная идея повести. Он, вступая в борьбу с баями и камами, участвуя в установлении Советской власти, проходит путь от рядового человека до партийного работника. Но надо сказать, что юноша Мундузак уж очень не по годам умен и рассудителен в своих действиях и поступках, слишком прямолинейно действует он по воле автора.

С образом Михаила Козлова связана главная тема повести — тема революции. Именно он первым разъясняет Мундузаку, что такое революция, кто такие красные и белые, и что ему, Мундузаку, нужно делать в этой обстановке. Через образы Михаила Козлова и Ивана Ивановича Арыкова раскрывается тема дружбы русского и алтайского народов, благотворного влияния этой дружбы на алтайцев.

Автор показывает и преодоление вредных законов, обычаев, привычек, живших в народе веками. Так, мастерски обрисованы взаимоотношения Мундузака и Тойчи. Здесь сокровенные мысли самого автора выдвинулись в лирическое отступление, где он горько размышляет, что «обычай, а не любовь создавали семьи», когда люди сходились, не познав чувства любви, и когда вместо любви приходила привычка друг к другу: «Что знали Сыргаш и Анчибай о них, молодых? Не вмешайся

они так грубо, не поступи так бесцеремонно, — кто знает, может быть, Мундузак и Тойчи сами нашли бы друг друга. Да разве бывало когда-нибудь так? Разве самих Сыргаш с Анчибаем не свели когда-то в аиле Бектена — девочку и мальчишку, впервые узнавших друг о друге лишь после сговора родителей?»³⁴

Нелегко преодолевалась сила обычаев и привычек, веками казавшихся неизбежными, раз и навсегда утвердившимися. Мундузак решительно выступает против насилования чувств и не предпринимает попытки вернуть Тойчи, когда та уходит от него. Вслед за ним и отец Анчибай понимает, что нельзя так делать, и убеждает в этом Сыргаш, настоящую виновницу сломанной жизни молодых.

В повести, показывающей такие важные этапы не только в жизни алтайского народа, но и вообще переломные годы в жизни страны в целом, нет развернутых картин классовой борьбы, отсутствуют глубоко мотивированные социальные конфликты. Зачастую борьба с баем проходит лишь посредством слова, грубости. Показ роста и усиления колхоза в повести Чунижекова ограничивается такими словами: «колхоз «Накал Ленина» вошел в число богатых колхозов аймака: выросло поголовье скота, умножились доходы: колхоз обзавелся сенокосилкой, жаткой»³⁵

У старейшего писателя, автора большого количества стихов и замечательной поэмы «Тууди», посвященной народному сказителю Н. У. Улагашеву, очерков, рассказов, это — первое крупное прозаическое произведение. Недостатками литературного мастерства, очевидно, объясняются «скороговорка в описовке отдельных характеров, отсутствие глубоких социальных обобщений»³⁶. Все эти недостатки особенно наглядно бросаются в глаза при сравнении повести, например, с романом якутского писателя Н. Мординова «Весенняя пора», который раскрывает эти же темы и который приюдит своего главного героя, Никиту Ляглярниа, через эти же этапы, но где автор поднимает глубинные пласты жизни якутов, классовая борьба, революция, гражданская война, преодоление вредных пережитков показаны во всей их сложности, во всех их хитросплетениях.

Спокойно, просто ведет писатель Чунижеков повествование о судьбах своих героев. Но часто в повести встречаются целые отрывки, характеризующиеся наличием кратких рубленых фраз, однообразным построением предложений, заканчивающихся глаголами одной формы. Это создает впечатление монотонного, однообразного звучания текста: «Мундузак аттарды, уйларды ла торбокторды кунуй сайын ого (кара сууга — Р. П.) экелип, сугарып туратан. Кажаганинг ичин арчып, малга эртен энгир длог берип азырайтан. Таадазыла эку одын томурып, оны жарала, турага тажып, темир печениг кийининде кулаштан койотон. Энези сокыда талкан-кучо соккондо, ого болужып, сокы согужып туратан»³⁶

Очень часто встречаются в повести фразы, стилизованные под произведения устного народного творчества: «Ээк кара сагалы эмчегине Jede берген, жаак кара сагалы жарын бойын ажа берген Шагмак жайзан кара-кер жорголу турген јелип келди». — «На вороном иноходе подъяехал зайсан Шанмак. Черная борода его достигала груди, а на щеках — переваливала за плечи».

Встречаются в повести пословицы и поговорки: «Баканыг базыдын коруп турала, јелижин не сураар?» («Зная, как ходит лягушка, нечего спрашивать, как она бегаёт»); «Кезем айдары озо болор, кемзинери кийининде болор» («Сначала нагрубит, а потом извиняется»).

И стилизация под фольклор, и употребление пословиц, поговорок, сравнений отвечают духу произведения, изображающему прошлое алтайского народа, оживляют незамысловатое повествование автора и придают повести национальный колорит.

Повесть Ч. Чунижского «Мундузак» представляет одну из заметных ступеней в развитии алтайской прозы.

Мы видим, что писатели своим творчеством отвечают на требования жизни, что их произведения соответствуют духу своего времени. Кучняк запечатлел первые шаги Советской власти в Горном Алтае, формирование социалистических начал жизни, нового типа людей. Этой задаче отвечало идейно-эстетическое своеобразие его творчества (выбор тем, принципы раскрытия образов, художественное оформление произведения). Кокышев же в романе «Арина», отталкиваясь от той же действительности, что и Кучняк, стремился расширить диапазон событий во времени и пространстве. Он первым в алтайской литературе эстетически закрепил тему Великой Отечественной войны.

Писатели, создавая произведения, исходят не только из личного опыта и из личных впечатлений и переживаний, они широко исследуют жизнь многих и разных людей. Отход от автобиографического мы видим уже в романе «Арина». В основу романа, несомненно, легло лично пережитое автором, но это произведение с элементами автобиографичности написано на таком уровне обобщения, типизирования, который не позволяет связывать изображаемых героев, их судьбы только с судьбой и личностью самого автора.

Стремление показать сложный мир героя, утверждающийся через юности, сомнения, через борьбу противоречий, мы видим в повестях «Ржет жеребенок» (1962) и «Алли» (1966) Э. Палкина.

Они охватывают большой промежуток времени — послевоенные 40—50-е годы. Поднимаются и решаются темы мужания и духовного роста человека в период послевоенного строительства, творческого руководства народными массами, нравственные проблемы.

Через обе повести проходит тема войны, бед, которые она принесла людям и которые ощущаются ими до сих пор. Это и голод, нехватка одежды, большая усталость; это люди, которые не вернулись домой; это драматичная судьба Тарына, вернувшегося домой в шапке без красной звездочки (он отсидел в тюрьме за то, что был в плену); это трагичная судьба Экчебея, умершего после операции по удалению осколка, и неудавшаяся жизнь Шуры, иррациональной Экчебею; это морщины и седые волосы женщины, не дождавшихся сыновей, мужей, братьев, отцов.

Автор дал запоминающиеся картины трудностей послевоенного времени. Выбитый Чуйский тракт, который стал таким за годы войны. Очень запоминается картина, в которой главная героиня повестей, Шине, собирает зерна ячменя на порож мышей; или другой эпизод: Экче, мать Шине, «кормит» своих детей одним чаем; в чашке на дне прилеплен талкан,³⁷ дети стараются как можно быстрее добраться до него, а мать снова наливает чай, пока дети не наполнят желудки.

Автор стремится правдиво, широко показать жизнь алтайской деревни: быт, обычаи, нравы, иногда даже уделяет этому слишком много внимания.

Долгий, сложный путь в борьбе с самим собой, с раздумьями о своей судьбе и судьбе других проходит Алан Токтубаев, прежде чем найдет себя, прежде чем он станет деловым, целеустремленным, крепким человеком. Мы видим, как он познает людей, жизнь через столкновение с разными людьми (Тантыбаровым, Качаа Кертековым, Багыром Темдоновым, Учуралом Адыдьоковым, стариком Дьумуром). Сначала это просто честный и справедливый парень, который после возвращения с фронта стремится не терять времени даром: трудится вместе с колхозниками, иногда схватывается с Тантыбаровым и Качаа Кертековым, выступая против их наскоков на людей. Ряд взлетов, падений характеризует путь Алана к возмужанию. Зрелого, настоящего Алана-руководителя мы видим на заготовке леса: он деловит, практичен, люди

видят в нем своего вожака. Выразителен эпизод собрания, которое проводит Алан. Много недостатков, неполадок в работе заготовителей леса из колхоза «Кызыл Чолмон», на которые указывает Алан. Это собрание как-то сблизило людей, хоть и сказано было много обидных и недобрых слов: «Правильно и вовремя сказанное слово схоже со стуком в дверь: будит дремлющие силы, поднимает надежды, и подобно тому, как стук, заставляя откликнуться, помогает открыть дверь, оно распахивает души людей».³⁴

В этом Алане мы уже видим того, каким он стал в конце повести: уверенного в себе председателя одного из самых богатых колхозов области, который тюрчески, по-государственному решает важные для деревни вопросы. Так, он выступает против того, что, не учитывая местных нужд и потребностей, было решено сократить масштабы коневодства, уменьшить посев ячменя, он резко отрицательно относится к формальному выполнению постановлений партии и правительства без учета конкретных местных условий. Он уверен, что колхоз, которым он руководит, рано еще переводить в совхоз, нужно дать прежде развиться его возможностям. В конце повести он терпит поражение, но мы не чувствуем, что он побежден, он и дальше будет бороться и будет по-прежнему передовым человеком.

Хотя этот образ и задуман в плане медленного, постепенного формирования и мужания, на наш взгляд, Алан уж слишком много и подолгу размышляет, особенно в первой повести, в какой-то степени не хватает ему действительности.

Есть и другие удачные, запоминающиеся образы. Например, образ сурового, замкнутого, но сильного и мужественного человека, внешне очень спокойного старика — табушика Дьумура. Он сам передает своего сына-дезертира в руки милиции и, одинокий, умирает, не получив от сына при жизни ни тепла, ни любви.

Через образы Тантыбарова, Учурала Адыдьокова и Алана Токтубаева решается в повестях проблема руководства народными массами.

Тантыбаров действует окриком, запугиванием людей, требует беспрекословного подчинения его воле, его указаниям. В годы войны на колхоз он смотрел как на свою родину. Учурал мягок, рассудителен, внимателен к людям, деловит и практичен. Он много сделал для роста колхоза, будучи партторгом, а затем председателем колхоза. Но он оказался нетворческим руководителем, лишь точно выполняющим инструкции свыше. Именно Учурал настаивает на переводе колхоза «Кызыл Чолмон» в совхоз. Он не прислушивается к доводам Алана, за которого большинство народа, а настаивает, ибо нужно выполнять решения аймакисполкома. Настоящим же руководителем является Алан, который, хоть и допускает ошибки, срывы, но в главном верно понимает нужды людей, нужды деревни.

Достоинством повестей является интересное решение выдвинутых проблем, в том числе темы любви. Алан не сразу замечает Шине, ему нравится другая девушка — Шура. Но из разговора с матерью Шине Алан узнает, что на ней, старшей дочери, держится вся семья, что она заботится о том, чтоб младшие братья и сестренки хорошо учились и стали настоящими людьми. Мать гордится тем, что ее дочь — труженица, в то время как мать Шуры гордится, что у ее дочери есть что надеть, есть что дать ей в приданое. Алану становятся понятными и задумчивость Шине, и как она внимательно слушала рассказы о войне, и как она молча сидела в бричке, прижав к себе мешочек с кандыком,³⁵ который везла с поля для своих голодных братьев и сестренки.

Шине живо реагирует на окружающую жизнь, умеет мыслить и действовать по-деловому. Она достойный друг и товарищ по работе и нежная подруга.

Обе повести очень лиричны. Лиризм достигается за счет постоянного присутствия самого автора, его рассуждений, раздумий, оценок, которые он высказывает через мысли или речь героев или в своих лирических отступлениях; оценку, раздумья автора мы чувствуем и в эмоционально окрашенных словах и т. д.

Писатель показал слияние человека с родной природой. Так, описание лесных шорохов, звуков в тайге созвучно переживаниям, настроению Алана (глава «Кайру»). Автор с большой любовью описывает лето, богатое солнцем, травой, изобилием.¹⁰ Любовь к земле, природе, людям, родине пронизывает все произведение.

Крупным недостатком повестей Палкина является отсутствие композиционной стройности. Если бы в этом отношении повести были строго продуманы, то они от этого только бы выиграли. Много лишних, ненужных эпизодов, есть длинноты, сюжетные повторы. Слишком много героев, а это мешает целостному восприятию повестей. А некоторые образы остались нераскрытыми. Часто действие заменяется словами типа «они тогда много говорили», «он много думал» (особенно это характерно для первой повести — «Ржет жеребенок») или употребляются слова с эмоциональной окраской «кжкж» («оживился, разошелся»), «кыгырып» (закричал), которые не заменяют собой картины. После того, как дается диалог, где выносятся характер матери Шуры, автор длет ей еще свою характеристику, хотя читателю уже ясен этот образ.

В произведениях Палкина присутствует юмор, но он иногда бывает самоцелью. Таковы, например, образы Эмдик-Содона и Дьобош-Содона.

Если в повестях Э. Палкина поднимается тема первых послевоенных лет, выдвигаются и решаются вопросы современности, то повесть А. Адарова «Цель» целиком посвящена современной алтайской деревне.

Конечно, писать о современности трудно: надо уловить главное, дух времени, синтезировать наиболее существенные черты современника, выявить глубинные процессы жизни. Есть опасность, не уловив существенных сторон текущей жизни, написать произведение-однодневку. Но примеры произведений на темы современности говорят о том, что авторы справились со своей задачей. Есть удачное: выбор действительно актуальных проблем; выявление и выражение существенных качеств современника, его духовного облика.

Повесть А. Адарова «Цель» поднимает такие важные для алтайской деревни вопросы, как борьба героя-современника за преобразование природы Горного Алтая, расширение полевых работ в крае, где было развито преимущественно животноводство. В повести изображается борьба нового со старым (в быту, в сознании), присутствуют извечные темы — нравственные проблемы, любовь.

В центре повести — образ агронома Карчаги Кергилова, принципиального, умного работника, шагающего в ногу со временем. Он стоит за то, чтоб в совхозе обращали внимание не только на животноводство, но и на посев зерновых культур, в частности, кукурузы. Ему приходится вести борьбу с управляющим Токноевым, который не верит в пользу полевых работ. В конце концов Кергилов вместе со своей помощницей Эркей добивается своей цели.

В произведении поставлена и тема борьбы с суевериями, религиозными предрассудками (через образы кама Дьебеченова, «ясновидящей» Айбычи). Этот вопрос, актуальный в алтайской литературе, важен разоблачением шарлатанской деятельности камов, различного рода «предсказателей» и просто проходимцев, использующих невежество некоторой части населения в своих корыстных целях.

Достижением автора является образ Чамы Тогусова, человека, нечистого на руку, вора, накопителя-стяжателя, который всю жизнь прожил двойной жизнью. С давних пор он научился запускать свою

руку в общественное добро и вместе с кладовщиком Кодьочи свои махинации проделывает и сейчас. В совхозе же он считается передовиком. Но всегда выполняет только такую работу, которая хорошо оплачивается. Автор глубоко проник в психику и внутренний мир такого типа людей.

Из отдельных эпизодов, убедительно показывающих жадность, коварство, злобность, эгоизм этого героя, возникает образ человека с темным прошлым, способного и на самый тяжелый проступок — убийство человека (из-за него умер Арчин, находится при смерти жена Дьанар). Композиционно образ построен интересно: герой раскрывается постепенно, через его воспоминания, самоанализ, когда он остается наедине с самим собой и, следовательно, может быть до конца откровенным.

В современной алтайской прозе мы видим образцы перехода от плоскостного изображения героев к объемному, к раскрытию «диалектики души человека». ⁴¹ Это, к примеру, образы Нахая Ногоевича Дьатпанакоева (роман «Арина» Кожышева), старика Дьумура (из повестей Э. Палкина), Чамы Тогусова (повесть «Цель» А. Адарова), бабушки Дьинды (повесть «Где та дорога?» К. Телдсова).

Однако задача объемной обрисовки героев все еще является злободневной задачей алтайских писателей.

В этой же повести «Цель» А. Адарова нравственные позиции одного из главных героев — управляющего Токпоева — нечетко очерчены, хотя понятно, что это в целом положительный образ.

Запоминаются образы передовых чабянов Октя, Дьолдоша, помощницы Карчаги Кергилова — Эркей и товарища Чамы Тогусова по темным делам — Кодьочи.

Для повести характерен ряд недостатков, преодоление которых важно для развития алтайской прозы. Прежде всего, это некоторая рационалистичность в повествовании, когда намерения автора недостаточно художественно ярко переплавились в объемные образы, картины, действия: все на месте, все правильно (и передовой герой, и конфликт, и любовь), но нет подспудной главной мысли автора, когда все эти темы, вопросы, поднятые в книге, выражая главное, подспудное, представляют собой многоцветье единого.

В повести обращают на себя внимание недостатки в построении диалогов. Они очень «правильные, последовательные, вытянутые в ниточку и в струнку», ⁴² и некоторые из них безболезненно могут быть опущены. Для иллюстрации возьмем такой отрывок:

— Бу мыны (аракыны — Р. П.) кайдаг алдыг? Лакпада жок эмес бе ди?

— Оны сеге айдарга ярабас — деп, Токпоев жаан бажын алдында турган айагынаг кодурбей, унчукты. — Луукта јесним айылдап јурген, оной арткан.

— Кайдаг?

— Улаганнаг. ⁴³ (— «Откуда же ты взял это (водку)? Вель, кажется, в лавке нет ее?» — «Это я тебе не скажу, — ответил Токпоев, не поднимая своей большой головы от стоящей перед ним чашки. — Недавно приезжал племянник, от него осталась» — «Откуда?» — «Из Улагана»).

Последние две фразы не являются необходимыми в диалоге, да и вообще несь сам этот диалог, если смотреть по содержанию, не представляет из себя детали, без которой в данном случае не обойтись. Даже, наоборот, он является лишним.

В произведении встречается неоправданное употребление русских калек, не вяжущихся с психологией и характером изображаемых героев-алтайцев: «моко кокурлар» ⁴⁴ («тупые остроты»), «соок тоолор» ⁴⁵ («холодные цифры»), «ады база нокор» ⁴⁶ («а еще называется друг»), «бисти амырыска артырып салзан» ⁴⁷ («оставь нас в покое») и др.

Некоторые места рассчитаны на занимательность. Например, повествование о Самыре

Мы до сих пор говорили о произведениях на современные темы, отражающие жизнь алтайского народа в советский период. Но каждый народ (в том числе и малые народы) в своем развитии приходит к тому моменту, когда появляется потребность взглянуть на свое историческое прошлое. Эта потребность осмысления исторической роли своего народа на фоне истории других народов является существенным признаком патриотизма и роста данного народа.

Именно поэтому появляются рассказы С. Суразакова «Кайчы» («Сказитель»), «Койгдой мылтык» («Ружье без нареза», 1967), небольшая повесть «Урбизек» и роман «Трудные годы» (1967) И. Шодоева, которые пользуются большой популярностью у читателей.

Обращение к исторической теме — это уже результат достижения алтайской литературой определенного уровня эстетической зрелости, наличия возможностей создавать произведения, в основе которых лежат не только личные впечатления автора, а есть известная доля абстрагирования, художественного вымысла, свидетельство наличия в алтайской литературе возможностей художественно представить далекое прошлое.

Роман «Трудные годы» переносит нас в XVIII век, век смуты и борьбы алтайских племен с поработителями. Показывается непрестанная борьба за престол в Джунгарии, героическая самооборона алтайцев от китайских и монгольских завоевателей, появление классовой самосознания бедняков. Так, например, бедняк Культе рассуждает о том, что набег, грабежи, насилия выгодны лишь баям, а простые люди страдают от них. Роман заканчивается событиями присоединения Горного Алтая к России.

Автор сумел передать дыхание той эпохи, обрисовать образы реально существовавших людей. Всего этого он достигает верной передачей действительных событий того времени, обрисовкой тогдашнего быта, одежды, использованием архаизмов, деталей исторического характера (поклоны, клятвенно-присяжные лизанием сабля, опускание головы в знак покорности и т. д.), эпитетов, дающих соответствующее настроение (кай-жерен ат — кроваво-красный конь, кызил-буурна — красно-чалый и т. д.); деталей, характеризующих быт тюркских народов (кун чылбыр кирелу джедп чыгып келерде — когда солнце поднялось на расстояние чамбура; тангы тартым кире ойдинг туркунына — не успеешь выкурить трубку, как...).

Для показа далекого прошлого, для создания колорита той эпохи автор использует романтизированный стиль легендарных и сказочных мотивов. Эдьек рассказывает Карчаге, помышляющему о бегстве из поволи, о том, какими бывають аргамаки — дикие скакуны, богатырские кони: точно так же, как в сказках, земля содрогается, когда скачет аргамак — конь Карчаги. Особенно выразителен момент предзнаменования: ойротский хан Галдан-Церен принял решение идти походом против русских. Выйдя на улицу, он видит красное солнце. Это воспринимается как плохое предзнаменование последовавших затем кровавых и трагических событий в Джунгарии. Строй предложений в речи героев так же стилизован под речь персонажей произведений устного народного творчества, он помогает представить тогдашний быт, обычаи, нравы: «Мыслители — поразмышляйте, умные — подумайте, а предсказатели — предсказывайте».⁴⁶

Выведены цельные, запоминающиеся образы: Амыр-Саны, одного из западномонгольских князей, претендентов на джунгарский престол; рисуется его неустыжная борьба за власть; образ Туукья-богатыря, защитника алтайцев от иноземных поработителей, и его молодого сподвижника Карчаги. Эти образы показаны в действии, как борцы и защитники алтайцев, но их личная жизнь глубоко не раскрывается.

Яркими и запоминающимися являются образы Улаи-Баяр, дочери Галдана-Церена, не побоявшейся вступить в борьбу со сводным братом — ламой Дарчи, убившим ее двух братьев, и молодого богатыря Чече. Секрет их яркости в том, что они обрисованы не просто фактографически как исторические личности, а как поэтические образы, с художественным отбором и вымыслом. Мы хорошо чувствуем их человеческую душу. Выписаны они с подлинным мастерством.

Основной недостаток романа — это все же излишнее увлечение фактографической стороной, иногда недостаточная художественная обработка и преподнесение материала, отсюда и впечатление от отдельных глав как исторического материала, изложенного не всегда художественно. Это частично имеет место и в обрисовке образов; иногда присутствует сухое перечисление событий (например, о битве Бычиша и Амыр-Саны). Поэтому более выразительно получились главы, в которых исторические факты слились с творческим вымыслом. Такова глава «Тарык» о судьбе жены и сына Тарика, попавших в неволю.

Первые главы логически связаны, вытекают одна из другой, последние же создают впечатление отрывочности, неразисерпнутости.

Таким образом, в литературе Горного Алтая идет процесс расширения тематического и жанрового диапазона прозы, процесс роста художественного мастерства писателей. В настоящее время алтайские писатели работают и над малыми жанрами прозы, но уже в новом качестве. Мы видим кропотливую работу писателей над словом, композицией, усилением психологизма, идет процесс накопления мастерства. В доказательство можно сослаться на творчество молодого алтайского прозаика К. Телесова. Его произведения вносят довольно ощутимую струю лирического повествования в алтайскую литературу. В его небольшой повести «Где та дорога?» повествование ведется от имени автора, занимательного рассказчика, который легко и свободно переходит одно обстоятельство на другое. Но эта кажущаяся легкость, занимательность — только внешняя сторона повести. В действительности же писатель глубоко и тонко анализирует о военном времени, о тяготах, выпавших на долю советских людей. В центре произведения — судьба Дьянтык-Курта. Это чистый, жизнерадостный, живой мальчик. «Ни упрямства, ни злобы, ни лжи в его чистых пречистых глазах». У него трудное детство: умерла мать, отец на фронте; бабушка, жалея его, скрывает от него смерть матери. Автор с большим мастерством передает тоску мальчика по матери, как он ждет ее; все предметы напоминают ему запах и тепло материнской руки, даже игры он связывает с воспоминаниями о матери. «Дьянтык-Курт считал: картошка не расцвела потому, что мать не вернулась, без нее в углу без дела лежит коса. Вот увидите, вернется мама завтра-послезавтра — все оживет».⁴⁹

Обаятелен образ бабушки Дьянды, много пережившей женщины с большим, добрым сердцем, чуткого человека.

Автор очень трогательно описывает, как она обводит на бумаге руку соседской девочки, ровесницы Дьянтык-Курта, и, выдав рисунок за руку внука, которого с ней уже нет, отправляет сыну на фронт. Она просит соседского мальчика написать от имени невестки, которой уже нет в живых, письмо сыну. Невестка не умела сама писать и поэтому ни разу не могла передать мужу то, что у ней было на душе. Дьянды диктует мальчику такие слова, которые на самом деле могла бы сказать мужу молодая женщина.

Взволнованный голос автора нет-нет да и прорвется в непосредственное обращение к читателю. Повесть при незначительном охвате событий и времени, при малочисленности героев до предела идейно насыщена, вызывает у многих читателей ассоциации лично пережитого, прочувствованного в войну.

Просто, доступно, из таких, казалось бы, обыденных вещей писатель раскрывает смысл вечности жизни, преобладания поколений, делится раздумьями о жизненных дорогах, о том, что такое родина.

В этой статье мы рассмотрели наиболее значительные произведения, каждое из которых представляет собой какую-то новую ступень в развитии алтайской прозы. Но очень многие прозаические произведения остались вне анализа. Это рассказы и очерки А. Саруевой, Ч. Чунижекова, С. Суразакова, И. Кочеева, А. Адарова, К. Телесова, С. Каничина, А. Ередеева и других.

Это рассказы о росте нового человека, дружбе народов, нафосе труда, нравственных проблемах. Но несмотря на достижения в создании рассказов (тематическое разнообразие, стремление к углубленному показу душевного мира героев, поиски новых форм изображения действительности, работа над выразительностью, лаконичностью языка, стройностью композиции) много и нерешенных проблем: вопросы мастерства создания характеров, повышение профессиональной культуры писателя. Недостатки в раскрытии тем, отмеченные Хадаханэ М. А. в тувинском рассказе: «Надуманность и упрощенность конфликтов, примозливая элементарность переживаний героев, отсутствие глубинного философского поиска»,¹⁰ — характерны и для алтайского рассказа.

Помимо рассказов создаются и очерки. Они главным образом о людях, самоотверженно трудящихся на благо родины, раскрываются высокие нравственные качества, типичные для советского человека. Рассказ и очерк «становятся звеньями общей литературной цепи», они вносят свою лепту в становление и развитие большой алтайской прозы.

Даже такой беглый обзор пути становления алтайской прозы позволяет сделать вывод о том, насколько обогатилась алтайская литература, насколько она окрепла. Осмысление недостатков, ошибок, рост мастерства писателей являются залогом появления новых ярких талантливых книг.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Кокышев Л. Арна, Горно-Алтайск, 1959,
он же, Чблэдрдин чечеги, Горно-Алтайск, 1968,
он же, Повесть ле куучиндар, Горно-Алтайск, 1962,
он же, Туулардин уулы, Горно-Алтайск, 1966.
- ² Чунижеков Ч. Мундузак, 1962.
- ³ Палкин Э. Кулуи киштейт, Горно-Алтайск, 1962,
он же, Алан, Горно-Алтайск, 1966.
- ⁴ Адаров А. Бурылгана, Горно-Алтайск, 1960,
он же, Тундети жылдыстар, Горно-Алтайск, 1961,
он же, Амаду, Горно-Алтайск, 1964.
- ⁵ Шодоев И. В. Кыраланду жылдар, Горно-Алтайск, 1967.
- ⁶ Демченко А., Куранаков И. Кайыр жолдор, Горно-Алтайск, 1968.
- ⁷ Саруева А. Кижи ырыска туулган, Горно-Алтайск, 1967.
- ⁸ Телесов К. Кайда ол жол?, Горно-Алтайск, 1967.
- ⁹ Суразаков С. Улгерлер ле куучиндар, Горно-Алтайск, 1954,
он же, Куучиндар, Горно-Алтайск, 1960,
он же, Кайчы, Горно-Алтайск, 1967.
- ¹⁰ Кочеев И. Чедирген, Горно-Алтайск, 1962,
он же, Мөштөр шуулайт, Горно-Алтайск, 1965,
он же, Пиймалу куштар, Горно-Алтайск, 1966.
- ¹¹ Каничин С. Жангыс жердин улузы, Горно-Алтайск, 1969,
он же, Деремне, Горно-Алтайск, 1970.
- ¹² Ередеев А. Ады жок чечектер, Горно-Алтайск, 1968,
он же, Чагкыр телекей, Горно-Алтайск, 1969.
- ¹³ Кокышев Л. Арна, Барнаул, Горно-Алтайск, 1967,
он же, Арна, ж. «Сибирские огни», №№ 6—7, 1966.
- ¹⁴ Чунижеков Ч. Мундузак, Барнаул, 1964.
- ¹⁵ Кочеев И. Охотник Адучи, книга «Тебе, Родина», Барнаул, 1950, стр. 111. Он же. Птица в валенках, альманах «Золотые искорки», 7 выпуск, Новосибирск, 1958.
- ¹⁶ Суразаков С. Охотник Терпон, «Звезда Алтая», 1970, 20 февраля.
- ¹⁷ Адаров А. Годы и люди, Горно-Алтайск, 1962.

- ¹⁰ Ж. «Дружба народов», 1968, № 5, стр. 8.
- ¹¹ Суразаков С. С. Алтай литература, Горно-Алтайск, 1962.
- ¹² он же. П. В. Кучник, Горно-Алтайск, 1957.
- ¹³ Казагачева З. С. Рождение алтайской письменной литературы. Диссертация, 1967.
- ¹⁴ См. «Очерки по истории алтайской литературы», Горно-Алтайск, 1969.
- ¹⁵ Кам — шаман.
- ¹⁶ Ярмичи — проповедник антинародной религиозной секты бурханистов, возникшей на Алтае в начале XX в.
- ¹⁷ См. книги для чтения «Оборот школы» 1924 и «Тан чолмои», 1925.
- ¹⁸ Кучник П. В. Талдап алтаи произведенийелер, Горно-Алтайск, 1953, стр. 106.
- ¹⁹ Там же, стр. 105.
- ²⁰ Там же, стр. 111.
- ²¹ Казагачева З. С. Рождение алтайской письменной литературы. Диссертация, 1967.
- ²² Кокышев Л. Арина (авторизованный перевод А. Китайника), Барнаул, 1967, стр. 100.
- ²³ Кокышев Л. Арина, Горно-Алтайск, 1959, стр. 138.
- ²⁴ Паустовский К. Избранная проза, М., 1965.
- ²⁵ Кокышев Л. Арина, Горно-Алтайск, 1959, стр. 112.
- ²⁶ Г. Ломидзе ст. Чудесный слав, ж. «Дружба народов», 1964, № 4, стр. 245.
- ²⁷ Чуиников Ч. А. Мундузак (авторизованный перевод А. Китайника), Барнаул, 1964, стр. 89.
- ²⁸ Очерки истории алтайской литературы, Горно-Алтайск, 1969, стр. 116, 118.
- ²⁹ Чуиников Ч. А. Мундузак, Горно-Алтайск, 1962.
- ³⁰ Талкан — мука крупного помола из жареного ячменя или пшеницы.
- ³¹ Палин Э. Алан, Горно-Алтайск, 1966, стр. 102.
(подстрочный перевод мой — Р. П.).
- ³² Кандык — следобное растение.
- ³³ Очерки по истории алтайской литературы, Горно-Алтайск, 1969, стр. 122.
- ³⁴ Ж. «Вопросы литературы», 1970, № 5, стр. 13 (статья «Против антикоммунизма в литературоведении и эстетике»).
- ³⁵ «Лев Толстой и В. С. Стасов», Переписка 1878—1906 гг., Ленинград, 1929.
- ³⁶ А. Адаров, Амаду, Горно-Алтайск, 1964, стр. 61.
- ³⁷ Там же, стр. 25.
- ³⁸ Там же, стр. 210.
- ³⁹ Там же, стр. 116.
- ⁴⁰ Там же, стр. 214.
- ⁴¹ Шодоев И. Кызаланду ылдар, Горно-Алтайск, 1967, стр. 33.
- ⁴² Телёсов К. Кайда ол жоа?, Горно-Алтайск, 1968, стр. 17.
- ⁴³ Хиддахан М. «Становление тувинской прозы, автореферат, Москва, 1966, стр. 9.

РИФМА В АЛТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

РИФМА В АЛТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Алтайская поэзия с точки зрения ее художественных форм остается еще неразработанной областью алтайского литературоведения. Но некоторые формальные стороны устной поэзии алтайцев были освещены в трудах дореволюционных и советских исследователей алтайского фольклора. Так, например, первый собиратель и исследователь алтайского фольклора В. В. Радлов посвятил стихосложению алтайской народной поэзии специальную статью.¹ Некоторые замечания по структуре алтайских народных песен имеются в статье В. И. Вербицкого «Песни» в книге «Алтайские инородцы».² Значительный вклад в изучение стихосложения устного поэтического творчества алтайцев внес польский тюрколог Тадеуш Ковальский.³ В советское время ряд вопросов поэтики и стиха освещался в работах И. К. Дмитриева,⁴ Н. А. Баскакова,⁵ С. С. Суразакова⁶ и др. Однако специальной работы по ритмике, рифме, строфике и другим видам формы стиха народной поэзии еще нет. Совершенно не исследовано стихосложение современной поэзии.

Вопросы, связанные с исследованием стихосложения, имеют не только теоретическое, но и актуальное практическое значение.

Учитывая неизученность алтайского стихосложения, его сложность и многогранность, требующих кропотливой работы в течение длительного времени, автор данной статьи делает попытку проанализировать лишь некоторые вопросы, связанные с рифмой в алтайской поэзии.

Алтайское стихосложение, как и стихосложение других тюркских народов, относится к силлабической системе. Существенную роль в формировании ритма алтайского стихотворного произведения играет и рифма.

В «Очерках теории и истории русского стиха» Л. И. Тимофеев так определяет роль рифмы: «Очевидна ее (рифмы — С. К.) роль как звукового повтора. Но это — повтор с ритмической функцией, он отмечает конец ритмического ряда и тем самым резко усиливает ритмичность речи».⁷

«У рифмы есть два качества, — подчеркивал Б. В. Томашевский, — первое качество — ритмическая организация, потому что она (рифма) отмечает концы стихов; второе качество — созвучие».⁸

В этих определениях указывается роль рифмы как важного средства в ритмической организации стиха. В традиционной и современной алтайской поэзии рифма также выполняет ритмоорганизующую функцию.

Существуют разнообразные виды рифмы, которые различаются по слоговому объему, характеру звучания, положению в стихе.

По положению в стихе рифмы в алтайской поэзии бывают начальными и конечными.

Если конечная рифма была объектом внимания ряда исследователей форм устной алтайской поэзии и она не вызывала разногласий, то вопрос о начальной рифме в алтайском стихосложении остается спорным. Поэтому мы подробнее остановимся на определении и выявлении особенностей начальной рифмы в алтайской поэзии.

К начальным рифмам мы относим такие рифмы, которые появляются в результате звуковых повторов в начале двух (или более) стихотворных строк. Они, как и конечные рифмы, выполняют в стихотворном произведении ритмоорганизующую функцию.

В устном поэтическом творчестве алтайцев не встречается почти ни одного произведения без звуковых повторов в начале стихов. Имея в виду эту особенность формы стиха устной поэзии алтайцев, В. П. Вербицкий писал: «В песне непременно требуется два условия: 1) чтобы она имела сравнения и 2) чтобы строфы из двустопных или четырехстопных начинались всегда с одной и той же буквы. О хвостах (рифмах) алтаец не тужит, у него были бы согласны головы».

Известно, что начальные звуковые повторы встречаются в устной поэзии почти всех тюркоязычных народов. Однако степень их распространения неодинакова. Довольно широко они представлены в киргизской¹⁰ поэзии. Реже встречаются в казахском стихе.¹¹ А «в поэзии народов Малой и Средней Азии, особенно турецкой, туркменской и узбекской, начальные звуковые повторы почти никогда не распространяются на большое число строк подряд. Как правило, аллитерируют начала двух-трех строк».¹²

Совершенно другая картина наблюдается в хакасском,¹³ тувинском,¹⁴ якутском¹⁵ и алтайском стихах. Здесь начальные звуковые повторы, так же как и в бурятском стихе,¹⁶ являются одним из господствующих стихотворных средств.

Такая различная степень распространения начальных звуковых повторов в поэзии разных тюркоязычных народов объясняется тем, какую функцию они выполняют в стихе. Если в поэзии одних эти звуковые повторы «употребляются как способ его (стиха — С. К.) украшения»¹⁷ и их употребление не обязательно, то у других, как, например, в алтайском, хакасском, тувинском, якутском они являются начальной рифмой и выполняют ритмико-композиционную функцию.

Поэтому прежде чем перейти к характеристике начальных звуковых повторов в традиционной и современной поэзии алтайцев, мы попытаемся кратко раскрыть вопросы, связанные, во-первых, с пониманием терминов «аллитерация» и «начальная рифма» в алтайской поэзии, во-вторых, с историей их возникновения и развития.

1. В русском литературоведении под аллитерацией понимается повторение в стихах созвучных согласных звуков. Повторение же в стихах одинаковых гласных звуков называется ассонансом.¹⁸

Исследователи алтайской устной и письменной поэзии, имея в виду начальную рифму, до сих пор называют ее аллитерацией. Однако начальная рифма в алтайской поэзии существенно отличается от аллитерации и ассонанса.

В самом деле. В вышеприведенных определениях ассонанса и аллитерации исследователи отмечают лишь такой общий с рифмой признак, как звуковой повтор. Но если рифма есть «звуковой повтор с ритмической функцией» (Л. П. Тимофеев), то аллитерация и ассонанс не могут выполнять этой функции. Основная их роль в стихе заключается в том, чтобы придать выразительность стихотворной речи. Эту

особенность аллитерации и ассонанса заметил еще академик В. В. Радлов. В своей работе «Über die Formen der gebundenen Rede bei der altaischen Tataren» В. В. Радлов подчеркивал, что прежде всего «они (аллитерации и ассонанс — С. К.) повышают благозвучие стихов».¹⁸

Говоря об алтайской рифме, В. В. Радлов различал, кроме конечной, еще так называемую акростишную рифму. «Акростишная рифма, т. е. рифма в начале стиха, — писал он, — является важнейшей необходимостью любого произведения и каждый случай ее пренебрежения должен непременно рассматриваться как неумение, небрежность сочинителя».²⁰

Радлов, как видим, не только отмечает наличие начальной рифмы в алтайской поэзии, но и подчеркивает ее весьма важную роль в устном стихе.

Начальная рифма в алтайской устной поэзии имеет большее значение, чем конечная. Если конечная рифма в народном поэтическом творчестве алтайцев является «произвольным результатом грамматического параллелизма окончаний»,²¹ то начальный звуковой повтор не имеет прямой зависимости от синтаксического параллелизма и их подбор в начале стиха должен рассматриваться как продукт творческой деятельности певца, сказителя, поэта. Начальная рифма как творцами поэтического народного творчества, так и современными поэтами сознательно и сейчас создается как важнейшее ритмоорганизующее средство. Ритмическая функция начальной рифмы объясняется тем, что звуковые повторы в начале стиха усиливаются паузами, возникающими в конце каждой стихотворной строки. Происходит, говоря словами А. Н. Колмогорова, «ожидание подтверждения»²² рифмы в начале следующих стихов. В отличие от аллитерации и ассонанса начальная рифма произносится с большей подчеркнутостью, чем повтор гласных и согласных звуков внутри стихотворной строки.

Таким образом, начальные звуковые повторы получают значение рифмы и проявляют это значение по всей своей полноте после конечной стиховой паузы. Не будь этой паузы, мы не смогли бы ощутить равенности стихотворных строк, а начальная рифма приобрела бы равнозначное с аллитерацией и ассонансом значение. Если конечная рифма «отмечает конец ритмического ряда и тем самым резко усиливает ритмичность речи», то начальная рифма после стиховой паузы подчеркивает начало стихотворной строки, она так же, как и конечная рифма, не является простым стечением созвучных слов. Начальные звуковые повторы так же устойчивы, как и конечная рифма. Они при исполнении отличаются от аллитерации и ассонанса своей отчетливой выделенностью. Эта выделенность начальных рифм ощущается именно после паузы. Во-вторых, она вытекает из фонетических законов алтайского языка. Имеется в виду специфический характер ударения в тюркских языках. Кроме экспираторного ударения, «в слове имеется также музыкальное или тоническое ударение».²³ «Различная степень экспирации, — пишет Н. А. Баскаков, — выражающаяся в сильном и второстепенном ударениях, сопровождается непроизвольным движением музыкального тона, который понижается при конечном сильном ударении и повышается при второстепенных ударениях».²⁴ Таким образом, музыкальный тон выравнивает силу звучания безударного и ударного гласного. Вот почему, хотя ударение в алтайском языке падает на последний слог в слове, безударный начальный слог не теряется в общем потоке звуков. Кроме того, особо следует подчеркнуть, что в многосложных словах, помимо главного ударения на последнем слоге, возникают еще «дополнительные, более слабые, второстепенные ударения» на первом слоге.²⁵ Так, «в трехсложных словах главное ударение падает на последний слог, второстепенное же — на первый слог».²⁶

Установлено, что в тюркских языках начальному слогу «принадлежит главенствующая роль в определении звукового облика слова» и что «наибольшей фонетической устойчивостью в названных языках обладают гласные начального слога».²⁷ «Гармония гласных явилась как бы кульминационной формой выражения превосходства начала слова, его основы, над конечной частью, морфологическими элементами».²⁸

Эту особенность тюркских языков заметил еще Тадеуш Ковальский. «В агглютинативных языках, — писал он, — корень слова узнается по начальным звукам, непосредственно легко схватываемым, тогда как конечный звук стирается благодаря соприкосновению с рядом последующих звуков».²⁹ Если к тому же учесть, что в экспрессивной речи, какой является стихотворная, где первый слог с второстепенным ударением выделяется с большей силой, чем в обычной речи, то станет понятно, что звуковые повторы в начале стихов становятся особенно подчеркнутыми, неся на себе тем самым ритмическую нагрузку.

Что касается аллитерационной начальной рифмы, то она также обусловлена фонетическими законами алтайского языка, как и в других тюркских языках.

Любопытным нам представляются наблюдения исследователя фонетики якутского языка Г. П. Барашкова, проводившиеся в экспериментальной лаборатории. «Мы можем считать, — пишет он, — что якутские смычные согласные в начале слова или слога являются взрывными (имплозивными), а якутские щелевые согласные в начале слова или слога являются сильными, а в конце слова или слога — слабыми».³⁰ В алтайском языке, как нам думается, согласные в начале слога так же, как и в якутском языке, являются взрывными. Кроме того, начальный согласный, находящийся перед выделенным корневым гласным, произносится сильнее, чем конечный согласный звук, последний из которых, говоря словами Т. Ковальского, «стирается благодаря соприкосновению с рядом последующих звуков».

Итак, выделенность звуковых повторов в начале стихов, их подчеркнутость, как бы сигнализирующих начало стихотворной строки и усиливающих этим самым ритмичность стихотворной речи, позволяет нам относить их не к аллитерации и ассонансу, а характеризовать и называть эти звуковые повторы начальной рифмой.

Известно, что рифма в общепринятом ее значении «указывает на сопринадлежность стихотворных рядов и их объединение по известному закону в периоды и строфы».³¹ Присуща ли эта композиционная роль рифмы звуковым повторам в начале стихотворных строк? Положительный ответ на этот вопрос у нас не вызывает сомнения. Например, в алтайских народных песнях начальные рифмы благодаря различным способам расположения содействуют образованию строф катрена. Начальные рифмы скрепляют строфы катрена по схемам: аааа, аабб, абаб, аааб.

1) аааа:

Тулку бөрүк бар эди.
Түтү кэндый болбогой.
Түктү чана бар эди,
Түргени оныг салкынды.³²

2) аабб:

Лаш тужунда ойнобой.
Лажаганда кем ойноор?
Бу тужунда ойнобой,
Буурайганда кем ойноор?

3) абаб:

Ликте чыккан јилекти
Колго тутса — јымжагы!

Лийте тапкан эжимниг
Козин кёрзё — яражын!

4) аааб:

Түмен жылдыс чыгарда,
Түи ортогы жылдыс жок.
Түмен улуе жууларда,
Жагыс менниг кёркый жок.

Способ рифмовки катрена аааб в алтайских народных песнях является самым распространенным. Несовпадение звуков в начале последней стихотворной строки начальным рифмам предыдущих трех стихов является как бы разрешением звуковых тождеств и указывает этим самым на окончание строфы.

Таким образом, композиционная функция начальной рифмы очевидна. В отличие от аллитерации и ассонанса она является не только средством благозвучия стиха, но и объединяет стихотворные строки в более крупные ритмические единицы — в строфы.

Ленинградский исследователь аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении А. М. Щербак пишет: «Сам повтор, охватывающий один-два звука, становится своеобразной начальной рифмой, совершенно тождественной (разрядка наша — С. К.) по своему назначению с рифмой конечной», «аллитерация и рифма — важные композиционно-ритмические средства тюркского стиха».³⁴

Исследователь якутского стихосложения Г. В. Васильев, называя начальные звуковые повторы аллитерацией, а конечные — рифмой, так же обнаруживает тождественность их функций.³⁵

При тождественности функций начальных и конечных звуковых повторов едва ли целесообразно их называть по-разному аллитерацией и рифмой. Скорее, наоборот, из этой общности вытекает необходимость называть их соответственно начальной и конечной рифмами.

Многие исследователи, признавая за начальными звуковыми повторами те же функции, какие выполняет рифма, предлагают называть их начальной рифмой.

«Аллитерация и ассонанс в чувашской народной песне, — пишет Н. И. Иванов, — несут на себе функции рифмы русского стиха. Они выступают одним из тех поэтических элементов, которые связывают стихотворные строки в одно композиционное целое. И поэтому аллитерацию и ассонанс в начальных словах стихотворных строк уверенно можно назвать начальной рифмой».³⁶

А. С. Тогуй-Оол также отмечал, что «аллитерация в тувинских стихах есть начальная рифма».³⁶

К такому же выводу приходит исследователь бурятской рифмы Н. А. Ким.³⁷

Эти выводы нам представляются, безусловно, верными и поэтому считаем целесообразным называть начальные звуковые повторы не аллитерацией, а начальной рифмой.

Эта целесообразность вызывается еще и тем, что в исследованиях по стихосложению поэзии тюркоязычных народов существуют различные названия начальных звуковых повторов: «аллитерация», «строфическая аллитерация», «вертикальная аллитерация», «единоначатие», «звуковая анафора» и др. Такая неопределенность в терминологии затрудняет понимание данного вопроса.

2. Говоря о возникновении начальной рифмы в алтайской поэзии, следует отметить, что до сих пор ведутся споры.

Большинство исследователей тюркского стихосложения совершенно справедливо считают, что начальная рифма является древнейшей формой в организации стиха тюркоязычных народов.

Академик В. В. Радлов, называя начальные звуковые повторы

акростишной рифмой, считал, что она генетически была более ранней, чем конечная. Древнее происхождение начальных звуковых повторов в стихосложении тюркоязычных народов признавали многие другие исследователи. Анализируя орхоно-енисейские тексты, относящиеся к VI—VIII вв., Н. В. Стеблева обнаружила в них «определенный факт аллитерирования звуков»,⁴⁰ показала их композиционную и ритмическую роль в древних текстах «Сходство подобной практики с тем, что мы имеем в современном стихе народов Сибири и Алтая, — пишет Н. В. Стеблева, — позволяет предположить, что древнетюркский стих был аллитерационным».⁴¹ В. М. Жирмунский, возражая Г. Дерферу, который объяснял происхождение аллитерации (начальной рифмы) в тюркских языках влиянием монгольских языков в эпоху монгольских завоеваний, справедливо отмечает, что архаическая стихотворная форма тюркской поэзии, где аллитерация является главным средством инструментовки произведения, существовала задолго до монгольского завоевания. Своё высказывание В. М. Жирмунский подкрепляет богато представленным героическим эпосом народов Южной Сибири, в том числе и алтайцев.⁴²

Противоположную Г. Дерферу точку зрения высказывает также А. М. Шербак «Возможность влияния монгольской поэзии, в которой аллитерация была и продолжает оставаться важнейшим организующим началом стиха, исключена в силу того обстоятельства, что на протяжении многих столетий имело место постоянное культурное воздействие тюрков на монголов».⁴³

Тогда чем же объясняется происхождение древне-тюркской аллитерационной системы (начальной рифмы)?

Многими исследователями выдвинуто предположение о том, что тюркский аллитерационный стих, как и древнегерманский стих, связан с грамматическим ударением, падшим будто бы в пратюркские времена на первый слог слова. Еще профессор Т. Ковальский писал: «Если допустить, что в пратурецком языке главное ударение падало на коренной слог, начинающий слово, станет понятно, что в поисках единого ритмическо-звукового начала обратились прежде всего к начальным звукам слов, иными словами, аллитерация была осмыслена как ближайшее поэтическое задание».⁴⁴ Однако подобная гипотеза у многих исследователей вызвала справедливое сомнение и возражение. В самом деле, если переход германского аллитерационного стиха к стиху с конечной рифмой объясняется «не столько результатом влияния латино-романских форм стиха, сколько обусловлено разрушением самой аллитерационной системы, вызванным ослаблением ударения начального слога», то «в тюркских языках ударение в слове вообще переместилось с начала на конец, но аллитерационный стих не только не терпит никакого ущерба, но даже развивается и совершенствуется».⁴⁵ Поэтому, как справедливо указывает Н. В. Стеблева, если даже допустить гипотезу существования ударного начального слога в древнетюркском языке, то оно не могло иметь определяющего значения для существования тюркоязычного аллитерационного стиха.

Существует попытка объяснить начальные звуковые повторы в поэзии тюркоязычных народов наличием закона сингармонизма. Эта гипотеза нам представляется также неубедительной. Возражая И. А. Унгвицкой, автору этой гипотезы, В. И. Стеблева отмечает ее противоречивость: «Так, например, в турецком, азербайджанском и туркменском языках существует закон сингармонизма, но аллитерация в анафоре не играет основной роли».⁴⁶

Итак, наличие закона сингармонизма в тюркских языках не могло явиться обуславливающим моментом возникновения и развития национальной специфики тюркского стихосложения.

Наиболее верной нам представляется гипотеза, развитая В. М. Жирмунским и А. М. Шербаком, которые предполагают, что аллитерация (мы ее называем начальной рифмой), как и конечная рифма, явилась следствием параллелизма и что «древнейшей формой тюркской аллитерации явилось аллитерирование целых слов». Эти повторяющиеся слова постепенно исчезают, появляются начальные звуковые повторы, которые затем становятся более совершенными, осознанными, «приобретают значимость отработанного ритмического средства».⁴⁸ Это предположение было высказано еще Т. Ковальским. «Возможно, — писал он, — что собственно эти случаи (повторение одинаковых слов в начале стиха — С. К.) и являются древней формой аллитерации».⁴⁹ Он считал, что повторение одинаковых слов в начале стиха, как и конечная рифма, в силу двучленного параллелизма «может являться в тюркском (тюркском — С. К.) стихе помимо воли поэта».⁵⁰ Однако еще в очень раннюю эпоху начинается процесс «сознательного отыскивания слов с одинаковым начальным звуком».⁵¹ Эти одинаковые начальные звуковые повторы становятся важным осмысленным поэтическим средством.⁴⁹

Говоря о классификации начальной рифмы, мы не ставим перед собой цели анализа различных, порой весьма противоречивых определений ее видов. Целесообразнее остановиться непосредственно на выявлении и определении отдельных видов начальной рифмы. Наша классификация начальной рифмы опирается на те выработанные определения, которые нам представляются наиболее удачными.

Различаются два основных вида начальной рифмы: 1) аллитерационная и 2) ассонансная.

Повтор одинаковых согласных звуков в начале стиха считается аллитерационной начальной рифмой. Аллитерационная начальная рифма чаще всего является слоговой, т. е. состоит из тождественных начальных слогов. Например:

Јаш блонди коргомо,
Јайа базар кууним бар.
Јаш балдарды коргомо,
Јазан ойноор кууним бар.

Следует заметить, что в аллитерационной начальной рифме количество согласных звуков, выполняющих ритмическую роль в начале стихотворных строк, ограничено. Это исходит из законов фонетики алтайского языка. Еще Т. Ковальский, анализируя форму стиха алтайской устной поэтической речи, писал: «Количество звуков, употребительных в аллитерации, невелико: среди гласных встречаем а, ё, о, у и ъ, из которых а, ё — очень часто, остальные — реже. Из согласных аллитерируют лишь к, т, п, с, ј и преимущественно в таких сочетаниях: ко, кб, ке, ку, кё, те, то, тё».⁵⁰ Вслед за Т. Ковальским видный тюрколог Н. К. Дмитриев, имея в виду отличительные особенности алтайской аллитерации, писал: «Так как по закону фонетики этих языков (алтайский, якутский, монгольский — С. К.) в начале слов могут быть не все звуки, а только определенные и притом ограниченные по количеству, то, скажем, старое тюркское слово, которое в районе Крыма может иметь в начале «г» и «к» (ср. гель—кель «приди»), на Алтае фактически звучит только с «к» (т. е. кель, а не иначе). А так как таких случаев несколько, то в начале соседних слов сплошь и рядом встречаются одинаковые согласные или гласные (иногда по два одинаковых звука)».⁵¹

Ассонансная начальная рифма состоит из сходства гласных звуков в начале соседних стихов. В противоположность аллитерационной ассонансная начальная рифма является звуковой. Тождественность одинаковых начальных слогов при ассонансной начальной рифме — явление редкое.

Например

Элик бычкак бдугим
Элей берзе, эдалбай.
Эпке кирбес кыстарды
Эштеп туруп алаалбай.

По качественному признаку мы различаем точную и неточную рифму. Под точной начальной рифмой понимается повторение не только тождественных слогов в начале стиха, но также и созвучие одинаковых гласных звуков, за которыми следование тождественных согласных не является обязательным условием. Дело в том, как мы уже отмечали, что гласный звук в начале стиха произносится выделенно, подчеркнуто. Качество звучания начальных гласных не зависит от согласных, расположенных после него. Поэтому несонасная начальная рифма воспринимается нашим слухом как точная, хотя рифмуется лишь один гласный звук. Если же за рифмующимися гласными следуют одинаковые согласные, то благозвучие начал стихов усиливается.

Неточную начальную рифму составляют одинаковые согласные звуковые повторы в начале стихотворных строк, за которыми следуют различные гласные.

Начальная рифма бывает тавтологической, когда стихотворные строки начинаются с одного и того же слова;

однослоговой, когда строки начинаются с тождественного одного слога;

двухслоговой, когда в начале стихов тождественны два слога;

звуковой, когда стихотворные строки начинаются с одинакового гласного или согласного звука.

Перейдем к конкретному рассмотрению начальной рифмы в устной поэзии алтайцев.

Стихотворные жанры в устном поэтическом творчестве алтайцев занимают господствующее положение.

Героический эпос алтайцев представляет собой стихотворный жанр. Некоторые сказания иногда достигают 8—10 тысяч стихотворных строк. Часто эпос исполнялся сказителем (кайчи) в течение нескольких ночей.

В героическом эпосе большое значение придается одинаковому звучанию начала каждого стиха. Начальная рифма в эпосе представлена широко и охватывает тождественным созвучием от двух до шести, иногда до десяти и более стихотворных строк.

Ай-каан айылдан чыкты,
Ада энези узадып чыкты.
Ат чакызында турган атка
Ай-каан келип минди.
Ат тискинин бура тартып,
Ары болуп јелип ийди!⁵²

В эпосе встречаются и начальные повторяющиеся слова, имеющие ритмическую функцию. Такими повторяющимися словами в начале стихов могут выступать различные части речи. Следует заметить, что наиболее излюбленными повторами сказителей являются местоимения и числительные.

Повторяющиеся числительные

Јетен тайга ар јанында,
Јетен бзбк ол јанында
Јер-тегерги белтиринде,
Јетен тайга колтугында
Ак тар сары бу аттарлу
Арнай, Чарнай — эки карындаш
Алтай јустин језе бийлеен.

Албатыныг кааны соргон,
Жердиг устин узе бийлээн,
Жетен кааныныг бажын кырган
Алмын-чулмуи јутпалар бар.

Повторяющиеся местоимения:

Бистиг малды олјологор,
Бистиг јуртты анарыгар.

В алтайском героическом эпосе можно встретить точную начальную рифму, построенную из тождественных звуков в двух первых слогах:

Караты каан бир кун
Кара адын ээртейле,
Карыган уйиле эзендежин,
Кабырган малын кӧрбӧгӧ
Калактап сыктап атанды.

По этому способу начальные звуковые повторы могут следовать попарно:

Кара килиг атту
Караты кааныныг алты куйуан
Ойто эбирип, јагы јеттилер
Олорды кӧргӧн Караты каан
Тенеридий куаурт этти,
Темирдий шыпарт этти!

Однако такие попарные чередования начальных рифм, как и перекрестные или смежные, не являются безукоризненной закономерностью, которой строго придерживался бы сказитель. Построение стихов, основанное на чередовании начальных звуковых повторов в эпосе, произвольное. Это объясняется отсутствием развитого строфического построения стихов героических сказаний.

Алтайские лирические песни по структуре построения однотипны, иначе говоря, в них господствуют готовые песенные формулы, которые характеризуются двустрофичным построением и наличием двучленного параллелизма. Первая строфа строится следующим образом:

1) Первые два стиха занимает описание явления природы. Третий и четвертый стихи изображают действие или внутреннее состояние человека, соответствующее явлению природы, описанному в первом и во втором стихах, то есть, говоря словами А. Н. Веселовского, «картинка природы, рядом с нею таковая же из человеческой жизни; они вторят друг другу при различии объективного содержания, между ними проходят созвучия, выясняющие то, что в них есть общего».⁸¹

2) Первые два стиха также посвящаются изображению какого-либо явления природы. Но в третьем и четвертом стихах характер человека противопоставлен картине природы, описанной в первых двух стихах.

3) Наблюдается отсутствие связи или противопоставления между описанием природы и картиной человеческой жизни.

Вторая строфа по своему построению тождественна первой. То есть в ней в соответствии с первой строфой явление природы и характер человека или соответствуют, дополняя друг друга смысловой значимостью, или противопоставляются, или не имеют смысловой связи. Причем во второй строфе повторяются целые словосочетания симметрично расположенных стихотворных строк, иногда повторяются целые стихи.

Такое построение стихов алтайских песен заметил еще А. Н. Веселовский. «Импровизация алтайцев и телеутов, — писал он, — состоит из парных четверостиший, начинающихся с одного и того же, несколько видоизмененного запева:

Кто рассыпал золотые листья?
 Не белая ли березка? Да, это она.
 Кто распустил по спине волосы?
 Не жена ли моя? Да, это она.
 Кто рассыпал серебряные листья?
 Не синяя ли береза? Да, это она.
 Кто распустил волосы на затылке?
 Не моя ли невеста? Да, это она.

Два таких четверостишья, построенных на тавтологии или антитезе, спетые подряд, дадут в результате песню с рядом повторяющихся запевов: одних и тех же, развивающихся, видоизмененных, наконец, запево- вая разных по содержанию, только поддерживающих общее настроение песни.³⁴

Параллелизм который так широко распространен в алтайских народных песнях, не только явился основой ритмизации стиха и звуковых повторов в конце стихотворных строк, но он влечет за собой также повторение одинаковых слов и звуков в начале стихов, размещающихся в строфе в определенной последовательности.

Например:

Чолушманныг агыи суу,
 Мен кечейи — тайыс бол.
 Чолушманда кѳржийим,
 Мен барганча, уйде бол.
 Балыкчыныг агыи суу,
 Мен кечейи — тайыс бол.
 Балыкчыда кѳржийим,
 Мен барганча, уйде бол.

Повторение одних и тех же слов в начале стихотворных строк чаще всего происходит во второй и четвертой строках.

Комургайлу ѳлѳгди
 Кожо кезек, иѳкѳрлѳр!
 Колхозыбыс жагыс та,
 Кожо иштейлик, иѳкѳрлѳр!

Јалбыракту ѳлѳгди
 Јаба чабак, иѳкѳрлѳр!
 Жагыс колхоз болгондо,
 Јаба иштейлик, иѳкѳрлѳр!

Видимо, именно подобные слова-повторы в начале стихов, вызванные параллелизмом, наравне с другими компонентами стиха, о которых мы уже говорили, явились первоначальной основой появления и развития начальной рифмы. Эта рифма затем стала создаваться певцом как важное ритмическое средство. Певец стал подбирать в начале стихов не только одинаковые слова, но и слова различающиеся по смыслу, но очень близкие по звучанию (мѳгѳи — мѳндѳр, эзи — эзен и т. д. (см. вышесказанное)).

Способы рифмования начал стихов в песне самые разнообразные.

В устном поэтическом творчестве алтайцев конечная рифма является эмбриональной, т. е. она возникает в результате совпадения одинаковых грамматических форм. В алтайском языке глагол находится в конце предложения и, принимая одинаковые аффиксы различных вариантов, формирует в стихах глагольные рифмы. Эти рифмы, основанные на одинаковых грамматических формах, являются следствием синтаксического параллелизма и они зачастую являются не созвучиями, а просто одинаковыми грамматическими формами типа: барза—келзе, барып—келип и т. д. Поэтому подобные звуковые повторы целесообразнее было бы назвать рифмоидами. Однако по установив-

шейся традиции мы сохраняем термин рифма, имея при этом в виду, что конечный звуковой повтор в музыкально-речевом стихе не был обязательным компонентом, какими, например, являются ритм, музыка и начальные звуковые повторы. Конечная рифма была не актом творческого отбора созвучий окончаний стихотворных рядов, а простым случаем совпадения грамматических форм, произвольным результатом синтаксического параллелизма. Поэтому она не была обязательным структурным признаком песенных стихотворных произведений алтайцев.

Предлагаемый нами анализ конечных созвучий стихов устного поэтического творчества поможет показать возникновение развитой системы конечной рифмы в письменной поэзии.

Глагольная рифма особенно преобладает в героическом эпосе. Она охватывает целую группу стихов.

Строго установившегося порядка конечной рифмы в эпосе, на основе которого мы смогли бы классифицировать ее по видам и способам, не обнаруживается. Это, как мы уже говорили, связано с отсутствием строфического построения стихов в эпосе.

Вот один из примеров совпадения грамматических форм, образующих рифму в героическом эпосе.

Je бир кунде кумдус уул
Jети кунге жылайын калды.
Көгүтей ашыылак кыляктады,
Көбркий эмегени сыктады.

В этом отрывке рифма образовалась за счет присоединения к глагольным основам аффикса прошедшего времени «ды». В последних двух стихах рифмы расширяются путем присоединения к глагольной основе даже двух одинаковых аффиксов (словообразовательный аффикс «та» + словоизменяющий аффикс «ды»).

Рифма образуется и другими аффиксальными параллелизмами, например, аффиксами глагола прошедшего времени «ган», «ген», «кон», «көн», глагольными аффиксами множественного числа «лар», «лер», «лор», «лөр», аффиксами причастия, деепричастия и т. д.

Алты кара-килиг ат миндилер,
Көгүтейди ээчий жүрүп ийдилер.

Рифмующиеся концы стихов, состоящие из тождественных двух, а иногда и трех слогов, внешне создают впечатление богатой рифмы. Однако такую рифму мы называем бедной, ибо она, образовавшись за счет глагольных аффиксов, неустойчива.

Весьма распространенным видом рифмы в эпосе выступают повторяющиеся слова в конце стихов. Конечные слова-повторы могут состоять из одного, в ряде случаев из двух слов. Чаще всего в роли повторяющихся слов выступают вспомогательные глаголы.

Энди түбек келген јат,
Олбөгби бойы алгн јат,
Барбаган бойы барган јат.

Конечные слова-повторы, состоящие из двух слов.

Олтурерге келген бедиг,
Оскүрерге келген бедиг.

Повторяющиеся слова в эпосе размещаются не только в начале и конце стихов, но они могут стоять и в середине стиха.

Калжу мындый каанды
Качан да мен көрбөдим,
Кайкамчы мындый јатды
Кара јажыма билбедим.

В ряде случаев в героических сказаниях встречаются повторяющиеся слова в середине и конце стиха:

Билбес јерден билип ийди,
Сеспес јерден сезип ийди.

В стихотворных периодах эпоса, представляющих эмбриональную строфику, появляются главная и вспомогательная рифмы. Главная рифма проходит через всю тираду. В. М. Жирмунский справедливо отмечает, что основная рифма произносится значительно четче, выделеннее, чем вспомогательная.

При таком сочетании главной и вспомогательной рифмы поэтическое повествование не разбивается на отдельные части. Тирада охватывает до десяти, иногда и больше стихов:

Алып кезер алты баатыр,
Алты јакшы куйузи
Көгүтейдин адын алтылады
Көгүтей апшыйак бойы
Курумчы кийис бөрүгин
Сол колына колтыктап,
Каалгалу эжитки кайра тартып,
Караты-каанынг эргөзбине кирди.
Чара айан көстү,
Чар терек көгүстү,
Төр бажында Караты-каан
Мыкынын тайанып отурды.

В этом примере в качестве основных рифм выступает конечные рифмующиеся слова 3-го, 8-го, 12-го стихов. Основная рифма здесь повторяется в конце предложений, где происходит интонационная разрядка речи. Она объединяет между собой группу стихов.

Кроме этой основной рифмы, в данном отрывке имеются вспомогательные рифмы «колтыктап—тартып», «көстү—көгүстү».

Следствием ритмико-синтаксического параллелизма является развитый в эпосе внутренний звуковой поинтор стихов:

Мварап калар малы јок,
Адын адаар уулы јок.

Здесь звуковому повтору подверглись обе ритмические части стихов, в результате чего образовались насквозь звучащие строки.

Отмечая разнообразности рифмы героического эпоса алтайцев, следует подчеркнуть, что хотя конечная рифма здесь встречается часто, она не везде устойчива и не выполняет столь важную ритмико-композиционную роль, сколько это делает начальная рифма.

Как и в эпосе, для возникновения конечного созвучия в алтайских народных песнях достаточно лишь звукового совпадения последних слогов, которые образуются в результате присоединения к основам слов одинаковых грамматических форм:

Кыр јеринде јолымды
Качан да болзо јолдоорым.
Көрүш јүрген көөркийди
Качан да болзо сакырым.

Способы рифмования стихов в строфе самые разнообразные: абаб, аааа, абвб, ааба. Единственно типичной формой размещения нерифмованных рифменных созвучий в алтайских песнях является перекрестная рифма. По этому поводу Ковальский писал: «При рассмотрении конфигурации рифм в алтайской строфе наше внимание обратит на себя, прежде всего, тот факт, что тип абаб, очень редкий у османов, у алтайцев занимает первое место».⁶⁶

Перекрестная рифма чаще всего образуется в результате однородного синтаксического построения двух предложений в четырехстишной строфе:

Тозун адар айгыга
Тоолок огыг токтогой.
Тойлон турган балайга
Торко майдык оролгой

Кроме того, встречается рифмовка по схеме **абвб**:

От жалбыжын бчурбей,
Чокту туткан одыным.
Ок саадакты тудунып,
Агдап ийер сен уулым.

По схеме **ааба**:

Тагдакталын таг аткай.
Такая потук куш эткей.
Табынчадан ойнойлы,
Таг атканы билдирбей.

По схеме **аааа**:

Кадын суузын мен кечтим.
Кара чоокыр таш кбрдим.
Кайран бскус мен бстим,
Калалталу сбе уктим.

Все эти способы рифмовки в народных песнях встречаются значительно реже, чем перекрестная. Совсем не встречается охватная рифма. Единственную в своем роде рифму **аббб** мы встретили в песне:

Кумактаг бскон куу тал
Куу тал беди суу соккон.
Кубакай чачын сыйманган
Кудагайым беди бу отурган.

Абсолютное большинство алтайских песен рифмуются тавтологически повторяющимися словами. При тавтологической рифмовке наиболее распространенным способом является также перекрестное ее расположение. Особенно часто одинаковые слова повторяются во второй и четвертой стихах:

Эриккенде чертетен
Эмил сайлу кузук бар.
Элен-чакка журтайтан
Энту-жакшы эжим бар.

Часто в песнях встречаются тавтологические рифмы со следующим расположением повторяющихся слов:

1) по типу **аааа**:

Агас тоным бар эди.
Алды онын киш эди.
Агчы ийдим бар эди.
Азу тижн курч эди.

2) По типу **ааба**:

Кумакту колдо куш ойнойт.
Куркуи алдыла суу ойнойт.
Кудалу улус жуулыжын,
Кулузын чббчой колдо ойнойт.
Кара колдо кас ойнойт.
Канат алдыла суу ойнойт.

Кайран төрөндөр жуулыжып,
Калайлу чокчой колдо ойнойт.

Во всех алтайских восьмистишных песнях неповторяющиеся рифмующиеся слова первой строфы обязательно параллельно повторяются во второй строфе:

Кыр еринде жолымды
Качан да болзо жолдоорым,
Коруш жүрген кооркийди
Качан да болзо сакыырым,
Аркадагы жолымды
Кандый да болзо жолдоорым,
Айдыш жүрген кооркийди
Айланганча сакыырым.

Нельзя не отметить еще одну характерную особенность построения алтайских народных песен. Имеется в виду повторение каждой стихотворной строки в строфе по два раза. В результате чего четверостишие превращается в восьмистишную строфу.

Ак черетту турага,
Ак черетту турага
Кирбегеним удай берт,
Кирбегеним удай берт,
Ак чырайлу кооркийди,
Ак чырайлу кооркийди
Корбөгөнүм удай берт,
Корбөгөнүм удай берт.

Следует заметить, что такой повтор стихов и строфах появляется не при сольном, а при хоровом исполнении. Так, например, во время свадеб, народных игр и т. д. в исполнении народных песен принимает участие большая группа людей, среди которых бывает ведущий — солист. Роль солиста обычно выполняет лицо, наделенное даром импровизатора, или же лицо, имеющее в своем репертуаре большое количество песен. Солист на известную народную мелодию исполняет первую стихотворную строку песни, после чего эту же стихотворную строку подхватывает весь хор. Если песня известна участникам хора, то следующие строки исполняются также по два раза, но уже всеми участниками. Если же песню знает один солист, то он выполняет роль своеобразного суфлера до конца новой песни. Хор повторяет за ним каждую стихотворную строку. Таким образом, песня, состоящая обычно из 8-ми стихотворных строк, превращается в шестнадцатистишную.

РИФМА В АЛТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Алтайская письменная поэзия начала зарождаться еще в дореволюционное время. Первым алтайским поэтом является М. В. Чевалков (1818—1901), творчество которого выросло на почве устной народной поэзии. Его стихи по своему поэтическому стилю весьма близки к народным песням, пословицам и эпосу, сохраняют все те особенности формы народной поэзии, о которых говорилось выше, в том числе начальные и конечные рифмы.

Например:

Эки жегин түрүп алып,
Эгип, кезип, жууп алды,
Энди идирген жазап алды,
Элбек ажын согуп алды,
Эмилдү ажын арулап алды.⁵⁶

Однако расцвет алтайской письменной поэзии относится к советскому периоду. С первых же дней она стала развиваться на новой, социалистической основе. Поэты стали воспевать приход новой жизни, писали о революции, о Ленине, о партии, о народе и т. д.

Зарождение алтайской письменной поэзии в советский период также тесно связано с фольклорными традициями.

Исследователь возникновения и начального этапа развития алтайской письменной литературы З. С. Казагачева пишет: «Стихи тех лет чаще всего назывались кожей — «песня», хотя не все они распевались». «Это объясняется не только тем, что в алтайском языке в то время не было термина «стих», но и тем, что присутствие в них поэтических элементов народной песни более соответствовало такому названию».

Таким образом, основой творческого роста поэтов первых лет была устная народная поэзия. Поэты пришли в литературу с усвоенными формами стихотворных произведений фольклора. Первые поэты стали последовательно соблюдать в своей творческой работе начальную рифму во всех известных ее видоизменениях и различных вариациях. Особенно она была характерна для творчества П. А. Чагат-Строена. Одинаковой начальной рифмой он иногда охватывал все стихотворение. В большинстве его стихотворений мы наблюдаем лишь незначительное изменение созвучий начал стихов:

Канду жолду кавидардыг
Канын чачар ой жеткен,
Кату турган албаты
Кайрал кёрөр кун келген,
Кудай болгон бийлерди
Кургадатын ой келген,
Кулга журген албаты,
Кубуксийтан ой келген,
Кулга журген бойысты
Коммунисттер айрыды.
Кеен-жараш Алтайыска
Кеен-жайым журтатты.⁵⁸

В этом отрывке первые четыре строки рифмуются тождественным слогом «ки», начала следующих 3-х стихов имеют одинаковый слог «ку», в последних двух стихах мы видим повторение одного и того же слова. Все стихи объединяются общим согласным звуком «к». Построение стихов с подобным звуковым оформлением часто встречается в героическом эпосе, например:

Тук танышпас малыбыска
Түмен түктү мал кожулды,
Тил ондошпос жоныбыска
Тилдери башка жон кожулды.

Оставалась прежней и конечная рифма. Начинаящие поэты тех лет применяли в своих произведениях лишь те виды рифмы, которые были известны в устной народной поэзии. Так, для рифмовки стихотворений поэтов 20-х — начала 30-х годов было характерно их построение тавтологическими словами:

Уйалу куштын уйазын бузуп жийтен,
Оок андардын балазын уурдап жийтең,
Алмарда ашты уурдап жийле,
Эдилу курсакты шоктоп жийтең.

Мундус-Эджов.

Из данного отрывка видно, что Мундус-Эджов, хотя и предпринимает попытку отойти от единоначатия стихов, но в то же время созвучие стихов, звуковой повтор в конце стихотворных строк им соз-

дается характерной для устного народного творчества, особенно песен, тавтологической рифмой, расположенной в строфе в виде ааба.

В произведениях поэтов тех лет преобладают несовершенные глагольные рифмы. В ряде случаев рифмы от начала и до конца произведений не выдерживаются.

Вместе с тем в творчестве поэтов 20-х годов усиливается тенденция к созданию реалистических произведений, к поискам новых художественных форм, ибо изменились исторические условия, быстро росли культурные и эстетические потребности народа. Поэты стали яснее понимать, что с помощью только установившихся старых форм невозможно создать качественно новую поэзию, наиболее полно отражающую новую, социалистическую действительность. Поэтому они начинают избегать прямого подражания фольклору.

Особенно благоприятное влияние на творческий рост поэтов, четкость выражения поэтической мысли применение новых, форм оказали произведения русских писателей. Знакомство алтайских поэтов с их произведениями способствовало быстрому их творческому росту. Обижаются их стихотворный язык, появляется новая форма художественного выражения, совершенствуется стих и его конечная рифма. Высказывание З. Ахметова о том, что «воздействие русской литературы на казахскую поэзию ярче всего проявляется в том, что изучение опыта разработки русского стиха способствует выявлению в произведениях казахских поэтов новых возможностей стихосложения»,⁶⁰ полностью приемлемо при оценке роли русской литературы в развитии алтайской поэзии и ее форм. Развитие новых форм поэзии особенно заметно в творчестве П. Кучника, с именем которого связано становление и развитие алтайской литературы советских лет.

Поэзия П. Кучника непосредственно выросла на почве устной народной поэзии. Анализ первых его стихотворных произведений показывает, что фольклорные приемы построения произведений и формы стихов преобладают в его творчестве.

Поэма «Арбачи» — одно из первых поэтических произведений Кучника. В поэме преобладает глагольная рифма. Именная рифма почти отсутствует. Многие стихи рифмуются произвольно. Ряд стихотворных строк объединяются в длинную тираду с общей рифмой. Кучник в этой поэме широко использует редифную и начальную рифму. Все эти формы построения стихов заимствованы из устного народного творчества.

Но Кучник, наряду с традиционными формами построения произведений алтайцев, своеобразно применяет парные и перекрестные рифмы. Для придания большей созвучности началам стихов поэт использует точную начальную рифму:

Чындап ла Арбачыны сүрзөбис,
Чыгым биске качап да болбос.
Чынаркап бисле жаргылажатап
Чыдажар кижн олордо жок.⁶⁰

Под непосредственным воздействием русской литературы П. В. Кучник вводит строфическую систему построения стихотворных произведений. Стихи у него в основном группируются в четырехстишные строфы, но имеются и новые строфические формы: 5-, 6- и 8-стишные строфы.

Строфическое построение стихов позволяет поэту строго соблюдать последовательность рифмы. В поэме «Смерть Янара» (Jaғардын өлүми») преобладают четырехстишные строфы, в которых стихотворные строки рифмуются только парно или перекрестно. Эти четверостишия чередуются с 6- 8-стишными строфами. В 6-стишной строфе концы первых 4-х стихов рифмуются перекрестно. Послед-

ние два стиха имеют одинаковые между собой рифменные созвучия.

«Олтүрбегер мени, ой былар,
Олтөнчө слерге кул болойшп,
Бажымды мениг баспагар,
Карыганча слерге кой кабырайшп!» —
Калганчыда Жагар кыйгырды,
Кааза төжөгинег брө турды.⁶¹

В этой же поэме Кучияк рифмующиеся между собой последние два стиха в шестистишии переносит на начало строфы. В этом случае строфа рифмуется по следующей схеме **аабвбв**.

Например

Айдар сөзи тиллине толды,
Кожоң башталганын билбей калды
«Тегериниң жылдызының
Тоозын билер кем чыгар?
Мениң жүректе коронды
Айрыыр кижжи кайда бар?»⁶²

К таким рифмовкам шестистиший Кучияк обращается при передаче прямой речи. Иногда поэт шестистишишую строфу рифмует попарно:

Ончозын Жагар шүүп жадат,
Көзине уйку келбейт,
Жүрегинде тош тургандый,
Жалмажына кумак төжөңгөндий
Көдүрөан бойына билдирет,
Көзин жумуп болбойт.⁶³

Восьмистишия поэт рифмует только перекрестно.

В поэме Кучияк четверостишишую строфу рифмует кольцевой рифмой, которая явилась новшеством для алтайской поэзии. Такая рифмовка оживила стихотворный язык:

«Кеде, кеде, ары бар!
Жыду тыныжынды бери тымба!
Коронду колтыгла мени тутпа!
Кеде, кеде, ары бар!»⁶⁴

Во многих четверостишиших стихотворениях Кучияк конечными звуковыми повторами рифмует лишь концы второго и четвертого стихотворных строк. Однако созвучие стихов при этом не нарушено, ибо оно дополнено и усилено начальными рифмами. Например

Ол күннег ала бистердинг
Нажы жүрумис башталды,
Олордың тоозы күнүң көптөн,
Мени кожо апарлады.⁶⁵

Став уже зрелым поэтом, Кучияк не прекращал поисков новых форм.

В некоторых стихотворениях начальные рифмы им не соблюдаются, но для того чтобы стихи не потеряли созвучия, поэт усиливает конечную рифму, для чего он стал тщательно подбирать слова, состоящие из одинаковых гласных фонем. Это свидетельствует о проявлении повышенного его интереса к глубокой конечной рифме

«Озодо байга жүреримде,
Кижиге мени бодобойтондор,
Куучын-эрмек ордына
Сырымды камчыла жолдойтондор».⁶⁶

Но это вовсе не значит, что поэт «забраковал» начальную рифму, отказавшись от ее применения. Начальную рифму П. В. Кучника продолжал использовать интенсивно. Но к ее употреблению он подходит творчески, умело сочетая начальную рифму с конечной:

Качан да чыгарбаган кереезинди
Совет улузына јайып бердинг,
Кату буткен чырайынди
Јажыл торкодог јымжак эттинг.⁶⁵

Здесь аффиксальную несовершенную грамматическую конечную рифму 1-й и 3-й стихов поэт компенсирует звучной, точной начальной рифмой и, наоборот, отсутствие начальных созвучий 2-й и 4-й стихотворных строк восполняют полнозвучные конечные рифмы. Такой способ рифмовки производит сильное впечатление. В этом проявилось мастерство П. В. Кучника.

В данной работе мы коротко охарактеризовали лишь некоторые вопросы, связанные с работой П. В. Кучника в области усовершенствования рифмы. Мы не стали касаться его новаторской роли в алтайском стихосложении в целом. Между тем роль Кучника в развитии стихосложения немалая. Он сделал алтайский стих разнообразным и гибким. В его поэтических произведениях стих приобрел художественно-выразительную силу, усилилась роль конечных рифменных созвучий.

Деятельность П. В. Кучника повлияла на дальнейшее развитие алтайского стихосложения. Современные поэты стремятся творчески использовать жизнеспособные художественные традиции, все богатство уже выработанных выразительных средств в алтайской поэзии.

Вместе с тем в наши дни усилились поиски новых форм стиха. Об этом свидетельствует творческий опыт особенно тех поэтов, которые получили профессиональное образование в Литературном институте имени А. М. Горького. Многие из них развивают современный стих не только путем обновления уже существующих форм, но и путем создания новых форм, приближая стихотворную речь к разговорной, свободной интонации. Однако это не значит, что усиление разговорной речи ведет к ослаблению ритмичности стихов и их благозвучия. Напротив, речевой стих усиливает поэтическую выразительность, художественность стихотворных произведений.

Актуальность безупречного рифмования в современной алтайской поэзии связана прежде всего с усилением смысловой роли рифмующихся слов. Хорошо понимая значение звукового оформления слов, несущих на себе наибольшую смысловую нагрузку, многие поэты все больше отходят от чрезмерного использования глагольно-аффиксальных рифм.

Развитие рифмы в их поэтическом творчестве идет в сторону усложнения и совершенствования.

Современные поэты ищут новые, непохожие на фольклорные, оригинальные рифмы. Учитывая роль созвучных корневых гласных фонем в уподоблении всех гласных последующих грамматических парадигм, многие поэты в своих стихотворных произведениях достигают акустического тождества рифмующихся слов. Особенно художественную силу и выразительность такие созвучные слова приобретают в стихотворных произведениях Л. Кожышева.

Во многих стихотворных произведениях Кожышева конструкция предложений остается традиционной. Но при этом концевые рифмы в его стихах необычны. Эта необычность достигнута глубоким созвучием рифмующихся слов:

Эгчейген јабыс талды эркелеп,
Элбек чөлдөрдө Днепр агат,
Узун тәггиниң чике бажында
Улу поэтниң сөбги агарат.⁶⁶

Такая звучная конечная рифма 2-й и 4-й стихов, созданная гласным звуком «а», компенсирует нерифмующиеся 1-й и 3-й стихотворные строки. Кстати, к рифмам четверостиший со схемой *абаб* с звучными рифмами 2-й и 4-й стихов типа: «кайдайын — айдайын», «стүртулет — түжелет», «түженет — түжүрет», «уреди — буркеди», «көрбөгөн — өтпөгөн», «чыладым — чыгадым» из стихотворений «Кышкы түн» («Зимняя ночь»), «Кадын бажы» («Верховье Катуня»), «Күс» («Осень») и др. Кокышев прибегает часто. Стихи эти запоминаются легко.

Для того чтобы сохранить элемент разговорной речи, выразить интонацию живой речи, Кокышев внедряет в алтайское стихосложение так называемое «ступенчатое построение стихов, при котором слова как бы разрываются в конце стихов, в связи с чем изменяется их звучание. Однако рифма при переносах не нарушается, а в ряде случаев она поэтом усиливается.

Мениг үйемниг
элбек төжинде
Откөн жууныг
шырказы
арткан,
Мениг үйемниг
от-јүрегинде
Миллион
эпелер
шыразы томулган.⁶⁹

Здесь Кокышев рифмует слова «элбек төжинде» и «от-јүрегинде», «шырказы арткан» с «шыразы томулган». Следует заметить, что такой разрыв слов не является самоцелью поэта в создании особой ритмики стихотворения. Такая форма построения стиха продиктована содержанием стихотворения, ее эмоционально взволнованным раздумьем о XX веке, о судьбах и делах своих современников.

Как известно, малые жанры фольклора, например, пословицы, основаны на разговорной речи. В них сохраняется интонация живой речи. Поэтому инверсионные стихотворные строки в них не являются исключением. В результате инверсионных построений стихов именные слова перемещались на конец стихотворных строк и подвергались рифмовке. Например:

- 1) рифмовка тавтологических существительных:

Сутту бее кулунына туза,
Сумелү уул јонына туза.⁷⁰

- 2) тавтологических прилагательных:

Одын-сууныг јуугы јакшы,
Төрбөн-туганныг ырагы јакшы.⁷¹

- 3) Прилагательного с прилагательным, разных по смысловому значению:

Сүди ас уй мөбөрүгкөй,
Сүмези ас кижі көбөрүгкөй.⁷²

- 4) Разноименных частей речи (в данном случае прилагательного с существительным):

Талдаганы тас,
Тайанганы сас.⁷³

Кокышев одним из первых заметил подобные именные рифмы малых жанров устного поэтического творчества алтайцев и применил их в своей творческой практике. Так, например, во многих стихотворениях он рифмует существительное с существительным:

Телекейди бактырган
Тегин эмес 20-чи чак.
Жылдыстарга ууланган
Албатыга мак.

В поисках новой выразительности стихотворной речи Кокышев разнообразит сочетание рифмующихся между собой слов из разных частей речи, добивается оригинальной звуковой гармонии стиха.

В четверостишии:

Осетин Хаджи, бакинец Мурат (Мурат — имя)
Ончобыс бүгүн айрылып жадыбыс.
Уур ушкурин испанец турат (стоит),
Узбектя узун кожогыи угадыс?⁷⁴

рифмуется имя «Мурат» с глаголом «турат».

Точно также рифмуется существительное с прилагательным:

Жеримде эмди кыш келген болор..
Жердин үсти апагаш, апагаш (белый).
Көрбөгөн эгирлу чолдордин кыстары,
Көрбөгөн эгирлу чолдордин кыстары.

Особый интерес представляет рифмовка именного слова со служебным:

Алтайым мениг — жер-эне.
Айылым — ачык телекей.
Карындажым — карабин.
Төрбөним — текиш жон эмей

рифмуется имя «Мурат» с глаголом «турат».

Точно также рифмуется существительное с прилагательным: частицей «эмей».

Во многих стихотворениях Л. Кокышев к рифмовке именных слов подошел творчески, доведи до полного акустического тождества все фонемы рифмообразующего элемента рифмующихся слов:

Оскурип алган яблоком мениг..
Оскди жеримди оскблөбө, экем.
Алтынды бұригди ээзинге жайылтып,
Алтай жеримде бе лө, эркем.⁷⁵

В данном примере в словах «экем» и «эркем» рифма не аффиксальная. Рифмообразующим элементом здесь является «кем», все фонемы которого по своему звучанию тождественны. Начальная фонема «э» также участвует в образовании конечной рифмы.

В своем творчестве Кокышев последовательно соблюдает традиционную начальную рифму:

Жайнаган чылап, Аркыт суу
Жаратка оксөп согулат.
Жалтыраган кайада
Жаман куш чочып кыйгырат.⁷⁶

Однако во многих поэтических произведениях к использованию начальной рифмы Кокышев подошел новаторски. Так, например, в устной народной поэзии ассонасная начальная рифма, как уже было отмечено, носит звуковой, а не слоговой характер. У Кокышева же ассонасная начальная рифма часто является слоговой:

Албанду жүрүм бткүре
Алтайга катап жас келди.
Албатыны сүүндирип,
Амадуны экелди.⁷⁷

Для усиления благозвучия стихов Кокышев часто в начале стихотворных строк подбирает такие слова, которые состоят из тождественных гласных звуков: «анайда — Аначак», «сузуи — учук», «счуп — сылуп», «учкары — уйвалып» и т. д.

Кокышев значительно увеличил количество употребляемых звуков в начале стихотворных строк. Так, например, кроме отмеченных Ковальским звуков, употребляемых в начале стихотворных строк фольклорных произведений, Кокышев для начальной рифмы широко использует звуки «ы», «ш» и т. д.

Например:

Ырзак јолго барарга
Ылатам Боргой шыйдынды ⁷⁶
Или: Шылыраган колдткб
Шымыранып куучындайт ⁷⁹

Однако в некоторых произведениях Кокышева можно заметить явное злоупотребление начальными рифмами, когда поэт ради благозвучной рифмы подбирает слова, несоответствующие смыслу стихотворения. Так, например, в строфе:

Агылы чечен отрядтар
Ак јалапта јуулгылайт.
Шердек-тѳжогин чачкылап,
Шеренгата тургулайт.⁸⁰

Попытка сделать благозвучным начала двух последних строк привела к натянутой искусственности их формы. Кроме того, в жертву подобной рифме принесено смысловое значение стихов. Речь в этой строфе идет о поставленных по тревоге на ноги красногвардейцах. Согласно повествованию Кокышева красногвардейцы стали в шеренги, побросав ковры (рифмующеся слово шердек), на которых они спали. Здесь явная натянутость рифмы, из-за чего пострадало содержание стиха. Такие досадные промахи поэта снижают его новаторскую роль в развитии алтайского стихосложения.

Вслед за Кокышевым значительный вклад в усовершенствование рифмы, особенно конечной, внесли и другие поэты. Так, например, конечная рифма особенно часто встречается в стихотворениях Ш. Шатинова и П. Самыка.

Шатинов применяет разнообразное сочетание именных рифм:

1. Существительного с существительным:

Табаруларына чыдашпай,
Ташталган эди шибеелер (крепости).
Мокус перого тыгыпбай,
Мокогон эди дштулер (враги) ⁸¹
(«Јагы јылдыг тунинде»)

2. Существительного с глаголом:

А сениг эскидег
Эдегин кан! (кровь)
Керебинге отурып,
Кедери јан! (уезжай) ⁸²

3. Глагола с числительным:

Алтайлар јарыкта
Кѳп эмтир (оказывается).
Је јурегимде Алтай
Сок јагыс бир (один).⁸³

4. Прилагательного с прилагательным

Көк жарамас, жер чагкырайт!
Көк тагдакка көзбөгү ачык (открытый)
Ак жарыкты тыгдап тыгдап,
Арыган санаам ойто ло жарык (светлый).⁶⁴

5. Существительного с наречием

А теңериге көздөгү, тегиң ле
Теңери ле теңери (небо).
Көбшпөк жайым булуды
Кочуп ле жадар жүргөри (постепенно).⁶⁵

Следует заметить, что рифмовка разноименных частей речи при инверсированном построении предложений для произведений Шатинова стала системой. Шатинову к таким разнообразным формам рифмовки обратился потому, что эти рифмы останавливают внимание читателя своей необычностью, своим благозвучием. Однако в ряде случаев он злоупотребляет подобной рифмовкой. В жертву форме приносится содержание стиха.

Разнородная рифма в алтайской поэзии только начинает зарождаться. Ее освоение и умелое применение явится значительным шагом в алтайском стихосложении.

В стихотворениях Шатинова встречается конечная омонимистическая рифма. Она способствует усилению художественной выразительности в стихотворном произведении:

Мен эмди тундук талада
Талайдыг салкынын ажырыя ибедим (проглатываю)
Мен эмди улгерлер ажыра
Олгөнгө-тирүге ээчимди ибедим!⁶⁶ (пхсылаю).

Таким образом, на примере стихотворных произведений поэтов Л. Кокышева и Ш. Шатинова мы видим применение ими разнообразных видов конечных рифм, различного способа рифмовки стихотворных строф. Такое разнообразие и разновидности рифмы встречаем у многих современных алтайских поэтов.

В связи с интенсивным обогащением словарного состава алтайского языка русскими заимствованиями, так же как и в поэзии других тюркоязычных народов, алтайский стих рифмуется и заимствованными словами:

Көзимде эмди ле
Ашхабад Стадион.
Тагкы. Тал-табыш
Албаты миллион.

Ш. Шатинов.

Часто такие рифмующиеся заимствованные слова выступают с алтайскими аффиксами:

Таш печкеде
От тиркирейт.
Тапчы клеткеде
Кураандар секирет.

Л. Кокышев.

Алтайское слово рифмуется с русским

Литейный сомдолот (вырисовывается)
Поездтер жайканат.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- ¹ W. Radloff, Über die Formen der gebundenen Rede bei den alttürkischen Tataren. Zeitschrift für Volkspsychologie und Sprachwissenschaft, B., IV, Berlin, 1866.
- ² В. И. Вербицкий Алтайские инородцы М., 1893.
- ³ Т. Ковальский К вопросам формального изучения поэзии турецких народов (в изложении А. Н. Линина). Известия Восточного факультета Азербайджанского государственного ин-та им. В. И. Ленина, т. 1, Баку, 1926, т. 2, Баку, 1928.
- ⁴ Когутей М., 1935. Вступительная статья Н. К. Дмитриева.
- ⁵ Н. А. Баскаков Алтайский фольклор и литература. Горно-Алтайский облнацштавт, 1948.
- ⁶ С. С. Суразаков Героический эпос алтайцев. Ученые записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ. Выпуск второй Горно-Алтайск, 1958, стр. 93—107.
- ⁷ А. Н. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958, стр. 33. Разрядка наша.
- ⁸ Б. В. Томашевский Стихотворение. Л., 1959, стр. 406.
- ⁹ В. Вербицкий Алтайские инородцы М., 1893, стр. 167. Разрядка наша.
- ¹⁰ К. Рысалиев Киргизское стихосложение. Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. Фрунзе, 1965.
- ¹¹ Э. Азиева. Казакское стихосложение. Изд. «Наука», Алма-Ата, 1964, стр. 284.
- ¹² Н. В. Стеблева. Поэзия древних тюрков VI—VIII веков. Изд. «Наука», М., 1965, стр. 29.
- ¹³ М. А. Уингицкая Хакасское стихосложение. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Абакан, 1950.
- ¹⁴ А. С. Тогуш-Оол. Опыт исследования тувинского стихосложения. Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. 1, Кызыл, 1951.
- ¹⁵ Г. М. Васильев. Якутское стихосложение. Якутск, 1965.
- ¹⁶ Г. О. Туденов. Бурятское стихосложение. Улан-Удэ, 1958.
- ¹⁷ Н. В. Стеблева. Указ. соч., стр. 29.
- ¹⁸ В. Е. Халишевников. Основы стиховедения. Издательство Ленинградского университета, 1962, стр. 133.
- ¹⁹ W. Radloff. Указ. соч., стр. 89.
- ²⁰ Там же, стр. 96.
- ²¹ Там же.
- ²² А. Н. Колмогоров. К изучению ритмики Маяковского. Вопросы языкознания, 1963, № 2, стр. 64.
- ²³ Э. В. Севортин. Фонетика турецкого литературного языка. Изд. АН СССР, М., 1965, стр. 131.
- ²⁴ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 109.
- ²⁵ Н. А. Баскаков. Указ. соч., стр. 109.
- ²⁶ Н. А. Баскаков. Указ. соч., стр. 109.
- ²⁷ М. А. Черкасский. Тюркский вокализм и сингармонизм. Изд. «Наука», М., 1966, стр. 75.
- ²⁸ А. М. Шербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Изд. «Наука», Ленинград, 1970, стр. 65.
- ²⁹ Т. Ковальский. Указ. соч., т. 1, стр. 152.
- ³⁰ Т. П. Барашкин. Звуковой состав якутского языка. Якутск, 1953, стр. 15.
- ³¹ В. Жириуцкий. Рифма, ее история и теория. «Академия», Петроград, 1923, стр. 10.
- ³² Алтай албатынын чыдыр сөстөрү Туулу Алтайдын бичиктер чыгарар издательствозы, 1961, стр. 20. В дальнейшем примеры народных песен будут привлекаться из вышеназванного сборника.
- ³³ А. М. Шербак. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении. Народы Азии и Африки, № 2, 1961, стр. 143, 147, 148.
- ³⁴ Г. М. Васильев. Якутское стихосложение. Якутск, 1965, стр. 96—97.
- ³⁵ Н. И. Иванов. О чувашском народном стихосложении. Чувашско-издат, 1957, стр. 60.
- ³⁶ А. С. Тогуш-Оол. «Опыт исследования тувинского стихосложения». Ученые записки Тувинского НИИИЯЛ, выпуск 1, 1963, стр. 103.
- ³⁷ И. Ким. О рифме в бурятской поэзии. Советская литература и фольклор Бурятии. Выпуск 1, Улан-Удэ, 1961, стр. 74.
- ³⁸ Н. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII веков. Изд. «Наука», М., 1965, стр. 30.
- ³⁹ Там же, стр. 30.
- ⁴⁰ В. М. Жириуцкий. «О некоторых проблемах истории тюркского стиха». Вопросы языкознания, 1968, № 1, стр. 39.
- ⁴¹ А. М. Шербак. «Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении». Народы Азии и Африки, 2, 1961, стр. 146. Говоря о влиянии тюрков на монголов, А. М. Шербак ссылается на работу Б. Я. Владимирцова «Турецкие элементы в монгольском языке».
- ⁴² Т. Ковальский. Указ. соч., стр. 152.
- ⁴³ Н. В. Стеблева. Указ. соч., стр. 30—31.
- ⁴⁴ Н. В. Стеблева. Указ. соч., стр. 31.

- ⁴⁵ Об этом подробно написано в уже указанных нами работах В. М. Жирмунского «О некоторых проблемах истории тюркского народного стиха» и А. М. Щербак «Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении».
- ⁴⁶ Т. Ковальский. Указ соч., стр. 151.
- ⁴⁷ Т. Ковальский. Указ соч., стр. 151.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Т. Ковальский. Указ соч., стр. 51.
- ⁵¹ Когутей М., 1935, стр. 33.
- ⁵² Здесь и в дальнейшем примеры будут привлекаться из 6-томного собрания героических сказаний «Алтай биятырлар». Туулу Алтайдын бичиктер чыгарар издательствозы, т. 1, 1958, т. 2, 1952, т. 3, 1960, т. 4, 1964, т. 5, 1966, т. 6, 1966.
- ⁵³ А. Н. Веселовский. Собрание сочинений Т. 1, С.-Петербург, 1913, стр. 141—142.
- ⁵⁴ А. Н. Веселовский. Указ соч., стр. 184—185.
- ⁵⁵ Ковальский. Указ соч., т. 2, стр. 52.
- ⁵⁶ М. В. Чевалков. Улгерлер же басиялар Горно-Алтайск, 1958, стр. 11.
- ⁵⁷ З. С. Казатичева. Рождение алтайской письменной литературы. Автореферат диссертации, 1967, стр. 1.
- ⁵⁸ Чагат-Строов. Улгерлер. Туулу Алтайдын бичиктер чыгарар издательствозы, 1958, стр. 28.
- ⁵⁹ З. Адметов. Указ соч., стр. 362.
- ⁶⁰ П. В. Кучияк. Жуунадыган сочинмешер. Туулу Алтайдын бичиктер чыгарар издательствозы, 1967, стр. 39.
- ⁶¹ П. Кучияк. Указ соч., стр. 51.
- ⁶² Там же, стр. 54.
- ⁶³ Там же, стр. 51.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же, стр. 61.
- ⁶⁶ Там же, стр. 82.
- ⁶⁷ Там же, стр. 65.
- ⁶⁸ Л. Кокышев. Кызыл чечек. Туулу Алтайдын бичиктер чыгарар издательствозы, 1961, стр. 37.
- ⁶⁹ Л. Кокышев. Экинчи јурум. Туулу Алтайдын бичиктер чыгарар издательствозы, 1963, стр. 12.
- ⁷⁰ Алтай кеп сөгөтү. Составитель С. С. Суразаков. 1950, стр. 36.
- ⁷¹ Там же, стр. 41.
- ⁷² Там же, стр. 29.
- ⁷³ Там же, стр. 22.
- ⁷⁴ Л. Кокышев. Тушташтар, 1960, стр. 32.
- ⁷⁵ Л. Кокышев. Экинчи јурум, 1963, стр. 92.
- ⁷⁶ Л. Кокышев. Тушташтар, 1960, стр. 63.
- ⁷⁷ Л. Кокышев. Кызыл чечек, 1961, стр. 39.
- ⁷⁸ Л. Кокышев. Тушташтар, 1960, стр. 23.
- ⁷⁹ Там же, стр. 52.
- ⁸⁰ Там же, стр. 48.
- ⁸¹ Ш. Шатинов. Күн келди. Туулу Алтайдын бичиктер чыгарар издательствозы, 1966, стр. 30.
- ⁸² Там же, стр. 11.
- ⁸³ Там же, стр. 18.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же, стр. 68.
- ⁸⁶ Там же, стр. 41.
- ⁸⁷ Г. Н. Ломидзе. «Методологические вопросы изучения взаимосвязей и взаимобогащения советских литератур». Пути развития советской многонациональной литературы М., 1967, стр. 18.

СТИЛИЗАЦИЯ И АЛТАЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР (На примере творчества Вс. Иванова)

Одним из первых советских писателей, стоявших у истоков русско-алтайских поэтических связей в послеоктябрьский период, был замечательный художник слова Вс. Иванов (1895—1963), щедро вводящий в свои произведения образы и краски, почерпнутые в степях Казахстана и в предгорьях Алтая. О писателе интернационалисте К. Зелинский писал: «По произведениям Вс. Иванова можно проследить, что искал и находил он и в казахских степях, и в алтайских предгорьях, среди тех народов, которые живут там».¹

Способы художественного освоения интернационального фольклорного материала в русской литературе разнообразны. Наиболее распространенным способом идейно-художественного использования алтайского фольклора является стилизация под устно-поэтическое творчество алтайцев. К этому приему освоения фольклора обращался и Вс. Иванов.

Стилизация как определенный прием в литературе понимался и оценивался учеными и критиками по-разному. Известно, что В. Г. Белинский ошибался в оценке сказок А. С. Пушкина и «Конька-горбунка» П. Ершова, ибо неправильно видел в них «насильственную подделку под лад песен и сказок».² В статье «Литературные мечтания» он выразил свое понимание народности, которая состояла не «в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в стигбе ума русского, в русском образе взгляда на вещи».³ Именно в таком духе выполнены сказки А. С. Пушкина и П. Ершова.

В «Литературной энциклопедии» стилизация определена как «художественная имитация стиля», как «подделка под оригинал».⁴ А вот более позднее определение: «Стилизация — подражание, имитация в искусстве особенностей какого-либо стиля прошлых лет, подделка под индивидуальную творческую манеру крупного художника прошлого (писателя, художника, композитора) или же нарочитое, подчеркнутое воспроизводство языка определенной социальной среды».⁵

В этом же словаре говорится, что «по своим художественным достоинствам стилизация чаще всего ниже подлинника, она лишена той глубины содержания, естественности стиля, органической связи формы и содержания».⁶

Данные определения общи. Они не охватывают всего объема содержания, входящего в это понятие, они не дифференцируют стилизацию, не конкретизируют ее. Стилизация может быть не только «подделкой» под оригинал, но и художественным приемом, несущим в себе положительное начало: ведь формы проявления стилизации разнообраз-

ны, и надо их рассматривать с конкретных исторических позиций в соответствии с идейно-художественными вкусами писателя, использующего это средство изображения жизни.

В задачу автора не входит исчерпывающее рассмотрение этого вопроса, остановимся только на одной стороне — стилизации под фольклор, и частности алтайский, в творчестве Вс. Иванова.

Стилизация под алтайский фольклор в творчестве Вс. Иванова в первую очередь определяется идейно-художественными целями, диктуется необходимостью воссоздать типические обстоятельства жизни алтайского народа. Этот прием был использован, кроме Вс. Иванова, и В. Шишковым («Чуйские были»), и А. Караваевой («Золотой клюв»), и А. Контеловым («Великое коченье»).

Характер стилизации зависит от жанра алтайского фольклора. Чаще всего в произведениях писателей, связанных с алтайской тематикой, мы встречаем стилизацию под алтайскую песню и сказку.

«Восприятие фольклора в литературе начиналось зачастую со стилизации»⁷ Это положение применимо и к творчеству Вс. Иванова, в частности к его «Алтайским сказкам» (1921). Об этих произведениях, написанных в Сибири, молодой автор в письме к А. М. Горькому от 16 января 1921 года сообщал из Омска: «написал ряд рассказов и сказок, причем хотел сейчас «Алтайские сказки» послать Вам, но теряются, должно быть, лучше уж сам привезу»⁸ Обращение к алтайскому фольклору молодого писателя было не случайным; в детстве и юности он общался с представителями киргизского, казахского, алтайского⁹ народов.

Литературоведы Ю. Андрианов и Р. Музафаров указывают, говоря о связях Вс. Иванова с алтайским фольклором, только на цикл «Алтайские сказки».¹⁰ В действительности же связь этого писателя с устно-поэтическим творчеством алтайцев не ограничивается лишь названными произведениями.

Еще в дореволюционное время писатель начал знакомство с произведениями устной поэзии алтайцев. Сейчас можно с полным правом утверждать, что он был знаком с книгой «Аносский сборник» (Омск, 1915), в которой богато представлен алтайский фольклор. Кроме того, писатель в юности бывал на Алтае и слышал многие легенды и сказки непосредственно от самих алтайцев. Вот одно из писательских свидетельств: «Давно когда-то, у истоков Оби, мне часто на берегах болот попадались крепкие и сильные на вид оранжевые цветы. Но когда я пробовал сорвать их — лепестки опадали и от них несло трупно-вялым запахом. Эти цветы мои товарищи-инородцы называли Тююн-Бот — шаги смерти».¹¹

Первые свои впечатления от устно-поэтического творчества алтайцев и других народов Вс. Иванов выразил в некоторых экзотических стилизациях под восточный фольклор: в сказках «Рао»¹², «Нино»¹³, «Сон Ермака».¹⁴

В этих первых опытах освоения алтайского фольклора и не только алтайского еще много наивно, несамостоятельного, национальная специфика сказок проявлена слабо. Автор порой ограничивается лишь воспроизведением отдельных образов и мотивов устной поэзии, использует лишь внешние (в общих чертах) поэтику восточного фольклора.

Подтверждением этой мысли может быть сказка «Рао», в которой говорится о превращении молодого мудреца Рао, сына «неведомого народа «чудь», в голубой цветок. Смерть Рао окружена ореолом таинственности. Рао превращается в голубой цветок. Он должен цвести. Придет неведомый певец и сорвет его, а он тому певцу передаст великое слово «горного духа». Но «в мире, где никто не помнит заветов любви», людям не до голубого цветка.

Сказка начинается так: «...И стоит черная скала, и на ней голубой

цветок — Рао, и ждет цветок своего певца, которому бы он поведал великое слово духа гор.

На север летят птицы, на север — к голубому цветку, — поведать ему о жестокости людей и выплакать на его золотой груди свое горе... А он трепещет и бьется голубыми крыльями, и шепчет, и шепчет:

— Подождите, подождите...»¹⁵

В этом произведении Вс. Иванова почти нет конкретных национальных примет, нет того своеобразия, которым отличается восточная поэзия вообще и алтайская в частности. Ранее обращение писателя к алтайскому фольклору было первой попыткой проникнуть в характер устно-поэтического мира алтайцев и народов Казахстана и Средней Азии.

«Алтайские сказки» Вс. Иванова были своеобразным продолжением его поисков в освоении алтайской устно-поэтической традиции. Не учитывая предшествующего опыта писателя, как это делают Ю. Андришиов и Р. Музафаров, мы не сможем правильно оценить его новые произведения, появившиеся в печати через пять лет после «Рао». «Алтайские сказки» фактически завершают ранний период освоения писателем национально-тематической тематики.

В цикл включено десять сказок-миниатюр. Обращение Вс. Иванова к фольклору восточных народов диктовалось жизненными обстоятельствами. Автор «Алтайских сказок» начал свое литературное творчество на грани двух социальных эпох. Революционная ломка старого общественного строя, рождение в жестоких боях нового социалистического государства отразились и на поисках новой художественной системы. Старая эстетика не могла удовлетворить писателей, пришедших в литературу из народа. Именно к таким художникам слова относятся Вс. Иванов. Ему была близка поэтика устной поэзии народов Средней Азии и Сибири, среди которых ему приходилось жить и работать.

Отсюда в его произведениях широко представлена жизнь других народов, отсюда в его рассказах, повестях национальный орнамент. Истоки рождения отдельных черт своеобразного стиля Вс. Иванова можно проследить, анализируя его алтайские сказки.

Алтайские сказки Вс. Иванова в критике получили высокую оценку. Так, С. Есенин, говоря о художественной манере писателя, отмечал: «Иванов дал Сибирь по другому рисунку, чем его предшественники Шишков и Гребенщиков... Язык его сжат и насыщен образами, материал его произведений свеж и разносторонен. Наряду со своими рассказами и повестями он дал ряд прекрасных алтайских сказок».¹⁶

В идейном отношении алтайские сказки Вс. Иванова неравноценны. Интересны и содержательны сказки «Кургамыш — зеленый бог» — о победе тепла над холодом, «Когда расцветает сосна» — о торжестве добра над злом, «Теке-Тау, горный козел» — о единоборстве горного козла с самим богом. Но не все сказки насыщены значительным содержанием. В некоторых из них даются лишь указания на какую-нибудь особенность того или иного сказочного персонажа, порой имеющие определенное познавательное значение. Такова, например, сказка «Куйя», мысль которой выражена собственноручно в следующих словах, обращенных к зайцу, объевшему листья у березы: «Будет тебе, обжора, лучшей пищей кора — осиновая, горькая».¹⁷

Идейные особенности алтайских сказок Вс. Иванова сказались и на художественной форме. Языковая стихия, перенасыщенность речи разнообразными тропами — все это порой имеет самодовлеющее значение и перерастает в обыкновенную игру слов. На это Вс. Иванову указывал и А. М. Горький в 1923 году в одном из писем, что на творчестве молодого писателя «сказывается неправильное понятие увлечение Ремизова и его школы колдовством слова».¹⁸

Алтайские сказки В. Иванова перенасыщены сравнениями, метафорами, чаще всего фольклорного происхождения, не всегда гармонично слитыми с содержанием. Сказки впитали в себя цветистость восточной речи, но не всегда они выражали всю глубину содержания народной поэзии.

А. Галузо, анализируя тему Средней Азии и Казахстана в прозе В. Иванова, высоко оценивает «Алтайские сказки» писателя, отмечая, что в них «заимствование образов и мотивов алтайского фольклора соединяется с попытками воссоздать и самый круг понятий и представлений устно-поэтического мира алтайцев».¹⁹ Это действительно так. Но всегда ли писатель ограничивает себя в «Сказках» только «кругом понятий и представлений» алтайской устной поэзии? Нет, не всегда.

В «Алтайских сказках» воссоздаются отдельные приемы устно-поэтического творчества алтайцев: **портретная характеристика**: «красивая девушка — как черемуха весной»; бог «розовый, сочный, крепкий — как шишка кедровая», «у самой глаза, как у марала, блестят — красивые глаза» («Кызымыль — золотая река»); **гиперболизм**: «Как прыгну на землю с Белухи, пробью землю насквозь»; «Точит Теке-Тай рога камень. Блест так — реки мерзнут» («Теке-Тай, горный козел»); **миропосирияние**: «небо как котел перевернутый» («Теке-Тай, горный козел»)²⁰

Все эти примеры — убедительное свидетельство того, что «Алтайские сказки» связаны с фольклором алтайцев. Кроме этих признаков, в сказках В. Иванова много реалий, примет, связанных с жизнью киргизского и казахского народов, чего не учитывает А. Галузо. Вот некоторые факты: «Тайга колеблется, как бешмет от ветра» («Кургамыш — зеленый бог»); «Неприятные для бога сыны — то лошадь разнесет, то вместо айрана грязь пьет» («Куйан»); поток Кара-Су «со стыда закрылся белым чувлуком, как киргизка» («Как любил Кара-Су»); «На домбре играет, — не струны — кобылы ржут» («Удичи Докай») и т. д.²¹

Реалии: «бешмет», «айран» (кислое молоко), «чувлук» (головной убор женщины), «домбра» и многие другие — убеждают нас в том, что «Алтайские сказки» В. Иванова иногда выходят за пределы алтайского фольклора.

Далее А. Галузо пишет о том, что «Алтайские сказки» В. Иванова являются «любопытным опытом воссоздания в литературном жанре как бы самого типа сознания, закрепленного в сказочном алтайском фольклоре».²² Тезис этот справедлив, но он нуждается в уточнении. Дело в том, что писатель создает несколько односторонний тип сознания алтайского народа, отражая мистическую, религиозную сторону его мышления, а отсюда почти в каждой сказке мифические существа (Кудай Кургамыш, ведьма Кучича, дух Опи, бог Койнонж, Вунс и др.). Конечно, есть у писателя и сказки («Теке-Тай, горный козел»), философский смысл которых направлен против богов. В то же время нельзя не заметить некоторую ограниченность идейно-эстетической позиции автора «Алтайских сказок». А. Галузо явно преувеличивает их идейно-художественное значение, не видя, что в них очень мало конкретных национальных черт, характеризующих жизнь алтайского народа.

Ограниченность подобной стилизации заключена в подчеркнутой условности, декоративности стиля. Естественность и простота, присущая народным сказкам, утрачивается, усиливается причудливая орнаментовка, текст насыщается изобразительно-выразительными средствами, эмоционально насыщенными и романтически приподнятыми. Используя сказовую манеру с этих нечетких идейно-эстетических позиций, В. Иванов, как отметил А. М. Горький, сближается с Ремизовым, хотя материал, служащий источником стилизации, у этих писателей разный. Но тем не менее «Алтайские сказки» по сравнению с его ранними имитациями под восточный фольклор («Рао», «Ню») являются шагом вперед в освоении инонациональной темы.

Истории создания «Алтайских сказок» Вс. Иванова и их идейно-художественному анализу посвящена статья С. Мамаевой.²⁵ В ее работе есть отдельные интересные наблюдения, сопоставления сказок писателя с произведениями устного народного творчества. Но в статье есть и ошибочные положения.

Автор статьи считает, что основой сказок Вс. Иванова был только алтайский фольклор. В общих чертах это правильно. Но как объяснить тогда ряд реалий («чунлук», «айран», «домбра» и др.), которые встречаются в ивановских сказках? Они не характерны для устной алтайской поэзии. Это реалии, как уже было сказано, из обихода другого народа. Далее автор указывает на то, что сказки Иванова отличаются от народных, и основное отличие — в «оригинальности их сюжетов»,²⁶ т. е. писатель фактически не заимствовал ни одного сюжета из «Аносского сборника». Жизненная и устно-поэтическая основа ивановских сказок была более широкой: жизнь и поэзия народов Сибири, Казахстана, Средней Азии.

Неверен и такой вывод. С. Мамаева говорит о влиянии сказовой традиции Вс. Иванова на стиль сказок Г. Вяткина («Алтайские сказки», Новосибирск, 1926), А. Гарф и П. Кучника («Алтайские сказки», Новосибирск, 1952). Сказки Вс. Иванова, несмотря на определенную близость к поэтике народной алтайской сказки, все же являются оригинальными произведениями, а произведения, например, в книге А. Гарф и П. Кучника — это подлинные народные сказки, собранные алтайским писателем, большим знатоком фольклора Павлом Кучником. А. Гарф и П. Кучник их только литературно обработали (подчеркнуто мной — Г. К.), по мере возможности сохраняя идейно-художественные особенности оригинала. В то время как у Вс. Иванова сказка не перевод и не обработка, а оригинальное создание художника, оригинальная стилизация в духе восточной устной поэзии и алтайской в частности. С. Мамаева, говоря о влиянии Вс. Иванова на сказки А. Гарф и П. Кучника, пытается аргументировать свою мысль таким положением: «В сказках этих мы тоже находим портретную характеристику, но ясно ощущаем влияние на основателей (?) сборника сказок Вс. Иванова в приемах описания, в использовании художественных средств — главным образом сравнений».²⁷ В принципе сходство возможно, но не как результат влияния Вс. Иванова на манеру письма Г. Гарф и П. Кучника. Речь идет о совершенно разных вещах: о литературной обработке и переводе, где должна быть определенная точность и верность оригиналу, и, с другой стороны, о стилизации, где точность и верность передачи деталей сюжета, изобразительно-выразительных средств иноязычного фольклора совсем не обязательна, но важно передать верно дух устной поэзии другого народа, специфику его поэтики. Поэтому такой подход неправомерен.

Не учитывая специфики алтайского фольклора, С. Мамаева допускает ошибки и при оценке сказок, обработанных Г. Вяткиным. Так, в сказке «Два богатыря», по ее мнению, выразителем общечеловеческой идеи является бог Эрлик.²⁸ Это противоречит алтайским народным представлениям, ибо в образе Эрлика никогда не выражались какие-то гуманистические общечеловеческие идеи, потому что это бог зла, и поэтому связывать с этим демоническим именем понятие о добре нельзя. Это насилие над народными представлениями, это противоречит духу алтайского фольклора.

Остановимся более подробно на таких художественных особенностях стилистической манеры Вс. Иванова, проявившихся уже в «Алтайских сказках», как изобразительность и живописность. Еще К. Зелинский отмечал, что «изобразительные возможности, изобразительная сила Всеволода Иванова как художника велика».²⁹

Образ, рождающийся из-под пера писателя, всегда динамичен,

всегда в движении. Художник не лепит образ из множества черт, он чаще всего берет одну, но наиболее характеристичную особенность, и показывает ее ярко, выпукло, не боясь преувеличения. О многолетних молениях старца Аянгула автор пишет: «До того молился, что борода в землю вошла, а ноги мхом покрылись» («Как согрешил Аянгул»).²⁹ Писатель добивается вещности в словесном рисунке, наглядной картинности. Его слово многогранно, оно повернуто к читателю своей наиболее выразительной стороной.

Полна динамики, движения такая картина, рисующая битву вездного бога Кургамыша и осени Туяичи: «А та как плюнет Слюна в озеро пала, льдинками поплыла. Холодом пахнуло.

Кургамыш тоже рассердился.

— Я тебя! — кричит.

Выскочил на берег, к Туяичи бросился. Схватились они битись. Черным клубом пыль идет, вода кипит, горы стонут. Тайга колеблется, как бешмет от ветра» («Кургамыш — зеленый бог»).

Это описание напоминает многие картины богатырских сражений, изображенных в произведениях алтайского фольклора, что подчеркивается гиперболическостью олицетворений («вода кипит», «горы стонут», «тайга колеблется»).

У В. Иванова образ часто бывает контрастным, без переходных полутонов: если добро, то добро, если зло, то зло. Так, в той же сказке один из персонажей Кургамыш — воплощение всего доброго, а Туяичи — средоточие зла, и эти черты раскрываются и в их внешней характеристике, и через их отношение к природе, например: «Когда повернется к земле Туяичи — космы упадут на бор, вздохнет — снег идет, холодно. Кургамыш повернется — оттепель, солнце выглянет».

Такой подход к созданию образа соответствует духу алтайской устной поэзии.

Образы, картины, создаваемые писателем, не простой набор красок, деталей. Они взаимосвязаны, взаимообусловлены, «пересекают», дополняют друг друга, придавая описанию органическую целостность. Художник придерживается золотого правила: «Образ входит в образ», «предмет сечет предмет» (Б. Пастернак). В сказке «Аю» даны портреты охотника Уртымбай и медведя Аю: «Увидел Аю-медведь в глазах Уртымбай — маленькая морда, желтые клыки и пена на них.

И Уртымбай увидел свое лицо — серое, как солончак, и бородавка как горсточка сухой травы».

Эта одновременность происходящего, эта взаимообусловленность, взаимопересечение образов — характерная особенность художественной манеры В. Иванова.

Изобразительная сила В. Иванова проявляется и в том обилии выразительных средств, которые щедро рассыпаны по страницам его сказок. Правда, порой создается впечатление переизбытка художественной ткани сказок различными тропами. Но тем не менее многие метафоры, олицетворения, эпитеты и сравнения наполнены глубоким содержанием, отличаются свежестью и национальным колоритом.

Изобразительно-выразительным средством сказок В. Иванова присуща романтическая природность, сочетающаяся с лукавым юмором. Это мы видим и в описаниях природы, и в портретных характеристиках, и в изображении поступков и действий сказочных персонажей. Мир полон звуков, красок, и эта полнота жизни хорошо выражена в слове: «Эхо кувыркается со скалы на скалу, с горы на гору. Ручьи бьют каплями серебряными о камни». «Травы ему кланяются, ароматы курят. Листья навевают прохладу. Радуются:

— Наш бог плывет...

А он лицо широкое, лохматое, как кедр, во все стороны поворачивает. Хохочет от радости» («Кургамыш — зеленый бог»).

Образ у Вас. Иванова обычно локален, раскрывается через предметы, явления, часто встречающиеся именно в этом географическом месте: «Койнок — бог (борода — пихта верхушкой вниз) сидел в тени березы с золотыми листьями» («Куяи»). «Схватил Теке-Тау за ноги и — рогами об землю! Воткнулись рога в землю. Висит на них Теке-Тау, как орех на кедре» («Теке-Тау, горный козел»).

К. Зелинский отметил в свое время и такую специфическую черту стилистической манеры автора «Алтайских сказок»: «Живописец словесного цеха Всеволод Иванов больше владеет краской, чем линией, цветным пятном, нежели графикой. Я бы сравнил его письмо с живописью Кончаловского. Всеволоду Иванову труднее выйти за пределы им создаваемого романтического мира, нежели другому художнику, идущему по следам жизни, а не путешествующему в страну, которой еще нет».

Конечно, оценка, данная критиком Вс. Иванову, отличается некоторой субъективностью, но это совершенно не означает, что она недостоверна. К. Зелинский во многом прав. Правда, понятие словесная живопись — условное. Слово в большей степени графично (в смысле картинно, образительно), чем красочно, живописно, но тем не менее вопрос о характере словесной живописи все чаще ставится и решается в современном литературоведении.

Живописность живописного слова проявляется в полную меру и в «Алтайских сказках». Многие описания многоцветны, красочны. «Пала та слеза — белая слеза радостного бога Вунса — в реку, смешалась со слезами Кызымилъ — золотая стала река.

Вот катится в Черных горах Кызымилъ-река, желтая, золотая река» («Кызымилъ — золотая река»); «Летел над Черными горами дух Ону — злой дух. Конь у него сизый, седло из серого камня, а подруга из желтой кожи» («Когда расцветает сосна»).

Многоцветность, красочность, мозаичность слога становится постоянным признаком многих произведений Вс. Иванова. Пестр и красочен «ковер жизни», вытканный писателем в произведениях «Цветные ветры», «Голубые пески». Палитра его красок неиссякаема, как неиссякаема сама жизнь, отраженная в его книгах.

Устно-поэтическое творчество казахов, киргизов, алтайцев было важным источником, питающим специфический стиль Вс. Иванова. К стилистическим особенностям алтайских сказок (цветистость, мозаичность, национальная орнаментовка) близок стиль повести «Цветные ветры» (1922).

Повесть «Цветные ветры» рассказывает о событиях, которые развертываются в 1918—1919 годах в селах Волчиха и Талица на Алтае. Это произведение выходило отдельными изданиями на немецком языке в Гамбурге в 1923 году и на чешском в Праге в 1927 году. В повести нет четко очерченного сюжета, в ней мы видим вихревую пляску красок, образов. Только отдельные характеры выхвачены из людской массы и будто освещены на какой-то миг сильным светом прожектора, потом снова теряются в массе других описаний. Такое изображение действительности для Вс. Иванова не было случайным. Писатель видел за А. Блоком революцию представлял себе в образе земного вихря, метели, приносящей освобождение человеку. Революция — это очищающий ветер, поэтому в повести революция показана как стихийный процесс.

Одностороннее понимание революционных событий проявилось и в образной системе и в стиле повести. Отсюда «метельная композиция», обычно «нарушающаяся последовательность событий», являющийся натурализм: широкое использование диалектных слов, жаргонизмов, просторечия, устного сказа.

В стилистическом отношении язык повести близок языку алтайских

сказок своей декоративностью, предельной насыщенностью тропов. Часто одинаков и интонационный рисунок. Это подтверждается такими примерами, связанными с описаниями природы:

«Цветные ветра»

«Костры вы мои желтые,
птицы перелетные — глаза,
голос — ветер луговой, зеле-
ный и пахучий!»

(Вс. Иванов, *Собрание сочинений*,
т. 1, М., 1958, стр. 266)

«Алтайские сказки»

«Камень под копытами — пух.
Пади под камнями — паутина».

(Вс. Иванов, *Собрание сочинений*, т. 1, М.,
1959, стр. 58. Далее будет указываться
только страницы).

В данных отрывках одинаковый принцип построения метафоры — сравнения «глаза» — «птицы перелетные», «камень» — «пух», «пади» — «паутина». Очень близок ритмико-мелодический рисунок этих примеров, что объясняется не только близостью синтаксических конструкций, но и общностью предмета изображения — алтайской природы.

«Цветные ветра»

«Когти — мои кедровые!
Рыбы мои — облака!
А любовь моя, любовь спелая —
люди, ясногласные лебеди!»

(324)

В приведенных извлечениях одинаковый подход к осмыслению образов, характерные особенности: эмоциональность, гиперболитичность, романтическая приподнятость тропов. Интересно и то, что метафоризированные сравнения «рыбы мои — облака» и «подножье — облака» опять созданы по одному и тому же принципу.

«Цветные ветра»

«Так, гореть земли!
Цветы! Оттого, что аракчи
твои — комья земля...» (324)

«Алтайские сказки»

«...нос — чисто гнилой сучок, лицо —
прошлогодняя саранка». (45)

Тот же принцип построения образа и в этих примерах, хотя название их разное: в повести говорится о природе, в сказке — персонифицированный портрет осени. Отрывок из «Цветных ветров» — это пример условной метафоризации, которую трудно понять вне контекста. В то время как в сказке этот прием использован в реалистическом плане. Это говорит о том, что стилистическая манера Вс. Иванова к этому времени еще не сформировалась окончательно, что некоторые тенденции, характерные для стиля сказок, сохранились и в повести.

«Цветные ветра»

«Эх, земли вы мои, земли!
Ветер алтайский пахучий!
Медоносные пылы на душе и
язык, как журавль на переле-
те, тоскует!» (241)

«Алтайские сказки»

«И степь, будто не степь, а кумыс
столетний. Колки — не колки, будто
аракчины, камнями разукрашен-
ные, по степи разложенные» (50)

Характерной особенностью стиля сказок является место определенное после определяемого слова («кумыс столетний»), этот же инверсивный порядок определений присущ и синтаксису повести.

«Алтайские сказки» с повестью «Цветные ветра» роднит и тот немаловажный факт, что Вс. Иванов в названных произведениях широко опирался на фольклорно-этнографический материал алтайцев. Но отдельные мотивы, образы устно-поэтического творчества как в сказках, так и в повести используются писателем порой не с целью глубокой социальной и психологической характеристики действующих лиц, а как экзотические средства, создающие определенный национальный колорит. Отсюда «тегрихи, духи-покровители, Эрлик-хан и другие реалии алтайского фольклора в широко развернутых лирико-орнаментальных

описаниях камланий шамана Апо²⁰ слабо связаны с характерами действующих лиц, не имеют достаточной идейно-художественной оправданности.

Подобную тенденцию в использовании инсигнационного фольклора мы встречаем и у писателя П. Низового (1882—1940), связанного с Горным Алтаем²¹. Так же, как у Вс. Иванова в «Цветных ветрах», у П. Низового в повести «В горах Алтая», рассказывающей об участии подростков Саньки и Перке в гражданской войне на Алтае, используются образы местного фольклора с целью создания колорита, экзотичности картин, а не как средство социально-психологической характеристики. Такова роль приводимых писателем шаманских песен, отличающихся гиперболизмом, так характерных для устной поэзии алтайцев. Вот одна из экзотических сцен: «И опять один звонкий тенор жреца плавает в прозрачном утреннем воздухе:

Кровь в нем будет с море,

Сало в нем белизной

подобно облаку,

Грива и хвост у него в сажень

Хвалит кам Ульгею приносимую жертву»²².

Правда, картины камланий являются просто фоном в повести, внутренне они не связаны с характерами героев Саньки и Перке. Подобное явление мы наблюдаем и в «Цветных ветрах» Вс. Иванова.

Несмотря на отдельные просчеты, алтайские произведения Вс. Иванова все же являются интересными и идейно-художественным отношением. Они позволяют сделать вывод, что некоторые особенности стили замечательного советского писателя сформировались под благотворным воздействием устно-поэтического творчества алтайского народа.

Именно в алтайских произведениях Вс. Иванова вырабатывается тот своеобразный стиль, в котором правдивость и точность художественного слова сочетается с красочностью и эмоциональностью, предметность изображения с романтической приподнятостью. Цветистость, в хорошем смысле этого слова, свежесть и красочность ивановского слова — это во многом результат многолетних творческих связей художника с восточной народной поэзией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННОЙ В СТАТЬЕ

- ¹ К. Зелинский. Что дало русской литературе народы СССР. «Литературная газета», № 21, 18 февраля 1964 г.
- ² В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах, т. 1, Гослитиздат, М., 1948, стр. 36.
- ³ Там же.
- ⁴ «Литературная энциклопедия», т. II, М.—Л., 1938, стр. 36—37.
- ⁵ «Краткий словарь по этнографии», М., 1963, стр. 344.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Сб. «Слово и образ», М., 1964, стр. 165.
- ⁸ В кн. Вс. Иванова «Собрание сочинений», т. 3, ГИХЛ, М., 1959, стр. 488.
- ⁹ См. заметки К. Урманова «Наша юность», «Сибирские огни», 1965, № 3, стр. 163.
- ¹⁰ Вторая конференция по изучению советского фольклора народов Сибири 6—10 июля 1965 года в Улан-Уде. Тезисы докладов и сообщений Улан-Уде, 1965, стр. 52.
- ¹¹ «Сибирские огни», 1965, № 3, стр. 163.
- ¹² «Пришлись» (Петропавловск), 9 декабря 1916 г.
- ¹³ «Степная речь» (Петропавловск), 25 декабря 1916 г.
- ¹⁴ «Степная речь» (Петропавловск), 29 января 1917 г.
- ¹⁵ «Пришлись», 9 декабря 1916 г.
- ¹⁶ Сергей Есенин. Отчее слово. Изд. «Советская Россия», М., 1968, стр. 77—78.
- ¹⁷ Вс. Иванов. Собрание сочинений, т. 3, М., 1959, стр. 51.
- ¹⁸ М. Горький. Собрание сочинений, т. 29, М., 1955, стр. 407.
- ¹⁹ А. Галузо. Средняя Азия и Кавказстан в прозе Вс. Иванова. Автореферат кандидатской диссертации. Алма-Ата, 1965, стр. 8.

- ¹⁹ Вс. Иванов. Собрание сочинений, т. 3, М., 1959.
²⁰ Там же.
²¹ А. Галузо. Средняя Азия и Казахстан в прозе Вс. Иванова, стр. 9.
²² С. Мамаева. Алтайские сказки Вс. Иванова, В сб. «Всеволод Иванов», Омск, 1970, стр. 109—118.
²³ Там же, стр. 112.
²⁴ Там же, стр. 116.
²⁵ Там же, стр. 115.
²⁶ Корнелий Зелинский. В изменяющемся мире, М., 1969, стр. 157—158.
²⁷ Вс. Иванов. Собрание сочинений, т. 3, ГИХЛ, М., 1959, стр. 54.
²⁸ Там же, стр. 46—47.
²⁹ Там же, стр. 47.
³⁰ Там же, стр. 52.
³¹ Там же, стр. 46, 47.
³² Там же, стр. 49, 59.
³³ Корнелий Зелинский. В изменяющемся мире, стр. 158.
³⁴ Вс. Иванов, Собрание сочинений, стр. 54, 56.
³⁵ Русская советская литература. Очерк истории, М., 1963, стр. 109.
³⁶ А. Галузо. Средняя Азия и Казахстан в прозе Вс. Иванова, стр. 13.
³⁷ Павел Низовой долго жил в горах Алтая. Он писал в своей автобиографии об этом периоде: «Но самая лучшая глава вписана в мою жизнь Алтаем». Низовой создал немало произведений о Горном Алтае: «Язычники» (1923), «В горах» (1925), «В горах Алтая» (1927), «В горной тайге» (1927) и др.
³⁸ П. Низовой. В горах Алтая, М.-Л., 1927, стр. 68—69.

ХАРАКТЕРИСТИКА СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ КУМАНДИНСКОГО ДИАЛЕКТА

Настоящий очерк, завершающий описание одного из северных диалектов алтайского языка — диалекта кумандинов¹, посвящен анализу служебных частей речи. Служебные части речи, в отличие от знаменательных, не обладают вещественным значением, т. е. значением каких-либо статистических предметов или качеств, либо динамических признаков. Они служат только либо для соединения или разделения слов-понятий с реальным значением, например союзы, либо указывают на те или иные грамматические абстрактные значения.

Эти служебные грамматические значения представляют собой выражение каких-либо общих грамматических категорий, например, модальности, которая относится ко всему словосочетанию или предложению, выражающему законченную мысль, либо они представляют словоизменяемые категории, выражающие те или иные синтаксические отношения членов в составе словосочетания или предложения, например, послелоги, которые по своей функции совпадают с функциями падежей.

Следует отметить, что как в других тюркских языках и диалектах, так и в кумандинском диалекте алтайского языка все служебные части речи восходят генетически к самостоятельным словам, имеющим реальное вещественное значение. Следы этого перехода полнозначного слова с вещественным значением в служебное слово с отвлеченным грамматическим значением хорошо сохранились и в кумандинском диалекте, в котором в составе служебных частей речи можно встретить все ступени этого процесса морфологического развития слова от служебного слова, сохранившего еще одновременно и вещественное значение, до послелога, союза и частицы, утеривших уже полностью свое реальное вещественное значение и обозначающих только те или иные абстрактные, грамматические значения.

В кумандинском диалекте алтайского языка, в отличие от других тюркских языков и диалектов, служебные части речи могут быть только простые, т. е. состоять только из одного слова, например, частица понуждения *че* или послелог *бла бла* или союз *ла ле*.

Ниже мы приводим классификацию служебных частей речи в кумандинском диалекте алтайского языка и конкретное их употребление в составе словосочетания и предложения в живой речи носителей данного диалекта.

¹ Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, вып. IV, V, VI, VII, VIII.

Служебные части речи в кумандинском диалекте представлены: 1) частицами, 2) послелогами и 3) союзами.

ЧАСТИЦЫ

Частицы выражают различные оттенки значения отдельных слов и модальные оттенки предложений. По месту своему в отношении слов и предложений, к которым относятся, они могут быть разделены на две группы: а) препозиционные, т. е. находящиеся перед словом или предложением и б) постпозиционные, находящиеся после слов или предложений.

1. Препозиционные частицы

1. Частица отрицания: *чак*;

чак, сен качыр барчын кижн, нурун шап! «нет, ты гнавшийся (за мной) человек, сначала ударь!»

2. Частица понуждения: *чее, че, тье дье, нье*;

уч карындаштар айткан: че, парактар! «три брата сказали: «ну пойдете!»

чее, мен бир кижиге чийлегини сатып ибдим «ну, я и продала одному человеку ягоды»;

чее, ындаг понда, бис та бар кирере «ну, ладно, если так, и мы хотим в воду броситься».

2. Частицы постпозиционные

1. Вопросительная частица: *ба-бе, -ле-ле, -ма-ме, -май-мей*;

напр.:

ат олбоско алтын ба? эр олбоско могон бе? «разве конь золотой, чтобы ему не сдохнуть, разве мужчина серебряный, чтобы ему не умереть?»;

шыгыс кайынь — кайынь-мый (змея), салгын кирзе, чайкылачак «одинокая береза разве береза, ветер, если подует, то она закачается».

2. Частица сомнения: *не*, напр.:

кара, кара, кара куш, каракай пашына туней не? «черная, черная, черная птица, на вершину сосны разве ты сидеть ночевать?»

3. Частица подтверждения: *ок*, напр.:

барын ок чын, барын ок чын, ол ады ол паан «ехал он, ехал и эта лошадь его сдохла»;

апчийак кез ок турды, кез ок турды «старик уж рубил, рубил»;

бар ок турдылар, бар ок турдылар «шли они, уж шли»;

кун чыг ок келди «солнце уже (тоже) взошло»;

туш кирези бол ок парды «наступило уже время около полудня»;

4. Частица, указывающая на внезапность совершения действия *ла-ле, ло-ло*, напр.:

Иван корзо ло, уч паштыг тылан келчит «вдруг видит Иван — трехголовая змея ползет»;

шыгып ла келгенде «как только он вышел»;

5. Частица утверждения *тене*: напр.:

мен энъ дьерге бскен кижн болорым, тене «я вырос вот в этой пустыне»; тье, тени «ну, вот».

6. Частица отрицания *эвес*, напр.:

мында ырак эвес бир апшийак чатчыт — деп айты «здесь недалеко один старик живет — сказал он».

ПОСЛЕЛОГИ

Послелог — служебная часть речи, соответствуют русским предлогам, служат для выражения объектной связи слов в словосочетаниях и предложениях, т. е. несут те же функции, что и падежи.

По своему происхождению послелог могут быть разделены на две основные группы: 1) собственно послелог, представляющие собой застывшие формы словозменения или словообразования знаменательных частей речи и выделившиеся таким образом в словарном составе в специальном значении последогов; 2) послелог, представляющие собой изолированные формы имен и глаголов, которые, сохраняя связь с соответствующими знаменательными словами, используются параллельно и в служебном значении.

К первой группе последогов относятся следующие:

1. Послелог *бла, бле, вла, вле, пла, пле, ла, ле* напр.:

кабыш *пла таг* бокон, калап *пла суг* агар тужуида «тогда, когда гора заросла камышом, когда с шумом текла река»;

бай-кулак *пла тартыжып чыт* «он борется с баями и кулаками»;

эртеее *күи бле анъяп-суулап шыга салды тайга зал* «на другой день вышли они на охоту в тайгу»;

тулке *кижи тили вде чоктоп чүрөөн* «лиса начала говорить человеческим голосом»;

мойныны *кымыш пла кезе сокты* «мечом шею его перерубил»;

ол сага *кырык айу ла баш койуп тыат* «он тебе кланяется с сорока медведями»;

пир торсымач *пойы ла табыжы эл гарый парчыт* (комыс) «с пенек ростом, а голос его повсюду раздаётся (гармонь)»;

калак *ла кан пулужерде, сускы ла суг пулужерде болган пултыр* «это было тогда, когда по поварешке кровь делили, когда по ковшу воду делили»;

башка-башка *уиле ойноп турды* «он играл на разные голоса»;

кечик *ле кечит* «он переправился через переправу»;

кыптыжак *ла кестим* «он резал ножницами».

2. Послелог *сайын, зайын*, напр.:

ул чылап *күпү сайын чүргөн айыл зары, кижилерди апыр келип, чиген* «тот змей каждый день ходил в аул, уносил людей и ел их»;

күпүтү *зайын* «каждый день».

3. Послелог *тыаар, сары зары, за з'а, са/с'е, че*, напр.:

тенъери *тыаар сырык кададым* (тудек) «в небо жердь воткнул» (дым);

суг сары «в воду»; *үх сары* «в дом»; город *сары* «в город»;

пир царьдынь *кысыны алпаан* (алып парган) *үг сары* «он унес домой дочь одного царя»;

ул *кыс сары* учуал чүргин кушкайак «летающий к той девице воробей»;

суны (сугны) *уу зыртын зары ачыкканыр* (алып чыкканлар) «они внесли на крышу воду»;

бажын за «до его головы»;

пир бедерекс'а «в одно ведро»;

ол *апшыяк үг з'а* парып ийди «тот старик пошел домой»;

тулке *мүрелерди огорот са экелип, чап салды* «лиса отвела волков в огород и закрыла»;

аттырына ултар ал, уйин за ньаныйен и байлап кирипкан «сел на их копей, поехал домой и начал богатеть»;

бистинь кийиникбис че парды «он шел за нами следом».

4. Послелог *учун*, напр.: мен *учун* «для меня».

Ко второй группе послелогов относятся: а) послелог — изолированные формы имен и б) послелог — изолированные формы глаголов.

а) Послелог — изолированные именные формы

1) Послелог *сыртында зыртында, сыртына*, напр.:

уг сыртында тырым калаш чатчыттыр (ай) «над домом полбулки лежит (месяц)»;

уг зыртында чаарым калач чаатчыт «над домом полхлеба лежит (месяц)»;

алыг карындажы кеве сыртына чаткан «глухой брат лежал на печи»;

2) Послелог *аразында, аразына арасына*, напр.:

атач аразында элбир-салбыр кижиге тур тыт (палтырган) «между деревьев оборванный человек стоит (дятель)»;

пир катан ашыяач анына парган чыш арасына «однажды старик пошел в лес охотиться»;

ол агаш арасына парган чийлек сагара «он пошел в лес собирать ягоды»;

3) Послелог *ортосында, ортозында*, напр.:

пир катан Машпарак кыра ортозында кыра кескен «однажды Машпарак жал хлеб среди пашни»;

айылдынь ортозында «среди анла»;

4) Послелог *кыйында, кыйынджы, кыйында алдында*, напр.:

айрынь/айырдынь/кыйынында «около излучины реки»; айынынь, кыйынджынь Он акчыт «около анла течет Бия»;

сугынынь кыйында «около реки»;

уг адында «около дома»;

5) Послелог *ичинде (ижинде), иджинде, ичине (ичине), иджине*;

угынынь ичинде «в доме»;

тегрининь ижинде шаган коп «на небе много звезд»;

угынынь ичине «в дом»;

6) Послелог *кадында, кадында, напр.*

таштынъ кадында «под камнем»;

бирси качып, дьер кадында туже берди «один из них, убегая, ушел под землю»;

7) Послелог *ташында* «вне» (тыш + янда «во внешней стороне»);

8) Послелог *кейинде*, напр.:

угынынь кейинде «за домом»;

9) Послелог *тбзінде*, напр.:

угынынь тбзінде «у основания дома»;

10) Послелог *бажында/пашында, бажына*, напр.:

уч айдынь бажында «в конце третьего месяца, в течение трех месяцев, на три месяца»;

орынынь пажында отыс кубе салдым «у изголовья скамейки тридцать колец положил»;

чар бажында «на берегу»;

бир чыл бажына «в конце года, через год»;

11) Послелог *ордына/орына*, напр.:

Челбенец канты корас, Машпарактынъ ордына ирик один полды «посмотрел Делбенец, а вместо Машпарака оказались гнилые дрова»;

пойнынынь ордына ааптынынь углы салып паглап салган «вместо себя он сунул сына священника (в мешок) и завязал его»;

анъ орына «вместо него»;

12) Послелог *башка, бске*, напр.:

нектень башка «кроме коровы»;

угдынь башка (бске) «кроме дома»;

13. Послелог *керенде* (*керегинде*), напр.:

угиниъ керенде «о доме»;

анъ керенде «из-за него»;

14. Послелог *тьерине*, напр.:

город тьерине апарганар «отвезли в город».

15. Послелог *нъанда*, напр.

эжик нъанда «около двери».

б) послелоги — изолированные формы глагола.

1. Послелог *дъеде*, *четре* *четыре*, напр.:

тайызына дъеде бартыр «доехали до дяди»;

киитик четре черге туже берген «ушел до пупа в землю»;

энтэе четыре «до подбородка»;

2. Послелог *чыгара*, напр.:

Кан-кылыш тоиъ дьерге тенти, тобыкка чыгара тьетти «Кан-кылыш
пнул мерзлую землю, до колена увяз»;

3. Послелог *айлантыра*, напр.:

уг айлантыра аргымча тартым (пириске) «кругом дома веревку
протянул (мох, которым конопатят дом)»;

4. Послелог *утура* *удура*, напр.:

ага удура эки кижн келген «навстречу ему попали два человека»;

5. Послелог *ажыра*, напр.:

эки карындаш тьол ажыра тьаттылар «два брата через дорогу
жили»;

6. Послелог *кирези*, напр.:

бу дьерге уч кун кирези тынанар керек «на этом месте надо отдох-
нуть около трех дней»;

7. Послелог *болып*, напр.:

тегри болып кизреп чыкты, тебир болып чылдырап келди «как
небо загремело, как железо зазвенело»;

8. Послелоги *ош*, напр.:

пал (а) ош кижн «как ребенок»;

тайым кызы тай эчим ош таштабын алайын «как двоюродную сест-
ру по матери я не брошу тебя, я возьму тебя».

СОЮЗЫ

Союзы — служебная часть речи, выступают в качестве средства
связи слов, словосочетаний и предложений.

В кумандинском диалекте союзы развиты весьма слабо и представ-
лены только соединительными и противительными союзами:

Соединительные союзы:

1. Союз *да* *де*, *та* *те*, напр.:

ай гына эрти (эртти), эки ай да эрти, уч ай да эртеверди «и месяц
прошел, и два месяца прошло, и три месяца проходят»;

ол айрыныиъ дьагазында бир та кончыт, эки да кончыт, уч та кон-
чыт «на берегу слияния этой реки и одну ночь и другую и третью но-
чует»;

2. Союз *ла* *ле*, напр.:

кастар ла турналар уче берди «гуси и журавли улетели»;

ванасы ла кысычак «мать и дочка»;

куртыйач ла апчыйач тьатканар «жили были старик и старуха»;

3. Союз *и* (заимствован из русского языка), напр.:

ол барган кырныиъ ойан заа кара атты ал алгаи, минаан и бар чын
«он пошел на ту сторону горы, взял вороного коня, сел и поехал».

Противительные союзы

1. Союз *а* (заимствован из русского языка), *деге*, напр.:
эки карыдаштары керсиг болгон, а учинчиси *деге* алыг болгон
«два брата были умные, а третий был глупым»;

Чильбесиниъ эди куйгач, а соги *деге* чышка чугуре берген «мисо
Дельбегена сгорело, а его кости убежали в лес»;

2. Союз *че*, напр.:

мен унънам, че келбедим *я* знал, но не пришел»

О ПРЯМОМ ДОПОЛНЕНИИ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Как давно уже отмечено в тюркологии, направленность действия глагола на прямое дополнение в предложении алтайского языка реализуется двумя формами дополнения: 1) аффиксальной и 2) нулевой¹.

Вопросу раскрытия причины бытования двух форм прямого дополнения при переходном глагольном сказуемом в тюркских языках было уделено немало внимания авторами как дореволюционной, так и современной тюркологической литературы. Почти все они объяснение двойности прямого дополнения сводят к грамматической определенности и неопределенности предмета. При этом в понятие определенности вкладывается осведомленность, а в понятие неопределенности — неосведомленность говорящего о предмете в момент речи. Эти наблюдения в какой-то мере проливают свет на осмысление такого своеобразного синтаксического явления в тюркских языках.

Рассмотрим эти две формы прямого дополнения в алтайском языке.

ПРЯМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ В НУЛЕВОЙ ФОРМЕ

Связь прямого дополнения со сказуемым может осуществляться без аффикса винительного падежа. Строгий порядок расположения слов играет здесь решающую роль: прямое дополнение занимает место непосредственно впереди сказуемого.

В тюркологии стало традицией рассматривать синтаксическую роль основы слова, выступающего прямым дополнением без аффикса винительного падежа, как атрибут, модификатор или усилитель действия переходного глагольного сказуемого. Такому взгляду во многом способствовали грамматические выводы зарубежных ученых — О. Бётлингга и К. Грёнбоха.²

Иногда отмечают, что аффиксальная и безаффиксальная форма прямого дополнения в тюркских языках служит разграничению категорий одушевленности и неодушевленности или же, согласно другому мнению, разграничению категорий лица и вещи, наподобие русского: Я вижу девочку — Я вижу цветок.

В первом предложении прямое дополнение девочку — одушевленное, в форме родительного падежа; во втором — прямое дополнение цветок — неодушевленное, оно выражено основой слова, представляющей безаффиксальную форму винительного падежа.

В предложении алтайского языка в отличие от русского категории лица и вещи совершенно нейтральны к показателю падежной формы

слова, выступающего прямым дополнением при переходном глагольном сказуемом: сравни. Мен аркада койон кордим «На горе я видел зайца». Мен бугун кинофильм кордим «Сегодня я смотрел кинофильм».

Некоторые тюркологи основным условием бытования в предложении прямого дополнения в безаффиксальной форме выдвигают местоположение его непосредственно перед сказуемым, как определителя действия сказуемого, т. е. функция прямого дополнения с управляемым глагольным сказуемым почти приравнивается к функции имени, которое несет смысловозначительную нагрузку при вспомогательном или служебном глаголе. Имя в этом положении тесно входит в синтаксический состав сказуемого и неотделимо от него в рамках данного сочетания. Энем үредүчи болды «Мама была учительницей». Энем уй саачы болды «Мама была дояркой».

В этих примерах изменение именного компонента — в первом случае — *үредүчи*, во втором — *уй саачы* — с необходимостью влечет за собой перемену смысла (значения) сказуемого.

Но: Бис койон уктыбыс «Мы слышали песню». Бис кыйгы уктыбыс «Мы слышали крик». В этих двух предложениях замена прямого дополнения при одном и том же переходном глагольном сказуемом ничуть не изменило семантику данного сказуемого «уктыбыс». Естественно возникает вопрос: что общего и отличительного в этом положении между именным компонентом составного сказуемого и прямым дополнением при переходном глагольном сказуемом?

Общие признаки

1. Прямое дополнение имеет самостоятельное фразовое ударение, также как именная часть составного сказуемого, хотя ударение прямого дополнения более сильное, чем ударение именного компонента составного сказуемого.

2. Имя как в первой группе сочетания, так и во второй может иметь при себе определение.

3. Непосредственное сочетание со сказуемым.

Отличительные признаки:

1. Прямое дополнение закрепляется в качестве члена предложения свойством переходности глагольного сказуемого, которым в свою очередь и вызвано к синтаксической реальности (связи). Короче говоря, прямое дополнение является членом предложения, а имя при вспомогательном (или служебном) глаголе тесно примыкает ко второй части сочетания — вспомогательному (или служебному) глаголу и вместе с ним составляет один член предложения — сказуемое.

2. Имя в нулевой форме винительного падежа (называет) указывает на внешний объект, который свойством переходности действия глагольного сказуемого синтаксически стабилизируется в качестве прямого дополнения.

Замена различных по смыслу прямых дополнений в нулевой форме при одном сказуемом не оказывает какого-либо влияния на его содержание. При изменении же именного компонента составного сказуемого последнее приобретает абсолютно новое вещественное выражение: сравни. үредүчи болды «стала учителем», уй саачы болды «стала дояркой».

Кроме сказанного, прямое дополнение в нулевой форме никак нельзя уподоблять определителю сказуемого, т. к. прямое дополнение в нулевой форме является полноценным членом предложения, обладающим информационной и функциональной самостоятельностью. Посред-

ством прямого дополнения в нулевой форме отмечается прямой объект из окружающего мира материалом языка прежде всего потенциально (виртуально), а глагольное сказуемое с переходным действием связывает подлежащее с прямым дополнением, т. е. устанавливает вообще объект в вещественном различии, а в других случаях реализует процесс протекания действия над объектом, который выступает аффиксально выраженным прямым дополнением в винительном падеже, во временном плане, лицево-представлении, числовом выражении, определенном наклонении. Итак, как прямое, так и косвенное дополнение вообще выражает собой самостоятельное, разноплановое поле для приложения действия подлежащего. Поэтому рассматривать прямое дополнение как придаток, модификатор или усилитель переходного глагольного сказуемого, на наш взгляд, неправомерно. Ибо замена прямого дополнения в нулевой форме при одном и том же управляемом переходном глагольном сказуемом несколько не изменяет значения самого действия сказуемого.

Функция прямого дополнения в нулевой форме винительного падежа обусловлена несколькими важнейшими моментами.

В прямом дополнении выражением основной слова в нулевой форме винительного падежа, передается идеально, словесно выраженная (материализованная) субстантивная сущность предмета как объекта воздействия со стороны деятеля.

Причина функционирования прямого дополнения в нулевой форме винительного падежа при переходном действии глагольного сказуемого коренится, надо полагать, в законах отражения внешнего мира в мышлении человека. Это отмечалось и составителями первой «Грамматики алтайского языка» (1869, Казань).

Прежде чем оперировать каким-либо объектом носитель языка в своей мыслительной и речевой деятельности понятийный образ того или иного внешнего объекта словесно выделяет посредством переходного действия глагольного сказуемого. Такое дополнение несет в себе обобщенное понятие предмета, явления, события, процесса и т. д. материального мира. Человек, опираясь на известный общественный языковой опыт, абстрагируется нулевой формой основы слова в винительном падеже.

Прямое дополнение в нулевой форме воплощает отвлеченное (словарное) понятие предмета (объекта), заключающего в себе одновременно значение отдельного и общего. Это двустороннее единство любой вещи, явления в природе в прямой зависимости от обуславливающего синтаксического окружения закономерно проявляет то одну, то другую сторону явления (вещи и др.) В связи с этим можно сказать, что в случае прямого дополнения в нулевой форме винительного падежа значение общего (в нем) как бы превалирует над (значением) отдельным. Поэтому индивидуализация предмета посредством подчеркивания его внешних или внутренних свойств, сторон и т. д. делает его частным, индивидуальным, отдельным, единичным, конкретным и, соответственно, выделяет его из родового класса предметов, вещей.

Прямое дополнение в нулевой форме винительного падежа формально (внешне) тождественно с именами в форме основного падежа, которые выполняют роль подлежащего. Дополнение (второстепенный член) и подлежащее (главный член) базируются на общих грамматических категориях, на категориях имен. А имена (слова) обобщенно выражают предметы, факты, события, явления, процессы и т. д. объективного мира. В этом заключается морфологическая, внешняя схожесть подлежащего — главного члена и дополнения — второстепенного члена².

Но не может быть никакой речи о тождественности этих падежных

форм по их роли или функции в предложении: в роли главного члена — подлежащего — выступает имя в форме основного падежа, а в качестве второстепенного члена — прямого дополнения функционирует имя в нулевой форме винительного падежа. Естественно, что имя, стоящее в именительном или винительном падеже при информационной необходимости взаимобратимы по синтаксической функции в предложении в силу своей категориальной общности.

На факте существования в составе предложения двух форм (нулевой и аффиксальной) прямого дополнения при переходном глагольном сказуемом выявляется двуплановое свойство реализации значения переходного действия глагольного сказуемого.

Первое свойство: глагольное сказуемое со значением переходности действия устанавливает в роли прямого дополнения имя в нулевой форме винительного падежа, которое указывает на объект вообще.

Значение переходного действия глагольного сказуемого в этом случае обуславливает выделение прямого дополнения в потенции (или виртуально), но не непосредственно. Глагольное сказуемое не развертывает свое переходное действие на прямое дополнение (в нулевой форме винительного падежа), а лишь стабилизирует его в синтаксической роли, подчеркивая словесную форму выражения общего понятия о предмете-объекте.

Второе свойство: глагольное сказуемое со значением переходности отмечает видоизменение прямого дополнения в результате приложения активного воздействия подлежащего на дополнение, субъекта на объект. Прямое дополнение в этом случае, как правило, выступает в аффиксальной форме винительного падежа.

В прямом дополнении в нулевой форме винительного падежа сконцентрировано несколько обобщающих сторон: 1) философская (значение отдельного и общего)¹, 2) логическая, 3) грамматическая (многоаспектная) и др.

До сих пор многие тюркологи вслед за Н. Ф. Катановым причину функционирования двух форм прямого дополнения выводят из вторичного языкового порядка, из определенности или неопределенности предмета (объекта)².

Но еще сто с лишним лет назад составители «Грамматики алтайского языка» указали на причину употребления «неоформленного прямого дополнения», усмотрев ее лишь в «способе представления», тем самым положив начало для творческой детализации рассматриваемого языкового явления на синтаксическом уровне многим последующим поколениям тюркологов. Например, формулировку «личного взгляда говорящего или пишущего» мы встречаем в трудах П. М. Мелноранского.³

В своем «Синтаксисе казак-киргизского языка» П. М. Мелноранский особо выделяет «винительный восклицания», употребляющийся в тех случаях, когда хотят выразить изумление, восхищение, удивление по поводу состояния какого-либо предмета или с сожалением вспоминает о нем и т. д., то название этого предмета ставят в винительном падеже с притяжательным аффиксом 3 лица, например, алымай тэттиһин ай! «Батюшки — светы, как вкусно!»

Подобный «винительный восклицания» широко употребителен и в алтайском языке: срави.

I лицо мениг теһегимди! «ну и глуп же я (оказался)!»

II лицо сениг теһегимди! «ну и глуп же ты (оказался)!»

III лицо оның теһегимди! «ну и глуп же он (оказался)!»

«Винительный восклицания» особенно употребителен в форме третьего лица: Ба-таа, изүһини! «Ну и жара же!». Ба-таа, тайганиг жаражыңи! «О боже, какая красивая тайга!». Бу сууның соогыңи! «Какая холодная эта река!»

В общей тюркологии есть другая попытка объяснения функции двух форм прямого дополнения по признаку личности и вещи⁷, основанная на том взгляде, что в древнейший период категории определенности и неопределенности не были развиты в такой широкой степени, как сейчас, и якобы в тот период прямое дополнение (объект) оформлялось винительным падежом, главным образом по признаку «личности» и «вещи».

На наш взгляд, такая трактовка различия двух форм прямого дополнения не соответствует грамматической действительности тюркских языков, ибо предмет живой или неживой в словесной форме выражения не имеет морфологической специфики в падежных аффиксах, которую мы наблюдаем в языках иного строя.

Некоторые исследователи видят в безаффиксальном прямом дополнении форму основного (именительного) падежа Н. П. Дыренкова в своей «Грамматике ойротского языка»⁸ обе формы прямого дополнения рассматривает как формы винительного падежа. Такое понимание не расходится с общим положением первой «Грамматики алтайского языка» (Казань, 1869). Исследователь алтайского языка Т. М. Тоцакова также выделяет две формы винительного падежа прямого дополнения⁹.

По данному вопросу автор придерживается общих лингвистических положений своих предшественников.

Итак, по мнению автора, причиной функционирования в предложении алтайского языка (равно как и в других тюркских языках) двух форм прямого дополнения в винительном падеже прежде всего является двустороннее единство (отдельного и общего) каждого явления мира, абстрагируемое на языковом (синтаксическом) уровне, соответственно, с одной стороны, в форме прямого дополнения, маркированного аффиксом винительного падежа (отдельное, индивидуальное, конкретное), с другой стороны, прямым дополнением в нулевой форме в винительном падеже (общее), что закрепляется в свою очередь свойством переходности глагольного сказуемого.

Приведем примеры на прямое дополнение в нулевой форме.

1. Прямое дополнение в нулевой форме выступает тогда, когда объект действия в предложении обозначается именем в общем понятийном виде¹⁰. Таковыми выступают формы слов, выражающие различные категории лиц:

Киндик айылына улус жууп алган (М. Э.) «Киндик собрал у себя народ». Бис ого орус сыргалдын таап берерибис (М. Э.) «Мы ему найдем русскую невесту». В приведенных примерах прямым дополнением в нулевой форме винительного падежа стоят словоформы — улус, сыргалдын, передающие значение категорий лиц: народ, невеста.

2. Прямым дополнением в нулевой форме винительного падежа широко выступают словоформы с семантикой живых и неживых предметов: Торт кизи тоо кодурет (загадка) «Четыре человека поднимают верблюда». Күски кар ан коргүзөр «Осенний снег покажет (следы) зверя». Жалбак обогон жер жалайт (загадка) «Плоский старик лижет землю». Кезикте Жалза деремнеге сводка жетирип жүргөн Шурала база курсак берип ирет (Э. П.) «Иногда Дьалаа передает еду и через Шуру, приезжающую в деревню со сводкой». Сыргаш сүүнчилү каткырып, кулур тудуп, теертпек каарып турды (Ч. Ч.) «Сыргаш, весело улыбаясь, месила тесто, пекла лепешки».

3. Прямое дополнение в нулевой форме со значением лица может иметь при себе определение:... Жеригерден бокко кизи бедрегер (АЛЧС.) «... На своей родине найдите сильного человека».

4. Прямое дополнение в нулевой форме может быть с показателем абстрактного множества: Же, кандый солундар угуп келдинг? (Ч. Ч.) «Ну, какие новости ты слышал?». Ол Сүмеге кингалар сыйлап берди (К. Т.)

«Он подарил Сюме книги». Мен барын срколор ададим (К. Т.) «Пойду-ка я стрелять сусликов».

5. Предметное прямое дополнение в нулевой форме винительного падежа может быть с определением: Бис онын учун Акчамайга алтын акча, изулу гүлүк бергенис (Ч. Ч.) «Мы за нее (невесту) Акчамаю дали золотые деньги, шкуру лисы с клыками». Татьяна Сергеевна камык бииттер эжелди (Н. О.) «Татьяна Сергеевна принесла уйму биитов».

6. Слово бир «один», «какой-нибудь», употребляясь в качестве определения перед прямым дополнением в нулевой форме винительного падежа, привносит следующие семантические особенности:

а) выделяется объект (дополнение) из ряда однородных предметов и явлений внешнего мира: вносится отглагольное отдельное (из общего); примеры: Сен мете бир журнал экол «Принеси мне (какой-нибудь) журнал»;

б) слово бир выражает неосведомленность говорящего или неопределенность самого объекта действия:

Кече мен суреси жараш бир киз бала көргөм «Вчера я видел одну очень красивую девушку». Из примера видно, что местоположение определения в форме слова бир в более тесном сочетании с определяемым словом, чем другие определения. А если слово бир в функции определения отдалится от определяемого присутствием других определений между ними, то определительный смысл меняется из неопределенного в показатель количества чего-то:

Ол бир таар кулур, талима бөк эжелди (Ч. Ч.) «Он привез один мешок муки, плотной ткани». Тыдыков онын терлү алакадарына бир уун мөнгүн акчалар урун береле, чакы јлар тееркештү базв берди (А. К.) «Тыдыков, насыпав горсть серебряных монет в его потную ладонь, важно зашагал к коновизи». Из примеров видно, что прямое дополнение в нулевой форме винительного падежа выражает значение штучного членения из общего. В этом случае слово бир является показателем количественного определения предмета (объекта-дополнения).

7. Наименование времени протекания действия сказуемого также не оказывает никакого влияния на оформление прямого дополнения:

Энези чай собирып турды (К. Т.) «Мать ее помешивала чай» (прош. вр.). Кыстар... сурекей көп маралынктер эжелгилейт (Л. К.) «Девушки несут очень много маралынков» (наст. вр.). Мен эки суску суу ичерим (Л. К.) «Я выпью два ковша воды», (буд. вр.)

ПРЯМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ В АФФИКСАЛЬНОЙ ФОРМЕ

В алтайском языке аффиксом винительного падежа оформляются собственные имена людей, их прозвища, псевдоним, клички животных, личные местоимения, слова с притяжательным аффиксом.

1. Собственное имя по назначению и употреблению призвано выделять, индивидуализировать отдельное лицо из общего коллектива людей:

Таный ачынала, Карабапты лицейказыла сокты (Л. К.) «Таный, рассердившись, ударил Карабапа своей линейкой». Бу сен Аланды бугүн не торсыктап туруң? (Э. П.) «Что же ты сегодня Алана преследуешь?». Сен бугүн «Алтайдын Чолмоны» газетти кычырдың ба? «Читал ли ты сегодня газету «Алтайдын Чолмоны»?». Революция ак-кавиды ширезинег аңтарган (Ч. Ч.) «Революция свергла с престола белое (временное) правительство».

Ол каанды, байларды јамандап, нени айтты? (Ч. Ч.) «Что он сказал, ругая царя и богачей?»

Поэтому оно всегда оформляется аффиксом винительного падежа.

2. Личные местоимения по своей семантике относятся к словам определенным. По этой причине они также оформляются аффиксом винительного падежа:

Менинг черуэм тышкары мени сакип јат. (Л. К.) «Мое войско на улице ждет меня». Мен сени сакибадим (А. О.) «Я тебя не ждал».

Аффиксация местоименного прямого дополнения винительного падежа обусловлена тем, что посредством местоимений (мен, сен, ол) выделяется индивидуум из общества людей, который соотносим в речи в трех грамматических лицах (и обоих числах). А поскольку в речи местоимение в силу своей заместительной особенности очень употребительно, то на практическую языковую поверхность выступает его максимальная конкретность.

3. Оформление прямого дополнения аффиксом винительного падежа обязательно при его изафетной связи полной и неполной. Сен база ла менинг тельняшкамды кибип алгап ба? (Л. К.) «Ты опять надел моку тельняшку?». Сергейдинг унип угала, Карабаш кууи-кучјок анаар басты (Л. К.) «Услышав голос Сергея, Карабаш нехотя пошел туда». Мен адамниг мылтыгын алып јуредим (Э. П.) «Я буду носить отцовское ружье». Кајран энемниг талкаиду чайынын татузын мен ол тушта санаганм (С. М.) «Я тогда вспоминал, как вкусен чай с толокном милой моей мамы». Олор Төрбалин барып корыыр, ёскби јерни санапар (С. М.) «Они будут охранять свою Родину и будут скучать по родным местам». Ол озогизын коскорот (С. М.) «Он рассказывает о старой жизни»...

4. Когда подчеркивается нечто редкое, исключительное, прямое дополнение также оформляется аффиксом винительного падежа: Ёору ёоруни јибес (посл.) «Волк волка не съест». Ёит кискени корбос «Собака кошку не любит».

5. В пословицах, поговорках и загадках оформленное прямое дополнение встречается чаще всего в начале предложения. Здесь особо подчеркивается значимость прямого объекта: Јерди ак кебис ёуркеди (загадка) «Земля покрылась белым ковром». Ёшти тилле утпей, колло эт (посл.) «Дело делай не языком, а руками». Кара келди муи кижн карайт (загадка) «В черное озеро заглядывают тысяча людей». Кижн эткен ишти кем де иштеп салар (М. Э.) «Каждый может выполнять работу, которую делает другой (человек)».

6. Употребление оформленного винительного падежа также может быть обусловлено семантикой управляемого глагола в функции сказуемого, которое входит в объектное отношение с именами существительными, по значению связанными с человеком:

Олор јавиды тообос боло берди (Ч. Ч.) «Они старшего перестали уважать». Эне-аданы кижн канайп ундыыр «Как же можно забыть своих родителей?».

7. Дополнение принимает аффикс винительного падежа, если переходный глагол имеет значение «наблюдать»: Карабаш кознёктён кишкы оромдорды ајыктап отурат (Л. К.) «Карабаш из окна наблюдает за зимними улицами». Энем јанганча балдарды коруп отур «Пока мать не вернется, следи за детьми».

8. Прямое дополнение оформляется аффиксом винительного падежа, если переходность действия глагольного сказуемого в полноте охватила объект прямого воздействия: Јаан јалкынду, кукёртту јанмыр ончо улусты ойгоскон (Э. П.) «С яркими молниями и раскатами грома дождь разбудил всех людей». Бригадир бастыра малды јууды «Бригадир собрал весь скот».

9. Если в одном предложении два прямых противопоставленных дополнения (в винительном падеже), то первое из них, выражающее

индивидуализированный (конкретный) прямой объект, бывает оформлено аффиксом винительного (падежа). Подобное явление бывает и при усиленном отрицании: *Je Суртаев бычакты албай салала, карма-нынан кайчы чыгарды (А. К.) «Но Суртаев не стал брать нож и вытащил из кармана пожинцы». Тураны кыштап озо тудун болбой салдыс «Мы не сумели построить дом до наступления зимы».*

10. При одном переходном глагольном сказуемом может быть два синтаксически разноплановых дополнения — косвенное и прямое: *Мен кырганы слерге бергем «Я книгу дал вам». Дополнение слерге «вам» — косвенное в форме дательного падежа.*

11. Прямое дополнение с уточняющими словами типа *ол «тот», бу «этот», ту, туку «он»* имеет аффикс винительного падежа: *Сен бу атты минерниг «ты сидешь на эту лошадь». Ол бичикти кычар «читай ту книгу».*

12. При вопросительных и восклицательных предложениях прямое дополнение употребляется преимущественно с аффиксом винительного падежа. *Санай, сен кичин-качан јеекенди кордин бе? «Санай, видел ли ты когда-нибудь росомуху?» Бүгүн ишти калга чакта божодорыс? «В котором часу мы кончим сегодня работу?» И татай, јаланды корор кууим јок! «Тьфу, ненавижу змею!» Ба-чаалда, ырысты канын ички-нын ийдиг! «Вот тебе раз, как же ты упустил (такое) счастье!» Имена существительные (обозначающие предметы, разделимые на части) в форме исходного падежа в сочетании с переходным глагольным сказуемым выражают значение прямого объекта, но не полностью, а частично, так как только часть от целого подвергается реальному воздействию сказуемого. Здесь мы видим замену формы винительного падежа исходным, ибо речь идет лишь о части целого предмета, на который переходит действие глагола.*

Профессор Убрятова Е. И. тонко заметила это грамматическое смещение значения прямого дополнения в форме исходного падежа имени существительного при переходном глагольном сказуемом в предложении ряда тюркских языков¹¹. Наблюдения Убрятовой Е. И. подтверждаются фактами древнетюркских памятников¹².

Прямое дополнение при переходном глаголе в повелительной форме

Примеры: *Слер анчадала алтын-мөгүштен кында эжелер (АЛЧС) «Вы особенно побольше принесите золота, серебра». Кала жыгнан берин «Поделись своим хлебом».*

Таким образом, следует особо отметить, что винительный прямого дополнения¹³ скрыто передает значение претерпевания воздействия субъекта на часть объекта (чаще всего) с вещественной семантикой.

Прямое дополнение при других формах глагола

Мен стакандагы сүтти ичин салдым «Я выпил молоко, которое было в стакане». Аладырбас, озор эгиргерин эттен кайнадып јип алар «Ничего, к вечеру они сварят мясо и покушают». Анчыбай айактагы чайын мендей-шигдей ичин ийеде, айагын туура тургузып койды (Ч. Ч.) «Анчыбай, поспешно выпив свой чай, отставил чашечку в сторону».

Итак, ясно прослеживается синтаксическая близость в передаче понятия части от целого в этих двух падежных — винительного и исходного—формах прямого дополнения. Разница лишь в том, что в винительном падеже в синтаксической роли прямого дополнения передается

объект, прямо подвергающийся воздействию, форма же исходного падежа подчеркивает, что действие переходит лишь на часть предмета.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЯ

ААЧС — Алтай албатынын чүмдү сөстөри

А. К. — А. Коптелов

М. Т. — М. Теркин

Л. К. — Л. Кокышев

М.-Э. — Мувдус-Элоков

Н. О. — Н. Островский

посл. — пословица

С. М. — С. Манитов

Ч. Ч. — Чалчик Чунижеков

Э. П. — Эркемен Палкин

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- ¹ О. П. Суник. Проблема аттализации в алтайских языках. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. Изд. вост. лит., Москва, 1960, стр. 8.
- ² O. Wählings. Über die Sprache der Janten СПб, 1851, стр. 220.
- ³ K. Grönlisch. Der türkische Sprachbau. Kopenhagen, 1936, стр. 166.
- ⁴ О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958.
- ⁵ Н. Ф. Качкин. Опыт исследования урянгайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, стр. 78.
- ⁶ Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской духовной миссии, Казань, 1869, стр. 139.
- ⁷ П. М. Меллерманский. Синтаксис казак-киргизского языка. Ч. II, СПб, 1898, стр. 15.
- ⁸ Э. В. Севортян. Прямое дополнение в турецком языке. Вестник МГУ № 12, 1948, стр. 81—105.
- ⁹ Н. П. Дырдакова. Грамматика ойротского языка. Изд. АН СССР, М.-Л., 1940, стр. 245.
- ¹⁰ Т. М. Тошаклова. Грамматика ойротского языка. Новосибирск, 1938, стр. 50.
- ¹¹ Н. З. Гаджиева. Основное пути развития синтаксической структуры тюркских языков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 1970, стр. 22.
- ¹² Е. Н. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. М.-Л., 1950, стр. 134.
- ¹³ А. С. Аманжолов. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников, Москва, 1969, стр. 16, 44.
- ¹⁴ Е. Н. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. Изд. АН СССР, М.-Л., 1950, стр. 118.

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ В ТОПОНОМАСТИКЕ

(На материале алтайского языка)

Семантическая классификация в топонимике является, в известной мере, более трудной, чем структурная. В ней много неопределенности и субъективизма, потому что топоним как имя собственное обладает рядом специфических черт, детальное рассмотрение которых выводит исследователя-лингвиста за рамки не только топонимистики, но и лингвистики вообще и обращает его то к утихающим, то к усиливающимся спорам о том, используется ли имя собственное как «ярлык (label)» или же оно произвольно (arbitrary), имеет ли собственное имя прямое или подразумеваемое значение (meaning or connotation), имеют ли собственные имена больше значения, чем другие знаки, или о том, что собственные имена индивидуальны.

На этой широкой дискуссии о природе имен вообще и топонимов в частности мы не имеем возможности остановиться, так как она выходит за рамки топонимистики, но тем не менее сложность природы топонима должна быть, на наш взгляд, учтена при любом его анализе. Было бы очень соблазнительно при классификации имен отмежеваться от экстралингвистических систем, но в этом случае и получается та «сортировка» названий «от растений», «от животных», «от почвы», «от истории», которую так категорически отвергает В. А. Никонов¹.

При семантическом анализе, как нам представляется, должны быть найдены ответы на два основных вопроса: 1) каково значение апеллятива, положенного в основу наименования, 2) каким образом реальное содержание объекта соответствует взятому для его обозначения апеллятиву. Речь, безусловно, пойдет лишь о мотивированных именах, тех, что сохранили до настоящего времени живую внутреннюю форму. Ответы на поставленные вопросы можно получить лишь с учетом экстралингвистической стороны их решения. Ответ на первый вопрос содержит два плана: 1) для наименования был взят признак самого географического объекта или связанная с ним определенная ситуация, действие и т. д.; 2) в основу наименования положена деятельность человека, его быт.

Действительно, значительная часть тюркских гидронимов и оронимов Горного Алтая образована от апеллятивов, обозначающих признаки самих географических реалий. Из большого количества признаков предмета, вовлеченного тем или иным образом в практическую деятельность человека, для многих алтайских топонимов был взят такой, который на данном этапе развития человеческого коллектива оказался самым

существенным в объекте и поэтому был выделен и закреплен в названии. Если географический объект сам непосредственно и в течение довольно длительного времени служил удовлетворению какой-то одной практической потребности населения, то этот факт в любом своем варианте и закрепился в названии. Связь кочевого алтайца с природой, его зависимость от нее была почти безграничной, и это не могло не отразиться на процессе номинации. С другой стороны, если объект служил удовлетворению нескольких потребностей человека, то для номинации была выделена самая важная. В том и другом случаях название отражает практическую потребность человека в объекте. Если же реальность входила в жизнь человека периодически, не постоянно, не непосредственно, то в основу наименования мог быть положен любой признак, оказавшийся замеченным, часто даже и не связанный с практическими интересами общества или связанный с ними опосредствованно. Есть реалии, которые служат разным и многим практическим потребностям, но существует в природе масса не названных объектов только лишь потому, что они никаким образом не используются человеком.

Семантическая классификация проводится нами на материале гидронимии и оронимии, названия населенных пунктов представляют собой обособленную группу, для которой требуется и иное решение. Существуют и вполне допустимы случаи, когда объекты получают наименования по совсем несущественному признаку, случайному обстоятельству и т. д., но в тюркской топонимии эта группа немногочисленна.

Другая часть объектов имеет названия, соотносимые с деятельностью человека и его бытом не потому, что они оказались вовлеченными сюда благодаря своим географически обусловленным признакам, а потому, что человек назвал эти реалии, перенес на них различные стороны своего быта и труда. В этой группе объектов не обнаруживается такой прямой и непосредственной связи предмет — его признак, как в первом случае. Здесь труднее ответить на вопрос, почему так названо, а связь между реальным содержанием объекта и его именем установить невозможно. Так, жизненная практика не только создает необходимость номинации объектов, но и сама находит отражение в названиях. Алтайцу нужно было дать такое имя объекту, чтобы, с одной стороны, выделить его из числа других, ему подобных, а с другой стороны, чтобы в названии иметь определенную информацию об объекте, столь необходимую при кочевом образе жизни. Что нужно было указать в географических названиях кочевнику-скотоводу? Наличие или отсутствие пастбищ, возможность выпаса на этом месте определенного вида животных, путь к пастбищам, наличие или отсутствие солонцов, травяной покров, возможности укрытия во время непогоды, наличие или отсутствие определенного вида растений, животных в данном месте и т. д.

При семантическом анализе мы выделяем две большие группы: топонимы, отражающие 1) непосредственную и 2) опосредствованную связь географических объектов с практической деятельностью человека. В первую группу включены названия, образованные от апеллятивов, обозначающих признаки самих реалий (с практической информацией о них), а также названия, образованные от апеллятивов, не содержащих какого-то реального признака самого объекта, а данные ему по ассоциации с предметами быта, действиями человека. Следовательно, процесс номинации оказывается для этой группы двусторонним: практическая деятельность вызывает к жизни потребность назвать объект, выделив в нем тот признак, благодаря которому он и оказался вовлеченным в круг интересов человека, а, с другой стороны, топонимия, как зеркало, отражает интересы общества, материальные и духовные, перенесенные на природу по ассоциациям или другим причинам.

1. Топонимы, отражающие непосредственную связь географических объектов с практической деятельностью человека, включают:

1) имена, содержащие информацию об основном занятии населения — скотоводстве (о животных и связанных с ними определенных действиях, помещениях для скота, о грунте, об источниках — их наличии или отсутствии, температуре воды, ее вкусовых качествах и т. д.): лог Байтал жиген (и. п. Камай) («кобылица ела»), г. Кажан (и. п. Усть-Кян) (*кажаган* «хлев, скотный двор»), р., лог Кујурлу меес (и. п. М. Яломан) (*кујур* «солонцовый грунт земли, солончак», ср. монг. худжир, дужир «солонец, мокрый солончак с выступившей на поверхность солью» + меес «солнечная сторона горы»), лог, г. Марчалу (и. п. Камай) (*марча* «солонцовый грунт земли»), дол. Тожог (и. п. Кош-Агач) («гололедица, ледник на горе»), лог Саратак (и. п. Б. Яломан) (*саратак* «годовалый марал»), лог Соок суу (и. п. Яконур) («холодная вода»), р. Тошту (и. п. Кош-Агач) («ледяная»), р. Тусколь, л. пр. р. Башкауз, р. Тускол ойык, л. пр. р. Кара кујур (*тус* «соль» + *кол* «озеро» + *ойык* «впадина, углубление») и др.;

2) имена, связанные с передвижением и кочевым образом жизни предков современных алтайцев, со способами, средствами передвижения, дорожными событиями, состоянием путей, наличием или отсутствием дорог, переправ и т. д.: м. Адыр зурген (и. п. Чаган-Узун) («жеребец ходил»), р. Бектису (*бекту* «закрытый, запертый»), р. Берткем, л. пр. р. Катунь (*берт* алт. и тув. «запертое непроходимое место»), р., лог Јаганар, пр. пр. р. Улукем («топ, который увеличится»), р., лог Јол тужер, пр. р. Сарыколтык («дорога спустится»), лог Салдам (и. п. Чибилу) (*салдам* тув. «место с медленным течением на реке»), руч. Туок (и. п. Шебалино) («замкнутый, не имеющий выхода, закрытый со всех сторон») и др.;

3) имена, отражающие занятие алтайцев земледелием. Жители некоторых районов области занимались и мотыжным земледелием, выращивая на своих полях ячмень, овес, пшеницу. В высокогорных долинах Кош-Агача, Улагана и Огудая и сейчас сохранились остатки существовавших прежде древних ирригационных сооружений. В степи Тѳѳ — в Курайской долине, в долине р. Урсуда — между рекой Куртой и и. п. Шашикман, в долине р. М. Ильгумен — около и. п. Хабаровка и в долине р. Б. Ильгумен — около и. п. Купчеген оросительные системы были специально изучены археологами и датированы началом и. э. Ряд топонимов отражает эту сторону деятельности населения, сохраняя как реликты в своем составе слова, давно уже забытые и ушедшие на язык, но оставшиеся в географических названиях. Сопоставления с другими тюркскими языками помогают установить исторически обусловленную этимологию и избежать неверного толкования. Давно уже не используются в Горном Алтае сложные системы каналов, поэтому и из языка исчезли слова, связанные с ними, а вот в Туве, Киргизии и Казахстане по-прежнему такого рода сооружения находят широкое применение, и в языке живы древнейшие термины, связанные с искусственным орошением.

К топонимам указанной группы относятся р. Абыл ойок (*абыл* «мотыга для обрабатывания полей» + *ойок ойык* «впадина, углубление»), р., г. Айгулак (пр. пр. р. Чуя) (*ай* «луна, месяц» + *кулак* с общим значением «ух» и дополнительным в тув. «ответвление оросительного канала», кирг. «разветвление арыка», казах. «голова небольшого арыка; единица измерения воды в оросительной системе для полива на юге и востоке Казахстана»). Судя по топонимам, в алтайском языке существовало, как в тувинском, киргизском, казахском, такое же дополнительное значение), г. Кара кылак (и. п. Санькин ал.) (*кари* «черный» + *ку-*

лак «ухо»), г. Моиккулак (и п. Ело), р. Мункулак (и п. Бурунда) (*мббн* тув. «глубокий» + *кулак* «ответвление оросительного канала»), лог Орто кулак (и п. Кайсын) (*орто* «средний» + *кулак* с дополнительным значением), Кыралу кообы (и п. Шаргайта) (*кыра* «пашня, пахотное поле»), р. Сауаклар (и п. Сосикат) (*суак* «канал для орошения полей» + *калар* «останется»), хр. Тыммуш (и п. Курунда) («борона, грабли»), лог Таикылу («табак»). Перечисленные топонимы в основном и располагаются в местах, где в настоящее время или занимались земледелием, или сохранились следы этого занятия предков современных алтайцев;

4) имена, связанные с бытовой и общественной жизнью населения. К этой группе относятся топонимы, которые содержат в своей основе сведения о быте, определенных жизненных ситуациях, исторических событиях, родственных отношениях, религиозных представлениях и т. д. — в общем, все то, что входило неотъемлемой частью в жизнь алтайца и что было перенесено им на природу: руч. Аланчыкту (и п. Ябаган) (*аланчык* «круглая войлочная юрта; обруч из прутьев, охватывающий жерди аила»), р. лог Карамалу, пр. пр. р. Башкауэ (*карама* «деревянные скрепы, которыми прикрепляются полозья саней»), ст. Малталу (и п. Кокорю) (*малта* «топор»), р. г. Чакылу (и п. Абай) (*чакы* «конопля»).

Среди топонимов, содержащих сведения о различных событиях прошлого, имеется один гидроним со второй частью *балык* и первой *эр, ер, ер, яр, яр, зар*, зафиксированной в таких формах на картах и в других письменных источниках. На месте название было проверено и уточнено как *Яр балык*. Осведомители-алтайцы дают значение этого топонима как береговая рыба. Сравнение с другими топонимами, имеющими слово *балык* в своем составе, показывает, что, как правило, *балык* входит в их состав как производное прилагательное с аффиксом *ту* со значением не рыба, а рыбу имеющий, с рыбой. Население, воспринимая *Яр балык* как береговая рыба, затруднилось сказать, что это за рыба и почему она так названа. По нашему мнению, здесь произошло переосмысление топонима, первоначальная форма его была, действительно, *Яр балык*, но с совершенно иным значением. Попытаемся дать объяснение второй части названия. У Л. Будагова⁴ встречаем «джагатайское *балык*» город, обнесенный стеной (из этого слова составлены названия городов, местностей), Беш балык (город в западном Китае или Туркестане, на 40 дней пути от Пекина), у В. В. Бартольда⁵ приводится несколько топонимов с данным компонентом: Илибалык, Ордубалык («город двора», древняя уйгурская столица — VIII—IX вв., позже ее руины назывались Мобалык «плохой город»). То же древнейшее значение слова дают М. Кашгарский⁶ и С. Е. Малов.⁶ Слово *балык* в нашем топониме тоже восходит к древнему значению «укрепленное место, городище», а общее значение топонима *Яр балык* — береговое городище — кажется более вероятным, чем береговая рыба. В Горном Алтае встречаются и другие памятники старины — наскальные рисунки и надписи. На скалах и камнях можно увидеть изображения различных фигур животных, птиц, людей. Это явление отразилось и в географических названиях: г. Бичиктү кая (и п. Мендур-соккон), Бичиктү (кая) бом (и п. Абай) («горы с надписями»).

Около и. п. Узнезя есть гора и река Бий туткан («господин пойман»). В Вербицкий⁷ связывает с этим названием один из эпизодов междоусобной борьбы алтайских ханов.

Особый интерес представляет выражение и отражение в топонимии религиозных представлений алтайцев. Освещая этот вопрос, нельзя не остановиться на обожествлении населением природы, особенно гор.

С культом гор у алтайцев сталкивались многие ученые, исследовавшие эту страну. Правда, обширных сведений в работах не найти (исключая Л. П. Потапова⁴), во-первых, потому, что специально этим вопросом исследователи не занимались, а во-вторых, потому, что сам культ и его обряды содержались в тайне, и с различными проявлениями его алтайцы часто знакомили неохотно и только вынужденно.

С преклонением населения перед горами ознакомился во время своих экспедиций в Горный Алтай Н. М. Ядринцев⁵. Он обнаружил, что не только горы, но и вся природа обоготворяется алтайцами¹⁰. У каждой долины, горы, реки есть свой дух — ээзи. Особое благоговение вызывает Яч-сури — Белуха. Наконец, это обожание олицетворяет весь Алтай, к которому сложилось особое обращение:

«Алтай-Хангай! лес и камень,
Бегущие реки молитвою нашей обереги,
Без страха провести день дай,
В горах нам перевал дай,
Детям милость дай» и т. д.

Горы, по мнению алтайцев, имеют свою жизнь, полную событий, часто трагических. О них существуют многочисленные легенды, часть которых приведена в записях путешественника. С культом гор сталкивались В. В. Радлов¹¹, В. В. Сапожников¹² и другие ученые. Описываемая сторона мировоззрения алтайцев находит параллели у других народов (монголов, тувинцев, тофаларов, карагасов). Так, В. А. Кавалевич¹³ сообщает, что вся монгольская территория покрыта тысячами священных гор, которыми могут быть и снеговые гиганты и горы средней высоты, а иногда даже простые холмики.

Точно также как горам, алтайцы, по сообщению Н. М. Ядринцева¹⁴, поклоняются воде, которой присваивают титулы водяного, хозяина-царя, зовут воду-матушка, переходница.

Тюрко-монгольские народы в своем преклонении перед силами природы не одиноки. Английский топонимист Э. Экуол¹⁵ специальный раздел своей книги посвящает преклонению перед водой германских племен и его отражению в географических названиях. Многие топонимы в Англии имеют значение «святой», это Dee, Dewey, Holtwell, Halliwell. Некоторые из водных источников могут быть идентичными или производными от названий божеств Lea, вероятно, от Lugus — бог. Названия с элементом Camel являются производными от Camulos — имя британского божества. В эту же группу Э. Экуол относит ряд топонимов, производных от названий животных, так как среди древних кельтов было распространено обожание животных (Varty «река святого медведя»). Предполагается, что Aelfen было старым названием Dee и было изменено, потому что прежнее название оказалось слишком священным для ежедневного употребления. В Англии много названий рек, которые обозначают просто «река» или «что-то извилистое, черное». Э. Экуол предполагает, что они заменили собой более ранние названия, которые стали табу. Эти наблюдения Э. Экуола подтверждает и П. Рини¹⁶, а во французской топонимике А. Доза¹⁷.

Итак, сделанный обзор убеждает нас в том, что преклонение перед природой, как результат зависимости от ее стихий, являлось всеобщим достоянием народов (у некоторых (Гавайские острова)¹⁸ сохранилось и до настоящего времени) и нашло свое отражение в топонимии, часть географических названий затабуирована.

Известно, что табу на слова встречается и у алтайцев, у которых под запретом находится часть лексики охотничьего промысла. Для многих зверей у них существуют условные или подставные слова: ам

вместо имени лоса, медведя, дикого оленя, волка; существуют подставные слова для соболя, белки, хорька²⁰.

А. Самофлович²¹ находит в алтайском языке особый женский лексикон (пајла) и приводит список слов (42), которые употребляются только женщинами, мужчины во всех этих случаях имеют свои собственные слова. В данном списке находим *јајкын*, *јајкын* «река», употребляемое женщинами вместо *су*. Встречается ли табуирование, употребление подставных, условных слов в топонимии? Исходя из всего сказанного, можно думать, что какая-то часть географических названий находилась, а возможно, и находится под табу. Наши попытки выяснить этот вопрос на месте не увенчались успехом. Собранные топонимы данного класса, вероятнее всего, — истинные слова, связанные с культом гор. Дая рек и озер в нашем распоряжении имеется только несколько названий, относящихся к культу. К выделенному классу топонимов с информацией о религиозных представлениях алтайцев относятся: лог, ст. Азалу, Азалу кообы (и п. Шаргайт, и п. Саратаи, и п. Апшыякта) (*аза* «демон, злой дух»), пер. Багайиш (и п. Улаган) (багай «плохой, дурной, негодный» + *йиш* «густой лес, тайга»), г. Баян жүрек, ур. Байнду-Дюрек (и п. Озерный) (баян монг. «богатый» + жүрек «сердце»), Бакбаалык бляжи (и п. Балыкту-юл) (*бик тув* «плохой, дурной, нерадивый» + баалык «седловина»), г. Богколу (и п. Акюл) (*ботко* «смесь толокна и кобыльего молока для кропления в честь Жайыка»), г. Ник, Ник-туу, Јави Никту (и п. Улаган) (*ийик* «животное, посвященное в жертву»), г. Јаламалу чоки (и п. Балыкту-юл) (јалама «узкая полоса материи или шнур с белыми и красными лентами, растянутая между двух берез около жертвенника»), г. Кабракан (и п. Тюдрала) («почтительное название божества, духов, идолов, чтимых как божество»), г. Кам тура («стижка шаманов»), р. дол. Камтыт (и п. Сугаш, Тюдрала, Улаган) («Кроме того, на Алтае есть священные деревья «кам агач», это местопребывание святого духа. Дерево это обыкновенно лиственница, имеющая в середине или наверху густую непроницаемую шапку зелени. За рекою Сугашем находится ключ Камдыт, сплошь покрытый этими деревьями²²»), р., лог, г., ур. Кара жүрек (и п. Абай, Белый бом) (черное сердце), Казыр таш (и п. Мухор-Тархата) (*казыр* «деспот, тиран, жестокий»), Көрмөс ойин (и п. Шаргайт) (*көрмөс* «дух, дьявол, черт, бес»; ср. с топонимами американского штата Калифорния, где 200 природных объектов имеют в названии слово *devil* «дьявол, черт, бес». Это имя там носят не только запретные места в лесах и горах, но также сверхъестественные базальтовые образования, дюны, лава, многочисленные пруды с дурным запахом и колоды²³), р., лог. Кудай берген (и п. Белый бом) («бог дал»), лог. Јаан Курманак, Кичинек Курманак, р. Курманда (и п. Акюл) (*курман* казах., кирг. «жертва, жертвоприношение»), пер. Яконурский алтайцы называют Оболу боочы (у Л. Будагова *обого*, *обоо* «куча, стог (сродно с монг. *обо*); «алтаец-язычник при переезде через гору-погочн, считает долгом в честь духа горы туу сези положить камень или ветвь; от этого постепенно составляется куча камней или ветвей, которые называются обого; такие сооружения встречаются у многих народов),²⁴ Саг кая (и п. Мухор-Тархата) (саг «треножник, на котором совершается курение во время жертвоприношения»), р. Сантар (и п. Анос) («треножники»), р. Тепши-оюк (*тепиш-тепиш* «1) выдолбленное деревянное корытце; 2) особая чашка, в которую кладутся куски вареного жертвенного мяса во время жертвоприношения»), Түдект (и п. Абай) (*түдек* «дым»), р., заимка Тюнгур (и п. Маргала) (*түнгүр* «бубен шаманский»), Чабал туу (и п. Апшыякта) (*чабал-јаман* кирг., шор., саг. «дурной, злой, гадкий»), Ширедаш (и п. Јодро) (ширә «настилка из берестовых прутьев») и др.

Таким образом, часть оронимов, а также некоторые гидронимы Горного Алтая сохраняют связь с древнейшим культом, отражая не только ритуальную его сторону, но и деление гор (как и у монголов) на «плохие» — азалу, багай, бак, кебер, кирелу, казыр, кормбс, тудек, чабал — и «хорошие» — баян, калаш, чараш. «Хорошими» скорее всего были те, которые оказывались добрыми и милостивыми к населению: дали ночлег, пищу, богатую охоту. Но природа не баловала алтайцев, средства к существованию добывались с великим трудом, горы нередко вызывали к себе резко отрицательное отношение из-за отсутствия на них хороших пастбищ, воды, мест укрытия животных и человека во время непогоды; горы действительно страшны во время непогоды, ливней, бурана, когда некуда укрыться, и кажется, что именно они, эти снежные и совершенно пустые громады, виноваты и в падеже скота, и в болезнях, и в голоде. Это и выразилось в таком заметном преобладании в оронимах отрицательных эпитетов для гор.

Безусловно, по сравнению с обширными этнографическими сведениями о культуре гор, топонимического материала собрано немного, но все-таки он позволяет сделать некоторые выводы: 1) преклонение алтайцев перед природой, особенно горами, нашло свое отражение в топонимии, 2) какая-то часть названий географических объектов была табуирована. Последний вывод сделан на основании сравнения с этнографическими данными других народов, на основании существования в среде самих алтайцев так называемого женского лексикона, тоже связанного со словесными запретами.

Охота, распространенная в Горно-Алтайской а. о., богатой разнообразием животного мира, вызвала к жизни топонимы, включившие информацию о способах охоты, охотничьих происшествиях, животном мире: лог Аю чапкан (н. п. Белый бом) («медведя зарубил»), дол Аг аткан (н. п. Акюл) («в зверя стрелял»), оз Антушкен (*ан + тйшкен* «зверь спустился»), р. Анчигар (н. п. Бурунда) (*ан + чык + ар* «зверь выйдет»), р., лог Яничык тушкен (н. п. Балькту-юл) «охотничью сумку потерял»), Кындак туу (н. п. Ябаган) (*кындак* «ложка у ружья»), р. Тузак, пр. пр. р. Кадрии («сенок, петля для ловли птиц, зверьков»), Тулку каскан (н. п. Балькту-юл) («лиса нору выкопала»), анырлу кол (агыр «варнавка»), дол Чай ойын (н. п. Ябаган) (чай «глухарь») и др.

По горным отрогам Алтая широко раскинулись леса, в которых главное место занимают хвойные — сосна, ель, пихта, лиственница, кедр. Лиственные деревья — береза, осина, тополь и др. — чаще всего встречаются в виде примесей к хвойным лесам. Преобладание кедр, пихты и ели, имеющих темную хвою, придает лесам на северо-востоке Горного Алтая черный вид. Лесные богатства Алтая использовались населением различно: для постройки андов (сосна, лиственница), изготовления лыж (сосна), посуды (береза); лес давал алтайцу пищу (ягодные кустарники, кедр, черемуха, рябина), топливо (пихта, различные кустарники) и т. д. Алтайцы, как и другие народы Сибири (кеты, например), из деревьев отмечают в названиях только такие, которые давали человеку что-нибудь в пищу (сосна — заболонь, кедр — орех, черемуха — ягоду) или другие предметы, необходимые для хозяйства (черемуха — древесину, кору, саргу; лиственница — смолу, береза — бересту для изготовления чумов, различных коробок и сосудов).²⁴ Частотность в названиях отдельных видов деревьев и кустарников, по всей вероятности, связана не только с их природной распространенностью, долей в общем запасе, но и со степенью интенсивности использования для различных хозяйственных нужд, что хорошо демонстрирует нижеприведенная таблица. Для сравнения нами взяты лиственница, пихта, хвойная поросль, кедр, тополь, кустарники. Цифры, помещенные за

наименованием вида, показывают участие слова, его обозначающего, в образовании географических наименований. В этом преимущество залиственницей. Итак, эта группа топонимов содержит информацию о лесных промыслах населения области.

тыт (28) лиственница	г. Беш тыт (и п. Кырлык) («беш «пять»», р., лог, г., пер., м. Јус тыт (и п. Кокорю, Юстик) («беш «сто»», р., лог, м. Кара тыт (и п. Кун чеген, Юстик, Язулу, Мухор-Тархата), лог Јаан Кара тыт (и п. Красноярка), р. Когыл тыт, пр. пр. р. Башкауз («кочул кирг. «небольшое углубление, узкое пространство между двумя предметами»», р., лог Кургак тыттугой, пр. пр. р. Чуя («кургак «сухой»», р., лог, м., ур. Кызыл тыт (и п. Тюдрала, Уажан, Кырлык, Мухор-Тархата, Красноярка), лог Устуги кызыл тыт (и п. Кайсын), лог Алтыгы кызыл тыт (и п. Кайсын), дол. Ойдык тыт (и п. Талда), г. Оргу тыт (и п. Курай), р., лог Салкын тытту ой (и п. Белый Бом), лог Сары тыт (и п. Јодро), Тытту кыр (и п. Камай), Тытту кообы, м. Чокыр тат (и п. Мухор-Тархата), р. Тыткескен («лиственница срублена»).
чыби (14) пихта	р., лог, г., дол., ур. Шибилк (и п. Талда), р. Алтыгы Шибилк, лог Мукур Шибилк (и п. Талда), р. Тегерик чебе, руч. Чебе (и п. Куяхтанар), кл. Чибилу, пр. р. Кокса, лог Чибилу (и п. Чибилу), г. Чибилу (и п. Улаган), лог Чибилу собок (и п. Язулу), руч. Чиболайро (и п. Марининское).
мош (14) кедр	г. Јалбак мош (и п. Јаконур) («широкий кедр»), м. Јантык мош (и п. Апшыякта) («кривой кедр»), р., лог Јарык моштор (и п. Јломан), г. Кара мош (и п. Чибилу), р., лог Моштор (и п. Ы. Јломан), р. Мошту айры (и п. Язулу), дол. Мошту айры (и п. Кастахта), р., лог Мошту жарык (и п. Чаган Узуи), г. Мешту таз (и п. Белый Ануй), р., лог Уч мош (и п. Белый Бом).
чет (9) хвойная поросль	р. Јаан чет, ур. Кара чет (и п. Верх. Белый Ануй), р., лог, г. Сары чет (и п. Купчеген, Ы. Јломан), г. Чедарт, г. Четту (и п. Чичке Чаргы), г. Четту бажы, Четту кообы.

В выделенную группу входит еще значительное количество примеров.

Как уже было указано выше, в I большую семантическую группу выделены топонимы, непосредственно связанные с тем или иным видом практической деятельности человека. В этой же I группе значительная часть представлена названиями, в которых оказывается зафиксированным тот признак самой реалии, который явился существенным для населения, когда объекту давалось имя. Меньшее количество составляют топонимы, в основе которых лежит не реальный признак самого объекта, а перенесение наименования того или другого вида человеческой деятельности или продукта труда на географический объект. Обе подгруппы объединяет одно — прямое участие реалии в удовлетворении потребностей человека: материальных и духовных. Во II значительную семантическую группу мы помещаем названия, опосредствованно относящиеся к практической деятельности человека. Они вовлекаются в удовлетворение потребностей по мере необходимости, время от времени, и притом не прямо, а опосредствованно. Например, в таком занятии,

как скотоводство, алтаец использовал под пастбище, водопой, дорогу не все объекты, его окружающие, а только часть, наиболее ему удобную, и, конечно, эти места он и назвал в первую очередь. Теперь возникает вопрос: как называл? Если гора, долина, урочище сразу стали использоваться как пастбище, а река, озеро, ключ как водопой, то это оказалось отраженным в названии. Топонимы такого рода включают сразу две информации: о реальном признаке самого объекта и о практическом его использовании. В первой же группе есть топонимы с нулевой информацией о содержании объекта, но с полным освещением какой-то стороны деятельности человека. Это первая, уже проанализированная группа. Вторая объединяет названия, в основе которых лежит тот или иной признак самой реалии, о чем топоним и информирует, но он молчит о том, как объект связан с человеком, для чего он ему служил. Трудно себе представить, что все Кара таи, Сары бзюк, Кок суу получили имя только потому, что человеку вдруг пришла в голову мысль их назвать. Если объект получает имя, то значит человек многократно с ним сталкивался, а не просто мимо прошел, заметил и назвал. Скорее всего он этим именем отметил себе дорогу, путь обратно, сориентировал по этим объектам и другим. Ведь не только у алтайцев, но и у многих других народов названия далеко не все природные объекты и даже не все те, которые чем-то примечательны, этим привлекают к себе внимание, но не всегда побуждают к номинации. Имя — это потребность общественная, а не индивидуальная, оно служило практическим целям, но не всегда говорит, каким. Таким образом, во II группе топонимов, опосредствованно связанных с практическими интересами общества, налицо одна открытая информация — о каком-то свойстве объектов и закрытая другая — об их назначении, которое в любом случае может быть предположено, исходя уже из общественного уклада и т. д. Эта скрытая информация для Горного Алтая определяется так: топонимы II группы служили населению ориентирами на местности. А в основу номинации был положен цвет, форма, размер объектов, их местоположение, количество. Итак, последующий анализ коснется II семантической группы, т. е. топонимов, отражающих опосредствованную связь географических объектов с практической деятельностью человека.

В основе апеллятивов следующие признаки реалий (цвет (ак, куу, кара, баран, кок, чагкыр, кызыл, сары и др.); размещение на карте топонимов с цветовым компонентом в составе показывает значительное преобладание светлой окраски в северо-западных и западных районах Горного Алтайской а. о. и темной — в юго-восточных и восточных. Крайние и голубые тона равномерно распределяются по всей территории; размер (бийик, албак, јаан, терет, узун, чичке и др.); форма (болчок, жалбаг, тоюлок и др.); количество (алты, беш, көп, он, одус, уч, тогус).

Общий семантический анализ, проведенный нами для рек, логов, гор, ущелий, долин, урочищ, не позволил выявить специфику номинации каждого из указанных видов объектов. Самыми яркими тем не менее оказались горы, особенности которых брались в основу наименования ряда рек и логов, с них начинающихся.

Вопрос, что легло в основу наименования, оказалось решить гораздо проще, чем ответить, почему так названо, когда не существует документального исторического материала, а географические описания реалий не дают во многих случаях таких ответов, потому что они ведутся и велись людьми, которые смотрели на объект уже с другой точки зрения и учитывали признаки, интересующие их и, возможно, совсем не интересовавшие предков современных алтайцев.

Интересным оказывается и факт, что некоторые горные массивы получают наименования в зависимости от того, с какой стороны к ним

подходят или с какой стороны от объекта живут. Так получается, например, со столь знаменитой горой Белухой. В среде самих алтайцев она имеет несколько названий, мотивированность которых очень легко проверить, так как этот массив описан многими исследователями и с разных сторон. Даже у русских, которые познакомились с ним сравнительно недавно, существует два названия — Белуха (от ее обильного снежного покрова) и Катунские столбы (что указывает на связь вершины с началом реки Катунь). В. В. Сапожников слышал у алтайцев три названия для этой горы: Катун бажы, Ак-сюрю (сюрю «острый, остроконечный») и, наконец, Мусду-тау, то есть ледяная гора. Мы слышали у алтайцев два названия: Уч айры и Кадын бажы. Все эти шесть соперешиено различных названий вполне отвечают тому описанию, которое имеется для Белухи в трудах ее исследователей, изучавших этот горный массив с разных сторон.

- ¹ H. S. Serensen. The meaning of proper names with a definient formula for proper names in modern English, Copenhagen, 1963, pp. 26—107. S. Ullmann, The principles of Semantics, Glasgow-Oxford, 1959, pp. 73—213.
- ² В. А. Никонов. Введение в топонимику, М., 1965, стр. 26.
- ³ Л. Будатов. Сравнительный словарь тюркско-татарских наречий, т. I, вып. 1, СПб, 1868, т. I, вып. II, СПб, 1869, т. II, СПб, 1871, стр. 237.
- ⁴ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II (II, III, М., 1963—1965, с. 362, 443.
- ⁵ М. Кашгарский. Диوان, Ташкент, 1963, т. III, стр. 360.
- ⁶ С. П. Мамон. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.-Л., 1959.
- ⁷ В. Вербицкий. Алтайские инородцы, М., 1893, стр. 122.
- ⁸ Л. П. Потапов. Культ гор на Алтае, СЭ, 1946, 2, его же, Пережитки родового строя у северных алтайцев, Л., 1937.
- ⁹ Экспедиция Н. Ядринцева на Алтай, Изв. РГО, 1881, т. XVII, СПб, в. 1, 1887.
- ¹⁰ Н. М. Ядринцев. Об алтайцах и черных татарях, Изв. РГО, 1881, т. VII, СПб, 1887, вып. 4.
- ¹¹ Путешествие д-ра Радлова через Алтай к Талецкому озеру и реке Абакану, Томск, 1881.
- ¹² В. В. Сапожников. Катунь и ее истоки (путеш. 1897—1899 гг.), Томск, 1901.
- ¹³ В. А. Казакевич. Современная монгольская топонимика, Л., 1934.
- ¹⁴ Н. М. Ядринцев. Об алтайцах и черных татарях, Изв. РГО, 1881, т. VII, СПб, 1887, вып. 4.
- ¹⁵ E. Ekwall, English River-Names, Oxford, 1928, p. III.
- ¹⁶ P. H. Reaney. The origin of English place-names, London, 1961, p. 77.
- ¹⁷ A. Dauzat. La toponymie française, Paris, 1946, p. 12.
- ¹⁸ M. K. Pukui and S. H. Elbert. Place-names of Hawaii, University of Hawaii Press, 1966.
- ¹⁹ Д. К. Зеленин. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, Сб. музея антропологии и этнографии, ч. I, т. VIII, 1929, с. 91—128.
- ²⁰ А. Самолович. Женские слова у алтайских турков, Язык и литература, т. III, Л., 1929, стр. 227.
- ²¹ Н. М. Ядринцев. Об алтайцах и черных татарях, Изв. РГО, 1881, т. VII, СПб, 1887, вып. 4, стр. 244.
- ²² E. G. Godde. California place-names. The origin and etymology of Current geographical Names, University of California Press, 1960, Berkeley and Los Angeles, p. 84.
- ²³ Е. Г. Кагаров. Монгольские «собо» и их этнографические параллели, Сб. Музея антропологии и этнографии, т. VI, Л., 1927.
- ²⁴ А. П. Дульзон. Топонимы Западной Сибири как один из источников ее древней истории, Сб. Из истории Кузбасса, Кемерово, 1964, с. 251—252.

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В РАЙОНЕ ПАЗЫРЫКА

В мае и июле 1968 г. В. Ф. Чумакаевым в районе Пазырыка в нескольких пунктах были обнаружены наскальные изображения*. Все они выполнены ударами нетяжелого заостренного орудия на плоских участках скал или на гребнях валунов. В числе открытых изображений представлены одиночные фигуры животных или небольшие их группы, сопровождающиеся неопределенными — чаще бесформенными — сколами. Многофигурные сюжетные сцены отсутствуют. Имеется изображение человека.

Приведем описания этих писаниц.

Вблизи Усть-Балыктуюля, в местности Телетят, в разных местах выбиты фигуры животных: группа копытных — марал, два козла — и два неопределенных четвероногих (табл. I, 2, а-д); голова козла (?) (табл. I, 1); животное, похожее на лошадь, но с тонкой шеей (табл. I, 3) и горные козлы (табл. I, 4, 6). Особенный интерес представляет изображение человека с расставленными ногами и поднятыми руками (табл. I, 5).

На Кутук-суу, между Бургодор и Тажарбажи, вблизи Челушманской дороги и брода Тонмос-суу выбиты две фигуры горных козлов, верхняя контурная, нижняя силуэтная (табл. II, 1, 2). Обращают на себя внимание непонятные усложнения изображений: «третий рог» (или вытянутое ухо (?)) и «второй хвост» — у верхней фигуры, «горб» и добавочные рога — у нижней. Недалеко от этой группы находятся две контурные фигуры козлов, обращенные вправо, и какие-то насечки перед их мордами (табл. V, 1). У верхнего козла тонкое тело и длинная шея, короткий вздернутый хвост, два загнутых назад ребристых рога и заостренное ухо. Показаны только две ноги. Морда длинная и безбородая. Нижняя фигура поменьше верхней. Скорее всего это тоже козел. У него тело несколько массивнее, чем у верхнего, показаны три ноги, вздернутый короткий хвост, рог и одно ухо; морда удлиненная, с бородкой.

Недалеко от этих фигур какие-то знаки, по форме напоминающие изображение головы козла в фас или схематический рисунок летящей птицы (табл. IV, 4, 5, 7) и фигура марала (табл. IV, 6).

Вблизи брода Тонмос-суу между Кутук-кёл и Тужар-бажи на большом камне (7×5 м, высота 1,8 м) выбиты две фигуры, напоминающие

* Василий Федорович Чумакаев — хорошо известный в Горно-Алтайской АО краевед и лектор. Прекрасно выполненные копии, описания рисунков и всю документацию В. Ф. Чумакаев переслал в Ленинград С. С. Сорокину для подготовки материалов к совместному изданию. С. С. Сорокин с большой признательностью принял предложение соавторства. (Прим. ред.)

изображения животных, — одна контурная, другая силуэтная (табл. III).

На р. Сары-кобы, к востоку от Пазырыка, обнаружены грубо выбитые силуэтные фигуры животных: козла и незаконченная фигура еще какого-то четвероногого (табл. IV, 1, 2). А в верховьях Сары-кобы, ближе к Пазырыку, имеются три силуэтных изображения козлов (табл. V, 2) и под ними какие-то незаконченные фигуры. У левого козла тонкое тело, две ноги, вздернутый хвост и высоко поднятая голова с одним рогом и одним ухом. Средняя фигура несколько массивнее и грубее передает натуру. У правой фигуры, сильно искаженной по отношению к натуре, — два больших прямых рога, массивная голова и четыре коротких ноги.

В настоящее время наскальные изображения на территории Горного Алтая широко известны. Они зафиксированы по берегам Катунь, Чуи, Челушмана, Аргута, Чарыша, Урсула и др. рек.¹ В большинстве своем они выполнены техникой скола темного поверхностного слоя камня, реже — процарапанные. В стилистическом отношении отчетливо различимы контурные и силуэтные изображения, что характерно также для наскальных рисунков, открытых В. Ф. Чумакаевым. Это, скорее всего, не хронологические группы. Хотя возможно, что контурные, являющиеся вариантом так называемых «ажурных», теснее примыкают к изображениям, относящимся к эпохе широкого распространения звериного стиля в Азии, то есть в основной своей массе датируются второй половиной I тысячелетия до н. э., в то время как бытование силуэтных охватывает более широкий диапазон времени.

Козлы, изображения которых даны в таблице II, имеют по три рога. Фигура трехрогого оленя выбита на камне у подножья горы Коккан на Катунь ниже устья Урсула. Числу три древние шаманы придавали особое магическое значение.² Поэтому вполне вероятно, что в данном случае изображены шаманские «духи-помощники».³

Интересна фигура человека, обнаруженная в местности Телетят вблизи пашни (табл. I, 5). Человек изображен в позе пляски с каким-то предметом (бубен ?) в левой руке.

Наскальные изображения, открытые в междуречье Челушман — Блишкаус, обогащают наши знания о культуре древнего населения Горного Алтая.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

¹ П. П. Хороших. Писаницы Алтая (Предварительное сообщение). КСИИМК, вып. 14, 1947, стр. 26—34 с 5 илл. Библиогр. 35 назв. Он же, Писаницы на горе Манхай, КСИИМК, вып. 25, 1949, стр. 127—131 с 4 илл. Библиогр. 5 назв. Он же, Изображение на скале Ябак-таш, КСИИМК, вып. 25, 1949, стр. 132—133 с 2 илл.; Л. Р. Кызласов. К истории шаманских верований на Алтае. КСИИМК, вып. 29, 1949, стр. 48—54 с 1 илл.; Л. А. Евтюхова. К вопросу о писаницах Алтая. КСИИМК, вып. 36, 1951, стр. 189—190.

² Н. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Труды XIV Археологического съезда, том I, М., 1910, стр. 165, табл. I, II, Г. Н. Боровка. Археологическое обследование среднего течения реки Толы. Сб. «Северная Монголия», II, Л., 1927, стр. 79—84; А. Д. Грач. Петроглифы Тувы, I, Сб. Музея антропологии и этнографии, вып. XVII, 1957, стр. 393, 398, 403—407. Он же, Петроглифы Тувы, II, Сб. Музея антропологии и этнографии, вып. XVIII, 1958, стр. 346, 350, 369, табл. VII, I; XIV, 1. А. П. Окладников. Шижинские писаницы. Памятники древней культуры Прибайкалья. Иркутск, 1959, стр. 77—109; С. С. Сорокин. Изображение оленя на скале вблизи Катон-Карагай. Сообщения Государственного Эрмитажа, XXVIII, Л., 1967, стр. 53—55.

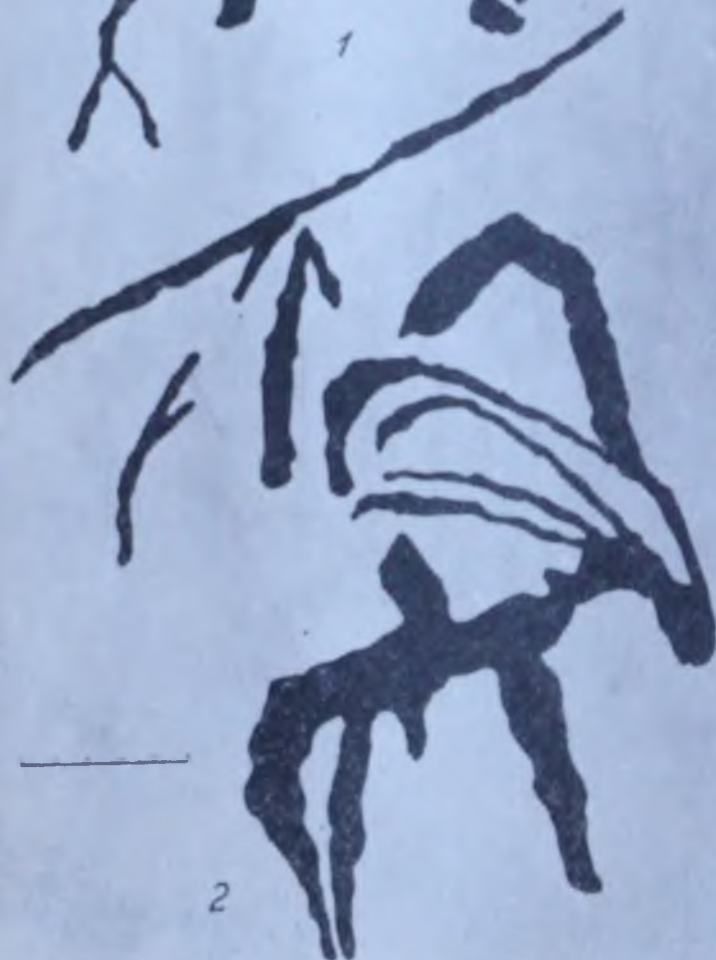
³ А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Сб. Музея антропологии и этнографии, вып. IV, 2, стр. 4, 8, 9, 12, 87, 99, 102, 105, 109—116, 123, 133; Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, СПб, 1883, табл. XVI, 73, 75; табл. XVII, 77; табл. XXI, 92; Д. К. Зеленин. Культ оигонов Сибири. М.—Л., 1936, стр. 48—54; С. С. Сорокин. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.), Культура и искусство народов Востока, 7, Труды Государственного Эрмитажа, том X, Л., 1969, стр. 229.

⁴ П. П. Хороших. Писаницы Алтая, рис. 20, стр. 27.

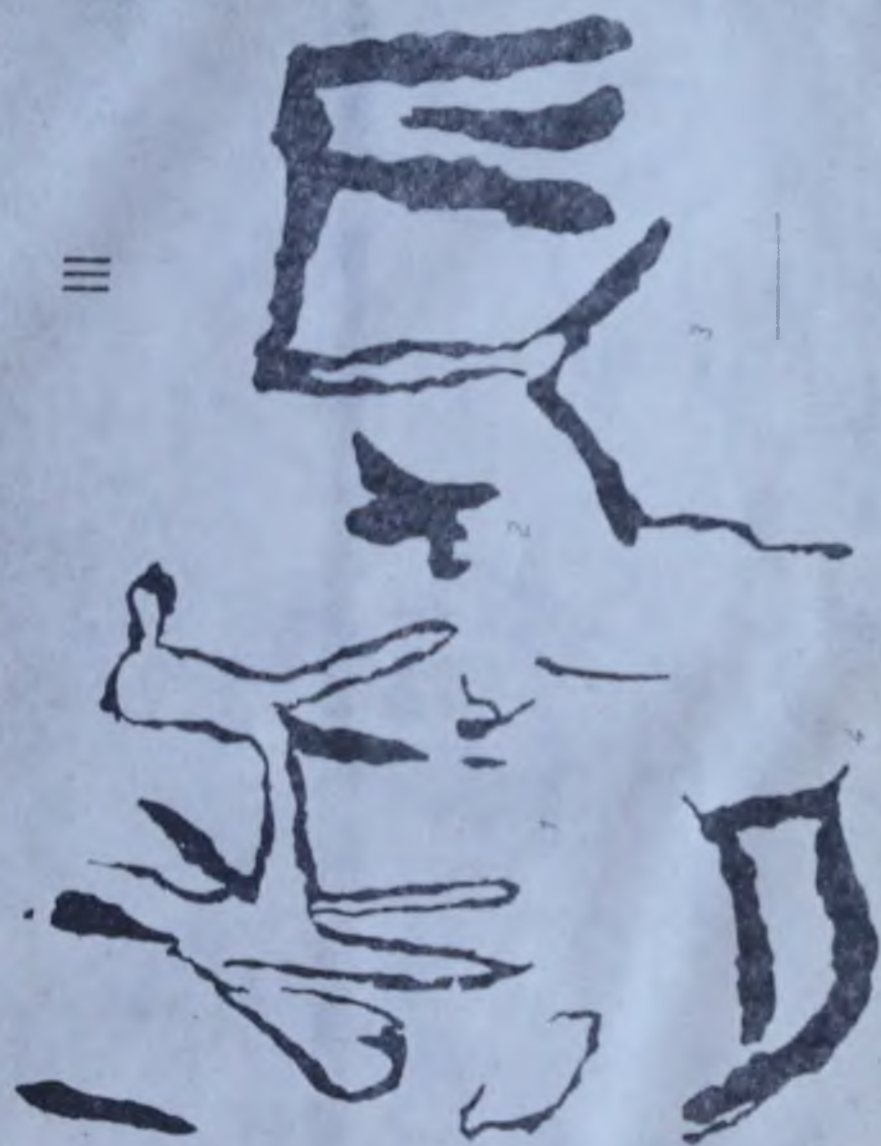

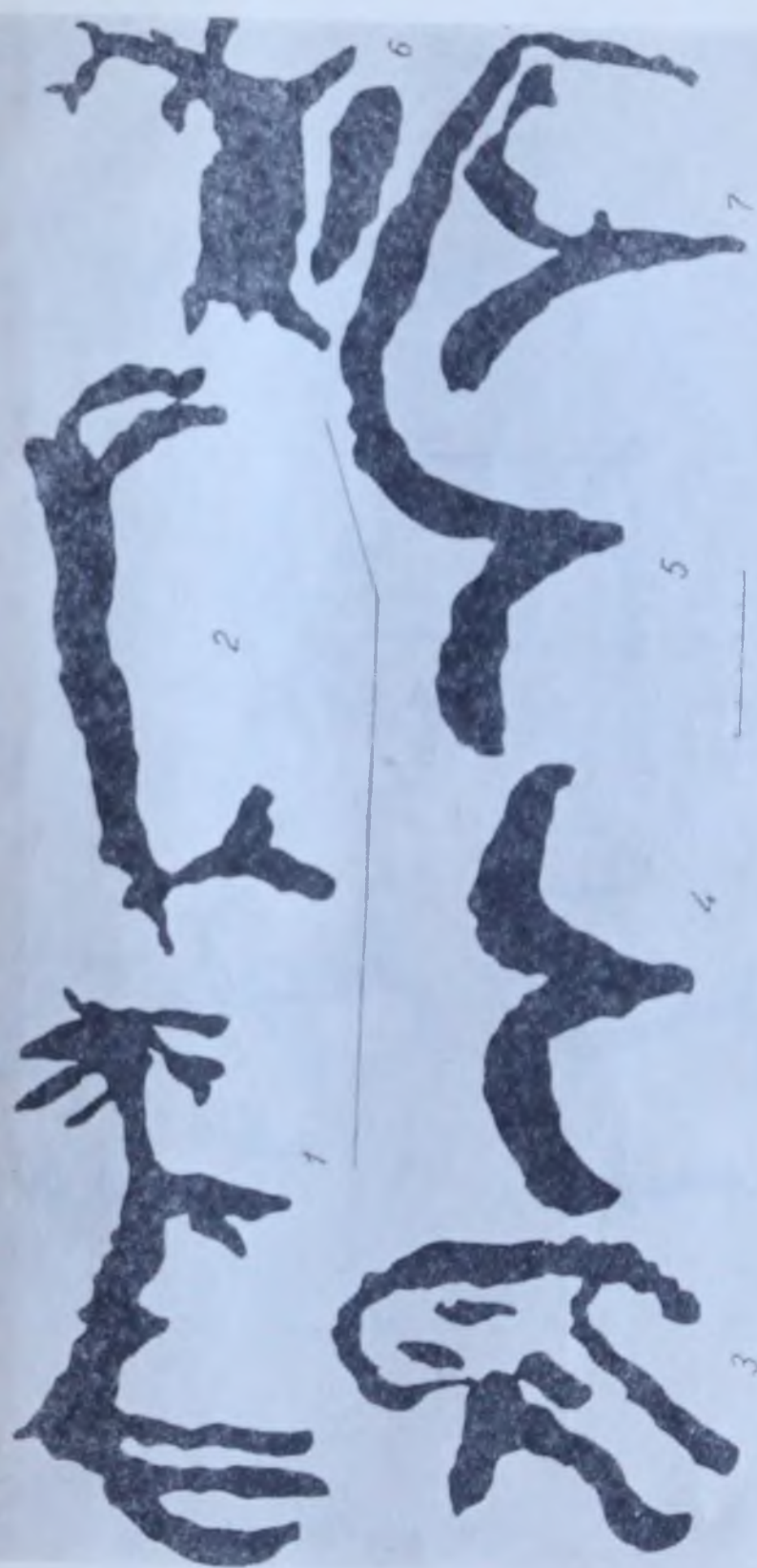
11 11 11

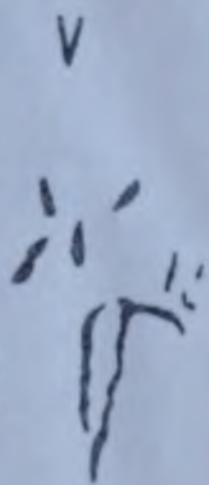

三

V

1

a

b

c

d

e

2

СОДЕРЖАНИЕ

В. Р. Андрианна. Деятельность Горно-Алтайской партийной организации по руководству клубными учреждениями области (1946—1965 гг.)	3
И. Ф. Мизюев. Деятельность Горно-Алтайской областной партийной организации по повышению материального благосостояния и культурного уровня жизни трудящихся области в годы семилетки (1959—1965 гг.)	20
Л. П. Потайов. Из истории национально-культурного строительства у алтайцев	31
П. Э. Курускалов. Первые маршеты в ссылке на Алтае	37
И. С. Мобдоров. К вопросу об всеслойной политике русского царизма в северо-восточном Алтае в XVII веке*	45 ✓
В. Н. Эдинов. Декоративно-прикладное искусство алтайцев	55
Р. А. Пазкина. К изучению проблем развития алтайской поэзии	64
С. М. Катангева. Рифма в алтайской поэзии	80
Г. В. Кондаков. Стилизация и алтайский фольклор (На примере творчества Вс. Иванова)	105
Н. А. Баскина. Характеристика служебных частей речи куминдинского диалекта	115
Е. Н. Чумакеева. О прямом дополнении в алтайском языке	121
О. Т. Молчанова. О семантической классификации в топонимистике (На материале алтайского языка)	130
С. С. Сорокин. В. Ф. Чумаков. Наскальные изображения в районе Пальмира	140

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Выпуск десятый

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Ответственный за выпуск Е. Г. Мултуева.
Художественный редактор Н. Н. Матриваник.
Технический редактор М. Г. Шелепова.
Корректоры У. М. Бабаева, О. Ф. Андреева.

Сдано в набор 1 III — 1971 г. Подписано к печати 27 V — 1971 г.
Формат 70×108^{1/2}. Бумага тип. № 1 Усл. п. л. 12,94.
Уч.-Изд. 12,71. МН 10455. Заказ 919. Тираж 1000 экз. Цена 41 коп.

Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства.
Пр. Коммунистический, 44. Горно-Алтайская типография.
Пр. Коммунистический, 27.

Опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
99	18 сверху	Корбогон жырду чбл- збрди кыстары.	Корбогон жете — 19регимде таш (камень).
»	25—26 сверху	рифмуется имя «Му- рат» с глаголом «турат». Точно также рифмует- ся существительное с прилагательным	Этот отрывок приведен из поэмы Кокышева «Аркыт», в котором риф- муется существительное «телекей» с выразительно-утвердительною

